ГЕРРИТСЕН ТЕСС

ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

В память о моей маме, Руби Цзюйчун Том

БЛАГОДАРНОСТИ

После двадцати с лишним лет писательской карьеры я поняла, что ценней всего — надежные знакомства, которыми мне удалось обзавестись в книжной области. Ни один писатель не может похвастаться такими хорошими друзьями, как мой отличный литературный агент Мег Рули и великолепный редактор Линда Марроу. Вы были со мной, несмотря ни на какие трудности, и мне хочется сдвинуть бокалы мартини с вами обеими! Я также благодарна Джине Сентрелло, Либби Макгуайер и Ларри Финлей за то, что они столько лет верили в меня; Шэрон Пропсон — за то, что превращала авторские поездки и презентации в настоящее удовольствие; Джейн Берки и Пегги Гордейн — за бесконечно точные рекомендации и, наконец, Энджи Хорейш — за ее остроумие и мудрость.

Собирая материалы для романа «Выжить, чтобы умереть», я полагалась на достоверные источники. Большое спасибо моему сыну Адаму за его знания в области огнестрельного оружия; Пегги Маэр, Энидии Сантьяго-Арси и их замечательным коллегам из Центра космических полетов имени Годдарда (НАСА) за то, что так терпеливо отвечали на вопросы закоренелой поклонницы «Звездного пути», а также Бобу Глэзану и Тому Доэрти — за то, что великодушно взяли меня на ту сногсшибательно забавную экскурсию.

Но больше всего я благодарна своему мужу Джекобу. Даже спустя столько лет ты для меня самый лучший.

Мы называли его Икаром.

Разумеется, на самом деле его звали по-другому. Из своего детства, проведенного на ферме, я вынес, что никогда нельзя давать имя животному, выбранному на убой. Вместо этого ты называешь его Свинья номер один или Свинья номер два и стараешься никогда не смотреть ему в глаза, чтобы даже мельком не заметить в них осознанности, индивидуальности или привязанности. Если скотина доверяет тебе, придется долго набираться смелости, чтобы перерезать ей горло.

С Икаром все было совсем по-другому: он вовсе не испытывал к нам доверия и вообще не подозревал о том, кто мы. Зато мы знали о нем очень многое. Нам было известно, что он живет на окраине Рима, в вилле на вершине холма, отродившись высоким забором. Что у него и его жены Лусии двое сыновей — восьми и десяти лет. Что, несмотря на несметное богатство, Икар предпочитает простую еду и местный ресторанчик «Ла Нонна»[1], где обедает почти каждую неделю по четвергам.

А еще — что он чудовище. Именно по этой причине мы и приехали в Италию тем летом.

Охота на чудовищ — не для слабонервных. И не для тех, кого сдерживают банальные теории вроде права и государственных границ. В конце концов чудовища никогда не играют по правилам, значит, и нам это непозволительно. Конечно, если мы надеемся одержать верх.

Однако, отказываясь от общепринятых норм поведения, ты сам рискуешь превратиться в чудовище. Именно так и случилось тем летом в Риме. Только тогда я этого не понял, никто из нас этого не понял.

А потом было уже поздно.

1

В ту самую ночь, когда тринадцатилетняя Клэр Уорд из Итаки должна была бы умереть, она стояла на оконном карнизе своей спальни на третьем этаже и пыталась решить, стоит ли прыгать. Внизу, примерно в шести метрах, росли давно отцветшие лохматые кусты форсайтии. Они смягчат падение, однако переломов костей, скорее всего, не избежать. Клэр перевела взгляд чуть дальше, на клен, на прочную ветвь, изгибавшуюся дугой всего в метре от нее. Такой прыжок Клэр еще ни разу не совершала — просто не было острой необходимости. До нынешнего вечера ей удавалось выскальзывать из входной двери так, что никто не замечал. Однако времена легких побегов закончились, потому что теперь за ней следит Нудный Боб. «С этого момента, юная леди, — заявил он, — вы остаетесь дома! Нечего бегать по темному городу, словно дикая кошка».

Если в этом прыжке я сломаю себе шею, решила Клэр, виноват будет Боб.

Да, ветка клена и впрямь недалеко от нее. Клэр есть куда пойти, с кем встретиться, и она не может до бесконечности торчать здесь, взвешивая свои возможности.

Девочка пригнулась, изготавливаясь к прыжку, и внезапно замерла — из-за угла, сверкая фарами, выехала машина. Словно черная акула, внедорожник скользнул у нее под окном и медленно проехал по тихой улице, будто разыскивая нужный дом. Не наш, решила Клэр, — в обиталище ее приемных родителей, Нудного Боба и Такой- же-нудной Барбары Бакли, никогда не появлялось интересных посетителей. У них даже имена были скучными, что уж говорить о беседах за ужином. «Как прошел твой день, дорогой?» — «А твой?» — «Погода улучшается, верно?» — «Не передашь мне картошку?»

В их заумном педантичном мире Клэр была чужой — ребенком, которого они не понимали, несмотря на все старания. А Боб и Барбара очень старались. Клэр должна была бы жить у художников, актеров или музыкантов, у тех, кто не спал по ночам и умел веселиться. У таких же, как она сама.

Черная машина исчезла. Теперь или никогда.

Клэр сделала глубокий вдох и прыгнула. Летя во тьме, она чувствовала, как ночной ветер свистит в ее длинных волосах. Клэр перемахнула на клен грациозно, словно кошка, и ветка вздрогнула под ее весом. Проще простого. Девочка перебралась чуть пониже, к следующей ветке, и уже собралась было прыгнуть, как перед ней опять возник внедорожник. Урча двигателем, автомобиль снова проскользнул мимо. Девочка наблюдала за ним, пока внедорожник не исчез за углом, а затем соскочила на влажную траву.

Клэр оглянулась на дом, ожидая, что сейчас из передней двери вылетит Боб и примется орать: «Немедленно вернитесь домой, юная леди!» Однако фонарь на крыльце так и не включился.

Можно начать ночные похождения.

Девочка застегнула молнию на своей фуфайке с капюшоном и направилась в торговый район города, в самую гущу событий, если это, конечно, можно так назвать. В нынешний поздний час улица была тихой, а большинство окон — темными. Здесь повсюду стояли почти пряничные домики, идеальные, словно с картинки; эту улицу населяли профессора колледжей и безглютеновые мамаши-веганки, все как одна состоящие в книжных группах[2]. «Двадцать шесть квадратных километров, окруженных суровой действительностью», — ласково описывал Боб свой город, однако и он, и Барбара чувствовали себя здесь прекрасно.

А где чувствовала себя прекрасно Клэр, она не знала.

Широко шагая и разбрасывая изношенными сапогами сухую листву, девочка перешла улицу. Через квартал от нее в озерце фонарного света курили трое подростков — два парня и девчонка.

Привет! — крикнула им Клэр.

Тот парень, что повыше, помахал ей рукой.

Привет, Клэр Эклер. Я слышал, тебя снова засадили в четыре стены.

Секунд на тридцать примерно. — Девочка взяла прикуренную сигарету, которую подал ей парень, глубоко затянулась и радостно выпустила дым. — И какие же у нас планы на сегодня? Что будем делать?

Я слышал, будет вечеринка, там, у водопадов. Но нам придется найти машину.

А как же твоя сестра? Она могла бы нас довезти.

Не, ключи от ее машины забрал папа. Давайте потусуемся здесь — вдруг еще кто объявится. — Парень умолк и, нахмурившись, поглядел через плечо Клэр. — Ой-ой. Погляди, кто прибыл.

Девочка обернулась и раздраженно застонала — прямо возле нее у тротуара притормозил темно-синий «Сааб». Пассажирское окошко опустилось, и Барбара Бакли скомандовала:

Клэр, полезай в машину.

Но я просто тусуюсь с друзьями.

Сейчас почти полночь, а завтра нужно идти в школу.

Но ведь я не делаю ничего противозаконного.

Немедленно полезайте в машину, юная леди! — повелел Боб Бакли с водительского сиденья.

Вы мне не родители.

Но мы несем за тебя ответственность. Наша задача — правильно воспитать тебя, именно это мы и пытаемся сделать. Если ты немедленно не отправишься с нами домой, ты… ты пожалеешь!

«Ага, так страшно, во мне все трясется», — подумала Клэр. Она хотела было рассмеяться, но вдруг заметила, что Барбара в халате, а Боб не причесан — волосы на одной половине его головы были взлохмачены.

Супруги так торопились за ней, что даже не успели одеться. Оба выглядели куда старше и изнуренней, чем обычно; взъерошенная парочка среднего возраста — из-за Клэр им пришлось подняться с постели, и завтра они проснутся без сил.

Я понимаю, что мы тебе не родители, Клэр, — устало вздохнула Барбара. — Понимаю, что тебе очень не нравится жить у нас, но мы стараемся делать все, что можем. Поэтому, пожалуйста, сядь в машину. Здесь небезопасно.

Клэр с раздражением глянула на друзей, забралась на заднее сиденье «Сааба» и хлопнула дверцей.

Всё? — спросила она. — Довольны?

Боб обернулся к девочке.

Да дело-то не в нас. Дело в тебе. Мы поклялись твоим родителям, что всегда будем присматривать за тобой. Если бы Изабель была жива, она страшно расстроилась бы, увидев тебя сейчас. Вот такую — неуправляемую и все время злую. Клэр, тебе представился второй шанс, и это настоящий подарок. Не бросайся им, пожалуйста. — Боб вздохнул. — А теперь пристегнись, хорошо?

Если бы он злился, если бы орал на нее, Клэр было бы проще. Но Боб смотрел на девочку так печально, что она почувствовала себя виноватой. За то, что вела себя как стерва, что бунтовала в ответ на добро. Ведь семейство Бакли не виновато в гибели ее родителей. И в том, что жизнь ее пошла кувырком, — тоже.

Они отъехали. Клэр обхватила себя руками — девочка раскаивалась, но была слишком горда, чтобы попросить прощения. Завтра я буду с ними нежнее, решила она. Помогу Барбаре накрыть на стол, а может быть, даже помою Бобу машину. Потому что, черт возьми, его тачке это не помешает.

Боб, — спросила Барбара, — а что там делает эта машина?

Зарычал двигатель. Светящиеся фары с грохотом уткнулись прямо в них.

Боб! — завизжала Барбара.

От удара ремень безопасности больно врезался в грудь Клэр, и ночь взорвали жуткие звуки. Бьющееся стекло. Мнущийся металл. И чей-то плач, хныканье. Открыв глаза, Клэр увидела, что мир перевернулся, и поняла: хнычет она сама.

Барбара! — шепотом позвала девочка.

Она услышала приглушенный хлопок, затем еще один. Почувствовала запах бензина. Ее удерживал ремень безопасности и так сильно врезался ей в ребра, что Клэр с трудом дышала. Девочка нащупала замок. Ремень, щелкнув, расстегнулся, и она сильно ударилась головой — боль стрельнула в шею. Клэр чудом удалось вывернуться и оказаться в положении лежа — так она видела разбитое окно. Запах бензина усилился. Девочка изогнулась, чтобы добраться до окна; она представляла себе страшный жар и плоть, запекшуюся у нее на костях. «Вылезай, вылезай же! — скомандовала она себе. — У тебя еще есть время спасти Боба и Барбару!» Клэр ударила кулаком по оставшимся истрескавшимся фрагментам стекла, и они рассыпались по мостовой.

В поле зрения Клэр возникли две ступни — ноги остановились напротив девочки. Она пристально вгляделась в мужчину, перегородившего ей выход. Но лица не увидела — только силуэт. И пистолет.

С ревом и визгом шин на них помчалась другая машина.

Клэр рывком спряталась в «Сааб», вернувшись в безопасное место, словно черепаха, укрывающаяся в своем панцире. Отстранившись от окна, девочка накрыла голову руками и стала ждать: отзовется ли выстрел болью на этот раз? Почувствует ли она, как пуля разорвется в ее черепе? Девочка так плотно свернулась калачиком, что слышала лишь собственное дыхание, шум собственного пульса.

Она не сразу разобрала, что кто-то зовет не по имени.

Клэр Уорд? — Голос был женским.

«Наверное, я умерла, — решила девочка. — И со мной говорит ангел».

Он ушел. Теперь ты спокойно можешь выйти наружу, — сообщил ангел. — Но тебе нужно поторопиться.

Клэр открыла глаза и сквозь пальцы посмотрела на лицо, показавшееся в проеме разбитого окна; женщина глядела на нее вполоборота. Тонкая рука потянулась к девочке, но та отстранилась.

Он вернется, — заверила женщина, — надо поторапливаться.

Клэр ухватилась за протянутую руку, и незнакомка вытащила

девочку наружу. Когда Клэр оказалась на мостовой, разбитое стекло зазвенело под ней, словно ливень, бьющий в окно. Девочка слишком резко приняла сидячее положение, и ночной пейзаж пошатнулся. Она

лишь успела ухватить взглядом расплывчатые очертания перевернутого «Сааба» и снова опустила голову.

Встать можешь?

Клэр медленно подняла взгляд. Женщина была одета во все черное. Волосы, светлые и настолько блестящие, что в них отражался слабый свет фонаря, были собраны в хвост.

Кто вы? — прошептала девочка.

Как меня зовут, не имеет значения.

Боб... Барбара... — Клэр поглядела на перевернутый «Сааб». — Мы должны вытащить их из машины! Помогите мне!

Девочка подползла к водительской дверце и резко распахнула ее.

На мостовую вывалился Боб Бакли, его широко распахнутые глаза ничего не выражали. Клэр посмотрела на оставленное пулей отверстие в его виске.

Боб, — простонала она. — Боб!

Ему уже нельзя помочь.

Барбара... А как же Барбара?

Слишком поздно. — Женщина ухватила Клэр за плечи и с силой встряхнула. — Они погибли, понимаешь? Они оба погибли.

Клэр покачала головой, не отрывая глаз от Боба. От лужи крови, которая, словно темный нимб, расплывалась вокруг его головы.

Этого не может быть, — прошептала девочка. — Это не могло повториться.

Пойдем, Клэр. — Незнакомка схватила ее за руку и помогла подняться на ноги. — Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь остаться в живых.

2

В ту ночь, когда Уилл Яблонски должен был бы умереть, он стоял в темноте на одном из полей Нью-Гэмпшира и искал пришельцев.

Для своей «охоты» мальчик собрал все необходимое оборудование. Например, десятидюймовый добсоновский телескоп, зеркало которого он собственноручно отшлифовал три года назад, когда ему было всего-навсего одиннадцать лет. Это заняло у Уилла два месяца: начав с грубой наждачной бумаги зернистостью 80, он продолжал придавать форму стеклу и полировать его все более и более мелким наждаком. С папиной помощью он соорудил свою собственную альт- азимутальную монтировку. Двадцатипятимиллиметровый окуляр Плёссла был подарком дяди Брайана, он же помогал Уиллу вытаскивать все это оборудование в поле после ужина, в те дни, когда небо было ясным. Однако дядя Брайан был жаворонком, а не совой, — вот почему к десяти вечера он заканчивал все дела и ложился спать.

Поэтому тем вечером, как и почти каждую безлунную ночь, когда небо не закрывали облака, Уилл стоял один на поле, расположенном позади фермерского дома его тети и дяди, и пытался отыскать вверху косматых пришельцев, которых иначе называют кометами. Если мальчик когда-нибудь обнаружит новое небесное тело, он будет точно знать, как его назвать. Комета Нила Яблонски, в честь погибшего отца. Астрономы-любители постоянно открывают новые кометы, почему бы четырнадцатилетнему подростку не сделать то же самое? Папа как-то сказал ему, что для этого необходимы лишь упорство и натренированный глаз, а еще — большая удача. «Это похоже на поиски сокровищ, Уилл, — говорил папа. — Вселенная напоминает пляж, а звезды — словно песчинки, скрывающие за собой то, что ты ищешь».

Охота за сокровищами не надоедала Уиллу. Мальчик с неизбывным восторгом ожидал момента, когда они с дядей Брайаном вытащат оборудование и установят его под темнеющим небом; каждый раз он предвкушал, что эта ночь та самая, именно сегодня он обнаружит Комету Нила Яблонски. И тогда все его старания оправдаются, а бесчисленные ночные бдения принесут плоды — бдения, во время которых он подкреплял силы горячим шоколадом и сладкими батончиками. Тогда незряшными покажутся даже оскорбления, нанесенные бывшими одноклассниками из Мэриленда: «Жирдяй! Зефирный Стэй Пафт!»[3]

Охота за кометами — не то увлечение, которое сделает человека загорелым и подтянутым.

Сегодня, как всегда, Уилл начал поиски вскоре после наступления сумерек, потому что кометы особенно хорошо видны сразу после заката или перед восходом солнца. Дневное светило зашло уже несколько часов назад, однако косматых шариков мальчик так и не приметил. Он увидел несколько прошедших над его головой спутников и один метеор, вспыхнувший на долю секунды, но больше ничего необычного в этом участке неба не появилось. Уилл направил телескоп на другой участок, и

тут же в поле его зрения появилась самая нижняя звезда Canes Venatici. Гончих Псов. Мальчик вспомнил ту ночь, когда отец впервые сказал ему, как называется это созвездие. Ту самую холодную ночь, когда они не ложились до рассвета, попивая напитки из термоса и поедая...

Внезапно Уилл дернулся и, обернувшись, посмотрел назад. Что за шум? Какое-то животное или просто ветер шелестит в ветвях деревьев? Он замер, прислушиваясь, однако ночь стала какой-то неестественно тихой, такой тихой, что громким казалось даже его собственное дыхание. Дядя Брайан утверждал, что в здешнем лесу нет ничего опасного, но сейчас, во тьме, оставшемуся в одиночестве Уиллу на ум пришла целая куча зубастых чудовищ. Черные медведи. Волки. Пумы.

Мальчик с тревогой повернулся к своему телескопу и немного изменил поле зрения. И вдруг в окуляре возник косматый шарик. «Я нашел ее! — обрадовался Уилл. — Нашел комету Нила Яблонски!»

Нет. «Нет, дурачок, — мысленно обратился к себе мальчик, — это не комета». Поняв, что он смотрит на шаровое скопление МЗ, Уилл разочарованно вздохнул. Любой нормальный астроном сразу узнал бы это скопление звезд. Слава Богу, он не бросился будить дядю Брайана, чтобы показать ему находку, — вот было бы неудобно!

Треск ветки снова заставил его обернуться. В лесу какое-то шевеление. Там определенно что-то есть.

Взрыв отбросил его вперед. Мальчик ничком упал на устланную дерном землю и некоторое время лежал, потрясенный ударом. Мигнул какой-то свет, затем стал ярче; Уилл поднял голову и увидел, что лесная чаща озарилась мерцающим оранжевым сиянием. Мальчик ощутил жар на своей шее, словно на него дыхнуло какое-то чудище. И обернулся.

Фермерский домик был объят огнем, языки пламени взметались вверх, словно пальцы, скребущие по небесам.

Дядя Брайан! — заорал Уилл. — ТетяЛинн!

Мальчик помчался к дому, но путь преградила огненная стена, и жар заставил Уилла отступить — жар такой силы, что у мальчика пересохло в горле. Уилл оступился, отшатнувшись назад, задыхаясь, и учуял запах своих собственных опаленных волос.

«Позови на помощь! — велел себе мальчик. — Позови соседей!» Уилл повернулся к дороге но, пробежав всего несколько шагов, остановился.

Ему навстречу шла женщина. Незнакомка, одетая во все черное, поджарая, как пантера. Ее светлые волосы были убраны в хвост; свет мигающего фонарика добавлял остроты чертам ее лица.

Помогите! — закричал Уилл. — Мои тетя и дядя... Они в том доме!

Незнакомка поглядела на здание, почти полностью поглощенное огнем.

Прости. Но уже поздно.

Нет, еще не поздно. Мы должны спасти их!

Женщина грустно покачала головой.

Я не в силах помочь им, Уилл. Зато тебе я помогу. Я могу спасти тебя. — Она протянула мальчику руку. — Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь жить.

3

Некоторых девчонок очень украшает розовый цвет. Некоторые девчонки, облачившись в кружева и банты, способны шествовать, шурша шелковой органзой, и при этом выглядеть очаровательными и женственными.

Джейн Риццоли не относилась к их числу.

Она стояла в комнате мамы, пристально разглядывая в зеркале собственное отражение в полный рост, и думала: «Пристрелите меня! Пристрелите немедленно!» Платье-колокол цвета ярко-розовой жвачки с вырезом, отделанным широченной оборкой, которая по размеру вряд ли уступала клоунскому воротнику. Пышная юбка состояла из бесконечных рядов нелепых оборок. Пояс вокруг талии был завязан в огромный розовый бант. Даже Скарлетт О'Хара ужаснулась бы.

О, Джени, смотри-ка! — воскликнула Анжела Риццоли, радостно хлопнув в ладоши. — Ты так красива, что теперь произведешь даже больший фурор, чем я. Ты ведь в восторге, верно?

Джейн сощурилась — она была настолько потрясена, что не могла произнести ни слова.

Конечно же, тебе придется надеть туфли на высоком каблуке, чтобы получился комплект. Думаю, подойдут атласные шпильки. А еще нужен букет из розовых роз с гипсофилой. Или это уже не модно? Как думаешь, с каллами или чем-то в этом роде я буду выглядеть более современно?

Мам…

Мне придется немного ушить талию. Как так получилось, что ты похудела? Плохо питаешься?

Ты серьезно? Неужели ты действительно хочешь, чтобы я надела это платье?

А в чем дело?

Оно же… розовое.

И ты в нем прекрасно выглядишь.

Ты когда-нибудь видела меня в розовом?

Я шью точно такое же маленькое платьице для Реджины. Вы будете просто прелестны! Мама и дочка в одинаковых платьях.

Реджина прелестна, а вот я — нет.

У Анжелы начала подрагивать губа. Знак не менее зловещий, чем первое трепетание на сигнальном табло ядерного реактора.

Я все выходные трудилась над этим платьем. Собственными руками делала каждый стежок, пришивала каждую оборочку. А ты не хочешь его надевать, даже на мою свадьбу!

Джейн нервно сглотнула.

Я этого не говорила. Вернее, имела в виду не совсем это.

Ну я же вижу по твоему лицу! Оно тебе совершенно не нравится.

Нет, мам, это великолепное платье, — возразила Риццоли, а про себя добавила: «Для какой-нибудь чертовой Барби — возможно».

Опустившись на кровать, Анжела испустила вздох, достойный умирающей героини.

Знаешь, возможно, нам с Винсом нужно было просто сбежать. Это всех обрадовало бы, правда? Тогда мне не пришлось бы сражаться с Фрэнки. Не пришлось бы волноваться, кого включили, а кого не включили в список приглашенных. А тебе не пришлось бы надевать это ненавистное платье.

Джейн уселась на кровать рядом с мамой, и органза раздулась у нее на коленях, словно огромный шар сахарной ваты. Риццоли примяла ее кулаком.

Мам, ты даже толком не развелась. Свадьбу можно планировать сколько угодно. Тебе не кажется, что в этом есть своя прелесть? Никуда не нужно торопиться.

Услышав звонок в дверь, Джейн подняла глаза.

Винс не хочет ждать. Знаешь, что он мне сказал? Говорит, хочу заявить свои права на невесту. Разве не прелесть, а? Я чувствую себя, как в той песне Мадонны. Словно я снова девственница.

Джейн даже подскочила.

Пойду открою дверь.

Нам нужно было просто взять и пожениться в Майами! — крикнула Анжела в спину дочери. — Это было бы куда проще. Да и дешевле, потому что не пришлось бы кормить всех родственников!

Джейн открыла дверь. На пороге стояли двое мужчин, которых ей совсем не хотелось бы видеть этим воскресным утром.

Это еще что за уродское платье? — усмехнулся ее брат Фрэнки, заходя в дом.

Вслед за ним вошел отец Риццоли, Фрэнк Старший, и объявил:

Я пришел поговорить с твоей матерью.

Пап, сейчас не лучший момент, — возразила Джейн.

Я пришел. Значит, момент подходящий. Где она? — спросил Фрэнк, оглядывая гостиную.

Не думаю, что мама захочет говорить с тобой.

Ей придется это сделать. Пора положить конец безумию.

Безумию? — возмутилась Анжела, выходя из своей комнаты. — Это кто тут толкует о безумии?

Фрэнки говорит, ты действительно занимаешься этим, — ответил отец Джейн. — Ты правда собралась выйти за того человека?

Вине предложил. Я согласилась.

А как же тот факт, что мы все еще женаты?

Это всего лишь бумажная волокита.

Но я не подпишу документы.

Что?

Я сказал, что не подпишу бумаги. И ты не выйдешь замуж за этого типа.

Анжела потрясенно усмехнулась.

Но ведь это же ты ушел от меня.

Я не знал, что ты изменишься и соберешься замуж!

А что я должна была делать — сидеть и тосковать из-за того, что ты ушел от меня к ней? Я еще молода, Фрэнк. И нравлюсь мужчинам. Они хотят спать со мной!

Боже мой, мама! — простонал Фрэнки.

И знаешь, что? — не унималась Анжела. — У меня никогда не было такого хорошего секса!

Джейн услышала, что в маминой комнате зазвонил ее телефон. Не обратив на него внимания, Риццоли схватила отца за руку.

Папа, думаю, тебе лучше уйти. Пойдем, я провожу тебя.

Я очень рада, что ты ушел от меня, Фрэнк, — продолжала Анжела. — Я снова начала жить и узнала, что значит быть желанной.

Ты моя жена. И все еще принадлежишь мне.

Мобильный Джейн, ненадолго умолкнув, снова начал настойчиво звонить: не обращать внимание было невозможно.

Фрэнки, — взмолилась она, — помоги мне, ради всего святого! Уведи его из дома.

Пойдем, пап, — сказал Фрэнки, хлопнув отца по спине. — Пойдем выпьем пивка.

Я еще не закончил.

Закончил, закончил, — возразила Анжела.

Джейн помчалась в мамину комнату и выудила из сумочки свой разрывающийся мобильный.

Риццоли, — сказала она, стараясь не обращать внимания на ругань в коридоре.

Ты нам нужна, — объявил детектив Даррен Кроу. — Когда ты сможешь приехать?

Никаких тебе вежливых преамбул, никаких «пожалуйста» и «не могла бы ты?» — Кроу был, как обычно, очень мил.

Я сегодня не на вызовах, — не менее грубо ответила Джейн.

Маркетт собрал три команды. Дело веду я. Фрост только что прибыл, но нам понадобится женщина.

Я не ослышалась? Ты действительно сказал, что тебе нужна помощь женщины?

Послушай, свидетель настолько потрясен, что почти ничего не говорит. Мур уже пытался беседовать с парнишкой, но считает, что тебе повезет гораздо больше.

«Парнишка». От этого слова Джейн замерла.

Ваш свидетель — ребенок?

На вид лет тринадцать-четырнадцать. Он один выжил.

А что случилось?

В трубке было слышно, как на заднем фоне разговаривают другие голоса, до Джейн донеслись отрывистый диалог специалистов, работавших на месте происшествия, и эхо многочисленных шагов, отражавшееся от пола с твердым покрытием. Она прекрасно представляла себе, как Кроу со своей голливудской стрижкой важно расхаживает посреди всей этой суеты, выпятив грудь и расправив плечи.

Да тут долбаная кровавая баня, — сообщил он. — Пять убитых, из них трое детей. Младшей девочке едва ли восемь лет исполнилось.

Я не хочу это видеть, подумала Джейн. Особенно сегодня. Да и в любой другой день.

А где вы? — заставила она себя выговорить.

Дом находится на Луисбургской площади. Тут до черта новостных фургонов, так что тебе придется припарковаться в квартале- другом отсюда.

Джейн удивленно моргнула.

Это произошло на Маячном Холме?

Да, богатых иногда тоже грохают.

А кто погибшие?

Бернард и Сесилия Акерман, пятьдесят и сорок восемь лет. И три их приемные дочери.

А выживший мальчик? Тоже их сын?

Нет. Его зовут Тедди Клок. Он несколько лет жил у Акерманов.

Жил у них? Он что, родственник?

Нет, — ответил Кроу. — Они взяли парня на воспитание.

4

Оказавшись на Луисбургской площади, Джейн заметила среди группки машин Бостонского полицейского управления знакомый черный «Лексус» и сразу же поняла, что судмедэксперт Маура Айлз уже на месте происшествия. Судя по количеству новостных фургонов, все бостонские телевизионщики собрались здесь. Ничего удивительного — даже лучшие районы города вряд ли были под стать этой площади, с ее потрясающим сквером, настоящей жемчужиной, и роскошными деревьями, увенчанными пышными кронами. Особняки в неогреческом стиле, обступающие парк, населяли потомственные и новые богачи, в них хозяйничали магнаты — владельцы корпораций, бостонские аристократы и бывший сенатор. Но даже в этот район порой наведывалось насилие. «Богатых тоже иногда грохают», как сказал детектив Кроу, однако, когда такое происходит с толстосумами, на это все обращают внимание. За лентой полицейского оцепления, в толпе, зеваки пихали друг друга, пытаясь отвоевать лучшие места. На Маячный Холм часто приводят туристические группы, и сегодня эти туристы наверняка оправдают свои затраты по полной программе.

Эй, смотри! Это же детектив Риццоли.

Джейн заметила, что к ней направляются телекорреспондентка и оператор, и подняла руку, желая показать: никаких вопросов. Они, конечно же, не обратили на это никакого внимания и последовали за Джейн на другую сторону площади.

Детектив, мы слышали, что остался свидетель!

Полиция. Дайте пройти, — бормотала Джейн, пробираясь сквозь толпу.

Верно ли, что охранная система была включена? И ничего не украли?

Чертовы корреспонденты знают больше нее. Риццоли нырнула под ленту, ограждавшую место преступления, и назвала патрульному, что стоял на посту, номер своего отдела. Так полагалось по протоколу, хотя полицейский прекрасно знал Джейн и даже успел отметить ее имя на своем планшете.

Надо было видеть, как эта девица гонялась за детективом Фрос- том, — усмехнувшись, сказал патрульный. — Он походил на испуганного кролика.

Фрост в доме?

Как и лейтенант Маркетт. Вот-вот приедет комиссар, и я не удивлюсь, если здесь появится мэр собственной персоной.

Джейн оглядела внушительный четырехэтажный особняк из красного кирпича и пробормотала:

Ничего себе!

Полагаю, он стоит пятнадцать-двадцать миллионов.

Стоил — до того, как сюда въехали призраки, подумала Джейн, разглядывая красивые эркеры и богато украшенный фронтон над массивной парадной дверью. За этой самой дверью таятся кошмары, с которыми у Риццоли не было сил встречаться. Три мертвых ребенка. Вот в чем проклятье материнства — каждый погибший малыш носит лицо твоего собственного чада. Натягивая перчатки и бахилы, Джейн пыталась запастись и эмоциональной защитой. Как строитель, надевающий шлем, Джейн облачилась в свою собственную защитную форму и только после этого вошла в дом.

Она посмотрела вверх — на лестницу, взлетавшую на высоту четвертого этажа, к застекленному куполу, через который в здание золотым дождем проливался дневной свет. Эхо многочисленных голосов, по большей части мужских, доносилось с верхних этажей, усиливаясь в лестничном

колодце. Из прихожей, даже вытянув шею, Джейн не смогла никого увидеть, только услышала голоса, напоминавшие бормотание призраков — обитателей дома, который за век своего существования служил приютом для многих душ.

Беглое знакомство с жизнью другой половины населения, — произнес мужской голос.

Джейн обернулась и увидела детектива Кроу, стоявшего в дверном проеме.

И ее смертью, — добавила она.

Мы устроили мальчика у соседей. Тамошняя хозяйка любезно позволила ему побыть в ее доме. Ребенок знает эту женщину, и мы решили, что там ему будет удобнее отвечать на наши вопросы.

Сначала мне нужно понять, что произошло в этом доме.

Мы как раз пытаемся разобраться.

А что, высшее начальство действительно появится здесь? Я слышала, сюда едет комиссар.

Ты только посмотри на этот дом. С деньгами можно многого добиться, даже если ты уже умер.

Откуда у этой семьи состояние?

Бернард Акерман — бывший инвестиционный банкир. Владелец этого дома во втором поколении. Его семейство — большие филантропы. Назови любой благотворительный фонд, и он наверняка получал от них средства.

Так как все это случилось?

Может, просто устроим экскурсию? — Кроу, взмахнув рукой, указал на комнату, из которой пришел. — И ты расскажешь мне, что ты думаешь.

Не то чтобы мнение Джейн сильно волновало Даррена Кроу. Когда Риццоли только поступила в отдел убийств, они отчаянно конфликтовали, и презрение Кроу было очень заметно. Джейн до сих пор улавливала следы этого презрения в смехе коллеги, тоне его речи. Если когда-то ей и удавалось завоевывать уважение в его глазах, оно

всегда было временным, и вот сейчас Риццоли представилась возможность в очередной раз утратить его.

Джейн последовала за Кроу через гостиную с шестиметровым потолком, витиевато украшенном херувимами, виноградными лозами и розетками из золотых листьев. Едва ли ей удалось бы полюбоваться этим потолком или картинами на стенах, потому что Кроу направился прямиком в библиотеку, где Джейн увидела лейтенанта Маркетта и доктора Мауру Айлз. В этот теплый июньский день Ма- ура облачилась в блузу персикового цвета — весьма нехарактерный оттенок для человека, обычно отдающего предпочтение мрачным черным и серым тонам. Доктор Айлз с ее геометрической прической и элегантными чертами лица выглядела женщиной, которая вполне могла бы жить в подобном особняке, окруженная живописью и персидскими коврами.

Они стояли среди книг, расставленных на полках красного дерева, которые занимали все стены — от пола до потолка. Некоторые тома вывалились на пол неподалеку от седовласого мужчины, который лежал тут же ничком; одна его рука, задранная вверх, прислонилась к шкафу, будто бы даже после смерти он тянулся за какой-то книгой. На погибшем были пижама и тапки. Пуля пробила кисть его руки и лоб, а на полке, прямо над телом, кожаные корешки книг забрызгала кровавая клякса. Убитый поднял руку, чтобы загородиться от пули, решила Джейн. Он видел ее. Знал, что сейчас умрет.

Моя оценка времени смерти совпадает с тем, что сказал вам свидетель, — сообщила Маура Маркетту.

Значит, ранним утром. После полуночи.

— Да.

Присев на корточки возле трупа, Джейн изучила входное отверстие.

Девять миллиметров?

Или, возможно, три пятьдесят семь, — сказала Маура.

Ты не знаешь? У нас нет гильз?

Во всем доме не нашли ни одной.

Джейн удивленно подняла глаза.

Ух ты, какой аккуратный убийца! Убирает за собой.

Аккуратный во многих отношениях, — заметила Маура, задумчиво глядя на покойного Бернарда Акермана. — Быстрое и верное убийство. Минимум беспорядка. Как и наверху.

Наверху, подумала Джейн. Дети.

Все остальные члены семейства, — проговорила Риццоли куда более прозаичным тоном, чем позволяли ее эмоции, — умерли примерно в то же время, что и господин Акерман? Была ли некоторая отсрочка?

Моя оценка весьма приблизительна. Для точного ответа нужна более детальная информация от свидетеля.

Которую для нас раздобудет детектив Риццоли, — объявил Кроу.

Откуда ты знаешь, что мне больше повезет с мальчиком? — удивилась Джейн. — Я ведь не умею творить чудеса.

Мы рассчитываем на тебя, потому что нам не с чем работать. Всего несколько отпечатков пальцев на ручке двери. Никаких признаков насильственного вторжения. А охранная система была выключена.

Выключена? — Джейн бросила взгляд на труп. — Похоже, господин Акерман сам впустил убийцу.

А возможно, он просто забыл включить ее. Потом услышал шум и спустился вниз проверить, все ли в порядке.

Ограбление? Что-нибудь пропало?

Шкатулку с драгоценностями, принадлежавшую госпоже Акерман, похоже, никто не трогал, — сообщил Кроу. — Его бумажник и ее сумочка так и лежат в спальне на комоде с зеркалом.

А вообще — ходил ли убийца в их спальню?

О да. Он был там. Он заходил во все спальни.

Джейн уловила зловещую нотку в голосе Кроу. И поняла: наверху ее ждет нечто куда более страшное, чем эта залитая кровью библиотека.

Я могу проводить тебя наверх, Джейн, — спокойно предложила Маура.

Вслед за подругой Джейн вернулась в прихожую; обе женщины молчали, словно это суровое испытание легче было переносить без слов. Поднимаясь по лестнице, Джейн повсюду, куда ни глянь, замечала сокровища. Антикварные часы. Картина с изображением женщины в

красном. Риццоли автоматически отмечала про себя все это, даже готовясь к тому, что ждало ее на верхних этажах. В спальнях.

Преодолев последние ступени лестницы, Маура свернула направо и отправилась в комнату, которая располагалась в самом конце коридора. Через открытую дверь Джейн увидела своего напарника детектива Барри Фроста; его руки обтягивали зловеще багровые перчатки. Он стоял, прижав локти к бокам; такую позу инстинктивно принимает любой полицейский на месте преступления, чтобы избежать перекрестного загрязнения. Увидев Джейн, Барри печально покачал головой; его взгляд будто бы говорил: «Я тоже не хотел бы находиться здесь сегодня, в такой погожий денек».

Риццоли шагнула через порог и чуть было не ослепла от солнечного света, струившегося в комнату через огромные окна во всю стену. В этой спальне занавески были не нужны, потому что окна выходили на огороженный забором двор, где листва японских кленов отливала оттенком красного вина и во всей своей красе цвели розы. Однако внимания Джейн требовали вовсе не они, а труп женщины. Сесилия Акерман, в бежевой ночной сорочке, лежала в кровати на спине; одеяло закрывало ее до плеч. Она выглядела моложе своих сорока восьми лет, отдельные пряди ее волос были искусно окрашены в светлый тон. Глаза Сесилии были закрыты, а лицо казалось до жути безмятежным. Пуля вошла чуть выше левой брови. Округлый след от пороха на коже говорил о том, что это контактная рана: когда нажали на спусковой крючок, дуло было прижато ко лбу женщины. Ты спала, когда убийца выстрелил, решила Джейн. Ты не кричала и не сопротивлялась, ты не представляла опасности. Но незваный гость все-таки вошел в эту комнату, подошел к постели и выстрелил тебе в голову.

Будет еще хуже, — пообещал Фрост.

Риццоли поглядела на своего напарника. В резком утреннем свете его лицо казалось осунувшимся. Но в глазах Барри Джейн заметила не просто усталость, — то, что Фрост увидел, потрясло его.

Комнаты детей находятся на третьем этаже, — будничным тоном сообщила Маура. Она сказала это так, словно была агентом по недвижимости, описывающим особенности роскошного дома.

Джейн услышала скрип над головой, шаги членов еще одной команды, которая передвигалась по комнатам, расположенным этажом выше, и внезапно вспомнила тот год, когда еще в старших классах школы помогала устраивать дом ужасов на Хэллоуин. Они разбрызгивали красную краску и изображали нарочито жуткие сцены, куда более

жуткие, чем в этой спальне с безмятежной покойницей. Действительность способна ужасать и небольшим количеством крови.

Маура направилась к выходу из комнаты, тем самым показывая, что все важное здесь они уже увидели и теперь пора двигаться дальше. Джейн пошла вслед за ней к лестнице. Золотистый свет струился вниз сквозь застекленную крышу, и создавалось ощущение, будто они поднимаются по райским ступеням, однако этот путь вел совсем в другое место. Туда, куда Риццоли вовсе не хотелось попасть. Нехарактерная для Мауры летняя блузка казалась крайне неуместной — примерно как ярко-розовый наряд на похоронах. Пусть это была всего лишь незначительная деталь, однако она досаждала Джейн и даже раздражала ее: ну почему сегодня утром, в тот день, когда погибли трое детей, подруга выбрала именно этот жизнерадостный цвет?

Женщины достигли третьего этажа, и Маура грациозно отступила в сторону, приподняв одну обтянутую бахилой ступню над каким-то препятствием на лестничной клетке. Только когда Джейн добралась до последней ступени, она увидела душераздирающую маленькую фигурку, накрытую пластиковым покрывалом. Опустившись на корточки, Маура приподняла кончик этого савана.

Девочка лежала на боку, свернувшись в позе эмбриона, так, словно пыталась укрыться в безопасности утробы, о которой у нее остались лишь смутные воспоминания. Кожа ребенка носила кофейный оттенок, а черные волосы были заплетены в мелкие косички, украшенные яркими бусинами. В отличие от убитых европеоидной расы, оставшихся на нижних этажах, эта малышка была афроамериканкой.

Убитая номер три — восьмилетняя Кимми Акерман, — объявила Маура бесстрастным и невыразительным голосом; от этого голоса Джейн, которая пристально глядела на мертвого ребенка, коробило все больше и больше.

Такая малышка! Девочка в розовой пижаме с крошечными танцующими пони. Возле трупа на полу остался отпечаток узкой обнаженной ступни. Слишком мала для мужской. «След Тедди», — поняла Джейн.

Пуля пробила затылочную кость девочки, но наружу не вышла. Судя по углу, стрелявший был выше и целился со спины жертвы.

Девочка не стояла на месте, — тихо произнесла Джейн. — Она пыталась убежать.

Если судить по ее позе, в тот момент, когда в нее выстрелили, девочка, похоже, убегала в одну из комнат на третьем этаже.

Выстрелили ей в затылок.

— Да.

Кто, черт возьми, способен на такое? Убить ребенка!

Маура вернула на место покрывало и выпрямилась.

Вероятно, она что-то видела внизу. Лицо убийцы. Возможно, это и послужило мотивом.

Да прекрати ты свои логические размышления! Тот, кто это сделал, вошел в дом с готовностью убить ребенка. Стереть с лица земли целую семью!

Я ничего не могу сказать о мотиве.

Только о характере смерти.

И это убийство.

Ты так думаешь?

Маура нахмурилась.

Почему ты злишься на меня?

А почему все это тебя не трогает?

Ты считаешь, это меня не трогает? Думаешь, я могу смотреть на этого ребенка и не чувствовать того, что чувствуешь ты?

Некоторое время женщины пристально глядели друг на друга, стоя по разные стороны от тела девочки. Это было еще одно напоминание о пропасти, которая пролегла между ними с тех недавних пор, когда Маура дала свидетельские показания против одного бостонского полицейского, показания, из-за которых он оказался в тюрьме. Предательство в среде правоохранителей быстро не забывают, однако Джейн всеми силами хотела заделать трещину, возникшую в их дружбе. Но просить прощения было сложно, да и времени прошло немало, и трещина укрепилась, словно прошла по бетону.

Просто… — Джейн вздохнула. — Я терпеть не могу, когда такое случается с детьми. От этого мне хочется кого-нибудь задушить.

Значит, нас двое.

Эти слова были произнесены тихо, но Джейн заметила, как в глазах Мауры мелькнул металлический проблеск. Да, ее подруга была в ярости, только она лучше маскировала свои эмоции и держала их под строгим контролем; точно так же Маура держала под контролем и все остальное в своей жизни.

Риццоли! — окликнул коллегу детектив Томас Мур, стоявший в дверном проеме. Как и Фрост, он выглядел подавленно, словно этот день состарил его на десятилетие. — Ты уже говорила с мальчиком?

Еще нет. Сначала я хотела посмотреть, с чем нам приходится иметь дело.

Я пробыл с ним целый час. Он не произнес ни слова. Госпожа Лайман, хозяйка соседнего дома, сказала, что, когда мальчик только появился у нее на пороге в восемь утра, он был почти в кататоничес- ком состоянии.

Тогда ему, видимо, нужен психиатр.

Мы вызвали доктора Цукера, и социальный работник уже едет сюда. Но я подумал, что Тедди, возможно, поговорит с тобой. Ты ведь сама мать.

Что видел этот мальчик? Ты знаешь?

Мур покачал головой.

Надеюсь только, что он не был в этой комнате.

Такого предупреждения было достаточно, чтобы пальцы Риццоли похолодели под латексными перчатками. Мур — высокий мужчина, и его фигура почти полностью закрывала дверной проем, словно он пытался уберечь коллегу от ожидавшего ее зрелища. Томас молча отступил в сторону.

В углу на корточках сидели две сотрудницы криминального отдела; когда Джейн вошла в комнату, они подняли головы. Обе были молоды, представительницы новой волны женщин-криминалистов, которые теперь доминировали в этой области. На вид ни та, ни другая не могли еще иметь детей и знать, каково это, прижиматься к разгоряченной щеке больного ребенка или впадать в панику при виде открытого окна или пустой колыбели. Материнство несет с собой целую кучу страхов. В этой комнате один из таких ночных кошмаров стал реальностью.

Мы считаем, что эти убитые — дочери Акерманов, десятилетняя Кассандра и девятилетняя Сара. Обе они приемные, — объяснила Маура. — Поскольку девочки встали с кроватей, их наверняка что-то разбудило.

Выстрелы? — тихо спросила Джейн.

О выстрелах в этом районе никто не сообщал, — возразил Мур. — Видимо, использовали глушитель.

Но этих девочек что-то встревожило, — продолжала Маура. — Что-то заставило их выбраться из постелей.

Джейн не двинулась со своего места возле двери. Некоторое время все молчали, и она поняла, что коллеги ждут, когда она подойдет к телам, выполнит свою полицейскую обязанность. Но именно этого ей и не хотелось делать. Риццоли заставила себя приблизиться к съежившимся трупам и опуститься на корточки. «Они умерли, обнимая друг друга», — поняла Джейн.

Если судить по их позам, — снова заговорила Маура, — похоже, что Кассандра пыталась закрыть собой младшую сестру. Две пули сначала прошли сквозь тело Кассандры, а потом пробили Сару. Затем в голову каждой девочки был сделан завершающий контрольный выстрел. Судя по виду, их одежду не трогали, так что я не наблюдаю явных признаков сексуального насилия, но это придется подтвердить на вскрытии. Оно начнется чуть позже, сегодня днем, если, конечно, ты хочешь присутствовать, Джейн.

Нет. Я не хочу присутствовать. Я вообще сегодня не должна была работать.

Риццоли резко развернулась и пошла прочь из комнаты; ее бахилы шуршали по полу, — Джейн торопилась покинуть место, где умерли две свернувшиеся клубочком девочки. Однако по пути к лестнице она снова увидела труп самого младшего ребенка. Восьмилетней Кимми. Куда ни глянь в этом доме, подумала Риццоли, от всего сжимается сердце.

Джейн, ты как? — спросила Маура.

Кроме того, что я мечтаю разорвать этого подонка на части?

Я чувствую то же самое.

«Тогда тебе куда лучше удается скрывать это», — подумала Джейн. И поглядела вниз, на покрытое простыней тело.

Я смотрю на этого ребенка, — тихо произнесла она, — и вижу свою дочку. Ничего не могу поделать.

Ты же мать, это вполне естественно. Послушай, на вскрытие придут Мур и Кроу. Так что тебе необязательно присутствовать. — Маура глянула на часы. — День будет длинным. А я еще не собрала вещи.

Ты на этой неделе едешь в школу к Джулиану?

Сегодня я во что б это ни стало должна уехать в Мэн. Две недели с мальчиком-подростком и его собакой. Даже и не знаю, чего ждать.

У Мауры не было своих детей, откуда ей было знать? У нее и шестнадцатилетнего Джулиана Перкинса не было ничего общего, кроме испытаний, которым они подверглись прошлой зимой, пытаясь выжить в условиях дикой природы Вайоминга. Маура была обязана жизнью этому мальчику и теперь пыталась заменить ему утраченную мать.

Ну, что я могу рассказать тебе о мальчишках-подростках? Дай-ка подумать, — произнесла Джейн, пытаясь помочь подруге. — У моих братьев были вонючие ботинки. Они спали до полудня. И ели примерно двенадцать раз в день.

Метаболизм пубертатного периода у мужчин. Они ничего не могут поделать с этим.

Ого! Да ты и правда превратилась в мамашку!

Маура улыбнулась.

На самом деле, это очень приятно.

Однако материнство несет и кошмары, напомнила себе Джейн, отворачиваясь от тела Кимми. Она с радостью уходила вниз по лестнице, с радостью покидала этот дом ужасов. Когда Риццоли в конце концов снова вышла на улицу, она сделала глубокий вдох, словно стремилась вытеснить из своих легких запах смерти. Полчища представителей масс-медиа разрослись еще больше, телекамеры, словно ® стенобитные орудия, выстроились по периметру места преступления. Кроу был в центре внимания — детектив Голливуд работал на публику. Никто не заметил, как Джейн проскользнула мимо и зашагала к соседнему дому.

На веранде, с широкой улыбкой наблюдая за представлением Кроу перед камерами, стоял патрульный полицейский.

Как думаете, кто будет играть его в кино? — поинтересовался он. — Брэд Питт достаточно красив?

Сыграть Кроу ни у кого красоты не хватит, — фыркнула Риццо- ли. — Мне нужно поговорить с мальчиком. Он в доме?

С рядовой Васкес.

Мы ждем еще психиатра. Так что, когда доктор Цукер появится, пропустите его в дом.

Есть, мэм.

Джейн вдруг поняла, что она до сих пор не сняла перчатки и бахилы, надетые на месте преступления. Она стянула их, сунула в карман и позвонила в дверь. Через мгновение на пороге возникла красивая седовласая женщина.

Госпожа Лайман? — осведомилась Джейн. — Я детектив Риццоли.

Женщина кивнула и жестом пригласила войти.

Поторопитесь. Я не хочу, чтобы нас увидели эти ужасные люди с камерами. Они так вторгаются в частную жизнь!

Джейн переступила порог дома, и хозяйка быстро закрыла дверь.

Мне велели ожидать вас. Хотя я не очень понимаю, как вам удастся разговорить Теда,и. Милейший детектив Мур был столь терпелив с ним...

Где Тедди?

В оранжерее. Бедняжка не сказал мне почти ни слова. Просто явился сегодня утром к моей парадной двери, еще в пижаме. Я только взглянула на него и сразу поняла: произошло что-то ужасное. — Хозяйка повернулась. — Вон туда.

Джейн последовала за госпожой Лайман в вестибюль и посмотрела вверх на лестничный колодец, абсолютно такой же, как в доме Акерманов, словно это было зеркальное отражение. Как и дом соседей, жилище Лайманов отличало наличие изысканных и дорогих на вид картин.

Что он сказал вам? — поинтересовалась Риццоли.

Он сказал: «Все умерли. Они все умерли». И это все, что он сумел вымолвить. Я увидела кровь на его босых ногах и тут же позвонила в полицию. — Женщина остановилась перед входом в оранжерею. — Сесилия и Бернард были хорошими людьми. Сесилия так радовалась, когда наконец получила то, что хотела, — полный дом детей. Они уже начали процедуры по усыновлению Тедди. А теперь мальчик снова остался совсем один. — Госпожа Лайман немного помолчала. — Знаете, я не против оставить его здесь. Парнишка знает меня и знаком с этим домом. Сесилия наверняка хотела бы, чтоб так и было.

Это великодушное предложение, госпожа Лайман. Но у социальной службы есть приемные семьи, специально подготовленные для того, чтобы принимать травмированных детей.

Ох! Что ж, это всего лишь идея. Поскольку я уже знаю мальчика.

Тогда вы можете рассказать мне о нем побольше. Есть ли что-то, что поможет мне установить контакт с Тедди? Чем он интересуется?

Он очень тихий. Любит книги. Сколько я ни приходила к соседям, он все время сидел в библиотеке Бернарда, среди книг по римской истории. Можно попытаться растопить лед разговором на эту тему.

«Римская история, — подумала Джейн, — да, в этом я дока».

А что еще его интересует?

Садоводство. Он любит экзотические растения из моей оранжереи.

А спорт? Можно с ним поговорить о «Мишках»[4]? Или о «Патриотах»[5]?

О, это ему неинтересно. Он слишком утонченный.

«Значит, я пещерный человек», — заключила про себя Риццоли.

Госпожа Лайман собралась было открыть дверь в оранжерею, но тут Джейн спросила:

А что с его настоящими родителями? Как он оказался у Акерманов?

Госпожа Лайман снова повернулась к Риццоли.

А вы ничего не знаете?

Мне сказали, что он сирота и родственников у него нет.

Вот почему все это так сильно потрясло Тедди. Сесилия очень хотела, чтобы мальчик заново научился жить, получил возможность быть по-настоящему счастливым. Не думаю, что теперь это когда-нибудь получится. Теперь, после того как все повторилось.

Повторилось?

Два года назад Тедди и его семья путешествовали на паруснике и встали на якорь у острова Сент-Томас. Ночью, пока все спали, кто- то проник на судно. Родителей Тедди и его сестер убили. Застрелили.

Во время последовавшей паузы Джейн вдруг поняла, как тихо в доме. Настолько тихо, что следующий вопрос она непроизвольно задала почти шепотом:

А Тедди? Как ему удалось выжить?

Сесилия говорила мне, что мальчика нашли в воде, он плыл в спасательном жилете. И еще, что он не помнил, как попал в воду. — Госпожа Лайман бросила взгляд на закрытую дверь оранжереи. — Теперь вы понимаете, насколько все это потрясло его. Потерять родных жутко и один раз. А если это произошло повторно? — Женщина покачала головой. — Такое не в силах вынести ни один ребенок..

5

Для травмированного ребенка трудно было бы выбрать более умиротворяющее место, чем оранжерея госпожи Лайман. Из этого полностью застекленного помещения можно было смотреть на огороженный сад. Лучи утреннего солнца струились в окна, питая влажные заросли вьюнов, папоротников и деревьев в кадках. Джейн не приметила мальчика среди этой буйной растительности, зато увидела полицейскую, тут же поднявшуюся из ротангового кресла.

Детектив Риццоли? Я рядовая Васкес, — представилась она.

Как Тедди? — осведомилась Джейн.

Васкес бросила взгляд в угол, где ползучие растения вытянулись вверх, сформировав прочный навес, и прошептала:

Он не сказал мне ни слова. Только все время будто бы прячется и хнычет.

Лишь после этого Джейн узрела длинную тонкую фигурку, сидевшую на корточках под беседкой из вьюнов. Мальчик согнулся, обхватив ноги и прижав их к груди. Риццоли сказали, что ему четырнадцать, однако парнишка, одетый в блекло-синюю пижаму, выглядел гораздо моложе; его лицо закрывала светло-каштановая челка.

Джейн опустилась на колени и подползла к ребенку, поднырнув под стебли вьюнов и продвинувшись чуть глубже в сень растений. Пока она усаживалась рядом в его зеленом убежище, мальчик не сдвинулся с места.

Тедди, — обратилась к нему Риццоли, — меня зовут Джейн. Я пришла помочь.

Парнишка даже не поднял глаз, не произнес ни слова.

Ты ведь просидел здесь довольно долго, правда? И наверняка голоден.

Неужели он и правда едва заметно шевельнул головой? Или это просто трепет, сейсмические колебания в ответ на боль, глубоко скрытую в маленьком, хрупком теле?

Как бы ты отнесся к шоколадному молоку? А может, хочешь мороженого? Не сомневаюсь, в холодильнике у госпожи Лайман оно есть.

Казалось, мальчик еще больше замкнулся, свернувшись в такой тугой комочек, что Джейн испугалась: а вдруг им никогда не удастся его расправить? Из-под зарослей вьюна она тайком бросила взгляд на рядовую Васкес; та стояла и внимательно смотрела в их сторону.

Не могли бы вы покинуть нас? — попросила Риццоли. — Думаю, сейчас нас двоих слишком много в этом помещении.

Васкес вышла из оранжереи, закрыв за собой дверь. Минут десять-пятнадцать Джейн молчала, она не только не вымолвила ни слова, но даже не посмотрела в сторону мальчика. Они сидели бок о бок, этакие молчаливые компаньоны, и в помещении слышались лишь тихие всплески воды в мраморном фонтане. Опершись спиной на стену беседки, Риццоли поглядела вверх, на изогнутые дугами ветви растений над головой. В этом райском саду, спрятанном от холода, пышно разрастались даже банановые пальмы и апельсиновые деревья, и Риццоли представила, каково это, войти сюда в какой-нибудь зимний день, когда на улице валит снег, и вдохнуть аромат теплой земли и зеленых растений. Вот что можно купить за деньги, подумала она. Вечную весну. Джейн не сводила глаз с потолка, откуда проливался солнечный свет, но прекрасно слышала дыхание сидевшего рядом парнишки. Оно замедлилось и успокоилось по сравнению с тем, что было всего несколько минут назад. Джейн слышала шорох листвы — мальчик устраивался поудобней в этой беседке из вьюнов, — но удержалась от соблазна посмотреть на него. Она вспомнила об оглушительных истериках, которые ее двухлетняя дочь устраивала на прошлой неделе; тогда малышка Реджина беспрестанно визжала: «Хватит смотреть на меня! Хватит смотреть!» Джейн и ее муж Габриэль смеялись, но это еще больше бесило Реджину. Даже двухлетнему малышу не нравится, когда на него глазеют, и он негодует, что кто-то вторгается в его личное пространство. Поэтому Джейн пыталась не вмешиваться в жизнь Тедди Клока, а просто сидела рядом в его зеленой пещере. И, даже услышав его вздох, Риццоли постаралась не отвести взгляд с пятен солнечного света на зеленом ветвистом потолке.

Кто вы? — Эти слова были сказаны почти шепотом.

Джейн заставила себя не шевелиться, постаралась выдержать долгую паузу.

Я Джейн, — так же тихо ответила она.

Но кто вы?

Я друг.

Парнишка вздохнул, но слишком устало и понуро для четырнадцатилетнего мальчика.

Нет, вы не друг. Я вас знать не знаю.

Риццоли обдумала слова ребенка и вынуждена была признать, что он прав. Она полицейская, которой нужно что-то узнать у мальчика, и, как только она узнает это, тут же передаст его соцработнику.

Ты прав, Тедди, — созналась Джейн, — на самом деле я не совсем друг, я детектив. Но я очень хочу помочь тебе.

Никто не может мне помочь.

Я могу. И сделаю это.

Тогда и вы тоже погибнете.

От этого утверждения, произнесенного таким ровным тоном, у Джейн по телу пробежали мурашки. «Вы тоже погибнете». Риццоли повернулась и пристально поглядела на парнишку. Он не смотрел на нее, а просто мрачно глядел куда-то вперед, слово бы в свое безнадежное будущее. Голубые глаза Тедди были настолько светлыми, что даже казались сверхъестественными. Его светло-каштановые волосы выглядели очень тонкими, словно кукурузные рыльца, а одна слабая прядь спадала на бледный выпуклый лоб. Мальчик был бос; он покачивался вперед-назад, и Джейн, заметив кровавые пятна под ногтями пальцев его правой ноги, вспомнила следы, уходившие от лестничного пролета, от тела восьмилетней Кимми. Чтобы сбежать из дома, Тедди пришлось наступить в лужу ее крови.

Вы и правда хотите помочь?

Да, обещаю.

Я ничего не вижу. Я потерял их, но боюсь вернуться и поискать.

Поискать что, Тедди?

Мои очки. Думаю, они в моей комнате. Я наверняка забыл их в своей комнате, но точно не помню...

Я найду их для тебя.

Потому-то я и не могу сказать вам, как он выглядел. Потому что я не смог его увидеть.

Джейн затихла, боясь прервать мальчика. Она опасалась, что любое ее слово, любое движение могут заставить парнишку отступить, спрятаться в панцирь, наподобие испуганной черепахи. Риццоли ждала, но слышала лишь всплески воды в фонтане.

О ком ты говоришь? — наконец спросила она.

Мальчик поглядел на Джейн, и его глаза, казалось, озарились изнутри каким-то синим огнем.

О человеке, который убил их. — Тедди осекся, будто эти слова застряли у него в горле, в тонком всхлипе. — Мне бы очень хотелось помочь вам, но я не могу. Не могу, не могу...

Материнский инстинкт заставил Риццоли раскрыть объятия, и мальчик бросился в них, прижался к ее плечу. Она обнимала ребенка, а парнишка сотрясался так сильно, что, казалось, его тело вот-вот развалится, словно Джейн — единственная сила, не дающая разломаться этой костлявой фигурке. Пусть Тедди не был ее сыном, но в тот момент, когда мальчик прижимался к ней, когда его слезы падали на ее блузу, Джейн до мозга костей чувствовала себя его матерью, готовой защитить ребенка от всех чудовищ в этом мире.

Он никогда не остановится. — Джейн чуть не пропустила эти слова, сказанные ей в блузу. — В следующий раз он найдет меня.

Нет, не найдет. — Джейн схватила его за плечи и мягко отстранила, чтобы посмотреть в лицо мальчика. Длинные ресницы отбрасывали тень на белые, как пудра, щеки подростка. — Он не найдет тебя.

Он вернется. — Тедди обхватил себя руками, внутренне возвращаясь в какое-то далекое безопасное место, где его никто не достанет. — Он всегда возвращается.

Тедди, мы сможем поймать и остановить его только в том случае, если ты поможешь нам. Если ты расскажешь мне, что случилось прошлой ночью.

Джейн увидела, как худенькая грудь парнишки приподнялась, однако вырвавшийся из нее вздох показался ей слишком уж усталым и подавленным для такого юного возраста.

Я был в своей комнате, — прошептал парнишка. — Читал одну из книг Бернарда.

И что произошло потом? — надавила Джейн.

Тедди пристально поглядел на нее своими призрачными глазами.

Потом все и началось.

Когда Джейн вернулась в особняк Акерманов, из дома вывозили последнее тело — труп ребенка. Риццоли остановилась, пропуская проезжавшую мимо каталку, колеса которой поскрипывали по блестящему паркету, и ничего не смогла с собой поделать — у нее перед глазами возник образ дочери: Реджина, лежащая под простыней. Вздрогнув, Джейн обернулась и увидела спускавшегося по лестнице Мура.

Мальчик поговорил с тобой?

И сказал мне достаточно, чтобы стало ясно: он не видел ничего из того, что могло бы помочь нам.

Значит, ты добилась большего, чем я. У меня было предчувствие, что ты найдешь подход.

Это вовсе не означает, что я прямо такая белая и пушистая.

Но он ведь поговорил с тобой. Кроу хочет, чтобы с ним общалась главным образом ты.

Я что, стала теперь официальным детским переговорщиком?

Мур, словно бы извиняясь, пожал плечами.

Кроу ведет это дело.

Джейн поглядела на лестницу, в сторону верхних этажей; там теперь царила странная тишина.

Что здесь происходит? Где все?

Занимаются версией домработницы, Марии Салазар. У нее есть ключи и пароль системы безопасности.

Они ведь и должны быть у домработницы.

Оказалось, у нее есть еще и мужчина с проблемами.

Кто такой?

Незарегистрированный иностранец по имени Андрее Сапата. У него в Колумбии целый послужной список. Ограбление со взломом. Контрабанда наркотиков.

А что-нибудь насильственное?

Нам об этом неизвестно. Но тем не менее.

Джейн пристально посмотрела на антикварные часы — мимо такой штучки не прошел бы ни один уважающий себя грабитель. Она вспомнила и о том, что слышала раньше: сумочка Сесилии и бумажник Бернарда были в их спальне, а к шкатулке с украшениями никто не притрагивался.

Если это ограбление, — проговорила она, — то что же забрал преступник?

Из такого огромного дома с таким количеством ценностей? — Мур покачал головой. — Единственный человек, кто может сказать нам, что пропало, — домработница.

А она теперь вроде как подозреваемая.

Я хочу подняться и осмотреть комнату Тедди, — сказала Джейн и направилась вверх по лестнице.

Мур не пошел за ней. Оказавшись на третьем этаже, Риццоли обнаружила, что она совсем одна — уехала даже команда криминалистов. В прошлый раз Джейн лишь бросила взгляд в открытую дверь, теперь же вошла внутрь и медленно оглядела идеально прибранную комнату Тедди. На письменном столе, повернутом к окну, лежала стопка книг; многие были старыми и, судя по всему, любимыми. Джейн поглядела на названия: «Военные технологии древности», «Введение в этноботанику», «Руководство по криптобиологии», «Александр в Египте». Риццоли вряд ли предположила бы, что четырнадцатилетний подросток станет читать такую литературу, однако Тедди не был похож на парнишек, которых ей приходилось встречать ранее. Телевизора в комнате она не увидела, зато на столе, рядом со стопкой книг, стоял открытый ноутбук. Джейн ударила по одной из клавиш, и экран ожил, показывая Интернет-страничку, которую Тедди

смотрел последней. Это был поисковик «Гугл»; Тедди забил в него вопрос: «Убили ли Александра Великого?».

Судя по идеальному порядку на столе, по ровной стопке книг, парнишка был помешан на аккуратности. Карандаши в выдвижном ящике стола были заточены, словно копья, готовые к бою, скрепки и степлер лежали строго в соответствующих отсеках. Ему всего четырнадцать, а он уже страдает от безнадежного обсессивно-компульсивного расстройства. Именно здесь парнишка сидел накануне в полночь — так он сказал Джейн, — когда уловил едва слышные хлопки и крики Кимми, бежавшей вверх по лестнице. Склонность к аккуратности заставила парнишку закрыть книгу «Александр в Египте», даже несмотря на то что он был испуган. Мальчик понимал, что означают эти хлопки и крики.

«То же происходило и раньше, — говорил Тедди. — Эти же звуки я слышал на корабле. Я знал, что это выстрелы».

Здесь не было иллюминатора, сквозь который можно было бы вылезти, — из комнаты на третьем этаже не так-то просто сбежать.

Поэтому парнишка выключил свет. Он слышал крики девочек, слышал новые хлопки и спрятался туда, куда в первую очередь заберется любой испуганный ребенок, — под кровать.

Обернувшись, Джейн увидела идеально гладкое покрывало, белье, заправленное так же идеально, как на солдатской койке. Неужели навязчивая аккуратность Теми, страдающего обсессивно-компульсивным расстройством, заставила его так убрать кровать? Если да, это, скорее всего, спасло ему жизнь. Тедди прятался под кроватью, а убийца вошел и зажег свет.

«Черные ботинки, — рассказывал парнишка. — Я видел только их. У него были черные ботинки, и он стоял прямо возле моей кровати».

Возле кровати, на которой в полночь никто не спал. Видимо, незваный гость решил, что ребенок, живущий в этой комнате, той ночью отсутствовал.

Убийца в черных ботинках вышел за порог. Проходил час за часом, но Тедди оставался под кроватью, съеживаясь от каждого скрипа. Ему показалось, будто шаги возвращаются — тихие, почти бесшумные, — и он вообразил, что убийца все еще в доме, ждет его.

Парнишка не знал, который час, когда он заснул. Тедди сказал лишь одно: когда он проснулся, светило солнце. Только тогда мальчик, одеревенелый и измученный оттого, что полночи провел на жестком

полу, все-таки выполз из своего убежища. В окно он увидел госпожу Лайман, работавшую в своем саду. Поблизости находилось безопасное место, в соседнем доме жил человек, к которому он мог обратиться.

Так он и поступил.

Джейн опустилась на колени и заглянула под кровать. Зазор между матрасом и полом был таким узким, что Риццоли ни за что не уместилась бы в нем. Однако испуганному парнишке удалось втиснуться в это узкое — теснее гроба — пространство. В полутьме, глубоко под кроватью, Джейн разглядела какой-то предмет, и ей пришлось лечь и уткнуться лицом в пол, чтобы дотянуться и ухватить его.

Это были пропавшие очки Тедди.

Джейн снова поднялась на ноги и напоследок оглядела комнату. Хотя в окно струился яркий солнечный свет и на улице было по-летнему тепло — двадцать четыре градуса, в этих четырех стенах она почувствовала озноб и поежилась. Странно, что этого холода не ощущалось в тех комнатах, где погибли члены семейства Акерман. Нет, казалось, только здесь все еще сохранялся ужас событий прошлой ночи.

Здесь, в комнате мальчика, который остался в живых.

6

Похоже, Тедди Клок — самый несчастный мальчик на планете, — заметил детектив Томас Мур. — Если хорошенько подумать обо всем том, что с ним произошло, перестанешь удивляться его серьезным эмоциональным проблемам.

Начнем с того, что он вряд ли когда-нибудь был нормальным, — сказал Даррен Кроу. — Мальчишка очень странный.

Странный — в каком смысле?

В четырнадцать лет он не занимается спортом. Не смотрит телевизор. Каждый вечер и по выходным сидит, ссутулившись, у своего компьютера и стопки старых пыльных книжек.

Некоторые люди не увидят в этом ничего странного.

Кроу обернулся к Джейн.

Ты провела с ним больше всего времени, Риццоли. И должна признать, что с парнишкой не все в порядке.

Это по твоим стандартам, — отозвалась Джейн. — Тедди куда умнее.

Над столом пронеслось несколько «ого!» — это оставшиеся четыре детектива приготовились наблюдать реакцию Кроу на не слишком завуалированное оскорбление.

Есть совершенно бесполезное знание, — огрызнулся Кроу. — И к тому же, есть мудрость улицы.

Парнишке всего четырнадцать, а он сумел пережить два массовых убийства, — заметила Джейн. — Не стоит рассказывать мне, что у мальчика нет житейского опыта.

Исполняя обязанности руководителя команды детективов, работавших по делу Акерманов, Кроу вел себя еще резче, чем обычно. Утреннее совещание команды шло уже час, и все его участники были на грани. За последние тридцать с чем-то часов после убийства Акерманов истерия прессы только нарастала, и сегодня, проснувшись,

Риццоли наткнулась на заголовок материала одной желтой газетенки: «Кошмар на Маячном Холме», там же была и фотография главного подозреваемого — Андреса Сапаты, пропавшего дружка домработницы Акерманов. Это был преступник со стажем, раненный во время ареста в Колумбии, да и лицом он походил на убийцу. Сапата был нелегальным иммигрантом, привлекался к ответственности за ограбление со взломом, а отпечатки его пальцев обнаружились и на кухонной двери, и на кухонных столах дома Акерманов. Для ордера на арест у них было достаточно оснований, но вот насчет приговора Джейн очень сомневалась.

Не стоит рассчитывать, что Тедди поможет нам обвинить Сапату, — проговорила Риццоли.

У тебя полно времени, чтобы его подготовить, — ответил Кроу.

Он не видел лица.

Но наверняка видел что-то, что понадобится нам в суде.

Тедди куда более ранимый, чем ты воображаешь. Не стоит надеяться, что он станет свидетельствовать в суде.

Да боже мой, ему ведь всего четырнадцать! — рявкнул Кроу. — Когда мне было четырнадцать…

Не надо мне рассказывать. Ты душил питонов голыми руками.

Кроу подался вперед.

Я не хочу, чтобы это дело развалилось. Нам нужно расставить все по полочкам.

Тедди на полочку не поставишь, — возразила Джейн. — Он ребенок, а не кастрюля.

И к тому же с травмированной психикой, — добавил Мур. Он открыл папку, с которой пришел на совещание. — Я еще раз переговорил с детективом Эдмондсом с Виргинских островов. Он передал мне по факсу дело об убийстве семьи Клоков, и...

Они были убиты два года назад, — прервал коллегу Кроу. — На чужой территории, даже в чужой стране. Какая связь с нашим преступлением?

Возможно, никакой, — согласился Мур. — Но эта информация свидетельствует о душевном состоянии мальчика. Объясняет, почему он так подавлен. То, что случилось с ним на Сент-Томасе, не менее ужасно, чем здешние события.

И то дело так и не раскрыли? — поинтересовался Фрост.

Мур покачал головой.

Однако оно хорошо освещалось прессой. Помню, я читал о нем тогда. Американская семья отправилась в идеальное путешествие и была убита на своей двадцатитрехметровой яхте. Притом что на Виргинских островах уровень преступности в десять раз превышает наш, даже там это массовое убийство потрясло всех. На самом деле все произошло на островах Капелла, чуть дальше от Сент-Томаса. Клоки — Николас, Аннабель и их трое детей — жили на борту своей яхты, «Пантомимы». Они встали на якорь в тихой бухте, чтобы переночевать, поблизости не было ни одной яхты. Пока они спали, убийца — или убийцы — проникли на судно. Началась стрельба. Крики и вопли. Затем был взрыв. По крайней мере, именно так Тедди позднее рассказывал полиции.

А как ему удалось выжить? — осведомился Фрост.

Во время взрыва он потерял сознание, поэтому в его воспоминаниях есть черные дыры. Но последнее, что он припомнил, — это голос отца, велевший мальчику прыгать. Когда Тедди очнулся, он был в воде, в спасжилете. Ныряльщики нашли его на следующее утро в окружении обломков «Пантомимы».

А его родные?

В водах проводилась большая поисковая операция. В итоге обнаружили тела Аннабель и одной из девочек. Вернее, то, что от них осталось, после того как акулы сделали свое дело. Вскрытие показало, что обеих убили выстрелом в голову. Тела Николаса и еще одной дочери так и не нашлись. — Мур раздал коллегам копии отчета. — Лейтенант Эдмондс считает это дело самым жутким из всех, которые он расследовал. Двадцатитрехметровая яхта — соблазнительный объект для нападения, так что он считает мотивом ограбление. Вероятно, убийца или убийцы забрали с судна все ценные вещи, а затем взорвали его, стремясь уничтожить улики, чтобы полиции не за что было зацепиться. Дело так и осталось нераскрытым.

По этому делу мальчик тоже не может припомнить ничего полезного, — заметил Кроу. — Что, с этим ребенком действительно не все в порядке?

Тогда ему было всего двенадцать, — ответил Мур. — Но он, конечно же, умен. Я звонил его бывшей соседке в Провиденсе, там семейство Клоков проживало до того, как отправиться в путешествие на яхте. Она сказала, что Тедди считали одаренным ребенком. В школе мальчик учился по ускоренной программе. Да, у него не было друзей, имелись проблемы с адаптацией в коллективе, однако его айкью превышал результаты ровесников баллов на десять.

Джейн вспомнила о книгах, которые она видела в комнате мальчика, и о тех узких специальных темах, которым они посвящались. Греческая история. Этноботаника. Криптозоология. Риццоли сомневалась, что большинство четырнадцатилетних мальчишек вообще когда-нибудь слышали о таких предметах.

Синдром Аспергера, — предположила она.

Мур кивнул.

Это и сказала соседка. Супруги Клоки показывали Тедди врачу, и тот сказал, что у мальчика нет проблем в развитии, но он не реагирует на некоторые эмоциональные сигналы. Именно поэтому ему трудно заводить друзей.

А теперь у него никого не осталось, — проговорила Джейн.

Она вспомнила, как мальчик прильнул к ней в соседском солярии.

И снова почувствовала прикосновение его шелковистых волос к ее щеке, вспомнила запах сонного ребенка, который исходил от его пижамы. Джейн задумалась о том, как мальчик привыкает к спешно найденной приемной семье, в которую его определили соцслужбы. Вчера вечером,

прежде чем возвратиться домой к дочке, Риццоли заехала в новый дом Тедди, чтобы отдать ему очки. На этот раз мальчик оказался у пожилой семейной пары, у многоопытных приемных родителей, которые долгие годы растили попавших в беду детей.

Однако взгляд, которым Тедди проводил Джейн, когда она выходила за дверь, заставил бы сжаться сердце любой матери. Мальчик смотрел так, словно она была единственной, кто мог его спасти, но все равно бросала его у чужих людей.

Мур залез в свою папку и достал оттуда распечатку рождественской открытки с надписью: «Семейство Клоков желает вам веселых праздников!»

Это последняя весточка, полученная соседкой от семьи Клоков. Электронная открытка, отправленная спустя месяц после того, как семья Тедди уехала из Провиденса. Они забрали троих детей из школы, выставили дом на продажу и всем семейством отправились в кругосветное путешествие на яхте.

На двадцатитрехметровой яхте? — впечатлился Фрост. — А денежки-то у них были! Чем они зарабатывали?

Аннабель была домохозяйкой, а Николас работал финансовым консультантом в какой-то фирме в Провиденсе. Соседка не смогла припомнить название.

Кроу рассмеялся.

Да уж, должность финансового консультанта очень ассоциируется с деньгами!

Радикальный поступок, верно? — сказал Фрост. — Взять и внезапно сжечь все мосты. Все оставить и утащить семью на яхту.

Именно так и считает соседка, — подтвердил Мур. — К тому же это случилось внезапно. Аннабель вообще ничего не говорила о путешествии заранее, только накануне отъезда сказала. Это заставляет задуматься.

О чем? — не понял Кроу.

А может, эта семья от чего-то бежала? Боялась чего-то? Вдруг два нападения на Тедди все-таки связаны?

Нападения с интервалом в два года? — Кроу покачал головой. — Насколько нам известно, семейство Клоков знать не знало Акерманов. Общее между ними только одно — мальчик.

Просто это беспокоит меня. Вот и все.

Джейн это тоже беспокоило. Она смотрела на рождественскую фотографию — вероятно, последнюю фотографию семейства Клоков. Каштановые волосы Аннабель, слегка отливавшие золотом, были забраны наверх, и эта прическа казалась небрежно-элегантной. Ее лицо с нежно изогнутыми бровями, словно вырезанное из слоновой кости, могло бы украсить полотно любого средневекового художника.

Николас был блондином атлетического телосложения, его внушительные плечи, казалось, заполняли собой всю лимонно-желтую рубашку поло. Квадратный подбородок и прямой взгляд придавали ему вид мужчины, созданного защищать свою семью от любой опасности. В тот день, когда была сделана эта фотография, когда этот человек, улыбаясь, обхватил жену своей мускулистой рукой, он еще не мог представить, какие ужасы ждут их впереди. Свою собственную водную могилу. Убийство жены и двоих детей. В тот момент фотокамера запечатлела семью, которой не нужно было бояться будущего, их глаза и улыбки ярко светились оптимизмом; этот же свет отражали рождественские украшения, развешанные у них за спинами. Даже Тедди, стоявший позади младших сестренок, казалось, был полон оптимизма. Трое детей-ангелочков с одинаковыми светло-каштановыми волосами и большими голубыми глазами. Все они улыбались и чувствовали себя прекрасно в безопасном семейном мирке.

А Джейн подумала, что Тедди никогда больше не окажется в безопасности.

Убивать просто. Нужны лишь свободный доступ к жертве и подходящее орудие — пуля, лезвие или семтекс. И если все правильно распланировать, убирать за собой не придется. Однако добраться до человека вроде Икара, живого и сопротивляющегося, человека, окруженного родней и телохранителями, — дело куда более тонкое.

Именно поэтому большую часть июня *мы* потратили на наблюдение, разведку и тренировки. Мы работали подолгу, семь дней в неделю, но никто не жаловался. Да и что жаловаться? У нас была комфортабельная гостиница, и все наши расходы покрывались сполна. А к концу дня у нас всегда было много спиртного. И не какого-нибудь пойла, а хорошего итальянского вина. За то, что от нас требовали, мы считали, нам полагалось все самое лучшее.

В один из четвергов нам позвонил местный агент. Он работал официантом в ресторане «Ла Нонна», и в тот вечер два смежных стола были зарезервированы к ужину. Один — на четверых, другой — на двоих. Тот, кто делал заказ, попросил, чтобы сразу после прибытия гостей были

откупорены бутылки «Брунелло ди Монтальчино», дабы они успели как следует «подышать». Официант нисколько не сомневался в том, для кого забронировали эти столики.

Они приехали на двух машинах — одна следовала за другой. В черном «БМВ» оказались два охранника. За рулем серебристого «Вольво» сидел Икар. Одна из его причуд — он всегда упрямо хотел быипь сам себе водителем, хотел владеть ситуацией. Обе машины припарковались прямо напротив «Ла Нонны», чтобы во время всего ужина за ними можно было наблюдать. Я уже занял позицию — уселся в близлежащем уличном кафе и заказал чашку эспрессо. Оттуда я мог со всей ясностью, словно с первого ряда на балетном спектакле, наблюдать за зрелищем, которое вот-вот должно было начаться.

Я видел, что сначала из «БМВ» вышли телохранители, они проследили, как Икар выбирался из своего «Вольво». Он всегда ездил именно на «Вольво» — странный выбор для человека, который был в состоянии позволить себе целый парк «Мазератти». Икар открыл заднюю дверцу, и на улицу выскочил малыш Карло — одна из причин, почему Икар отдавал предпочтение такой безопасной марке автомобиля. Его младшему сыну Карло, с большими темными глазами и непослушными, как у матери, волосами, было восемь лет. У мальчика развязался шнурок на ботинке, и Икар нагнулся, чтобы завязать его.

Именно в этот момент Карло заметил, что я сижу рядом. Он так пристально посмотрел на меня, что я ощутил легкий прилив ужаса. Я решил, что мальчик знает. Что он откуда-то узнал о дальнейших событиях. У меня не было детей, в нашей команде все вообще были бездетными, поэтому малыши казались нам загадочными существами. Они представлялись нам маленькими пришельцами, еще не сформировавшимися созданиями, на которых можно не обращать внимания. Однако у Карло были светящиеся умные глаза, и я почувствовал, что с меня сходит обман, что я не в состоянии буду оправдать то, что мы собирались сделать с отцом мальчика.

Потом Икар выпрямился. Он взял Карло за руку и повел его вместе с женой и старшим сыном через улицу, на ужин в «Ла Нонну».

Я с облегчением вздохнул.

Наша команда зашевелилась — мы начали действовать.

Ко мне приблизилась молодая женщина, толкавшая перед собой детскую коляску, ее малыш был невидим под слоем одеял. Ребенок внезапно заплакал, и женщина остановилась, чтобы укачать его. Только я, сидевший почти вплотную к ней, видел, как она разрезает шину на

автомобиле телохранителей. Младенец умолк, и женщина продолжила путь по тротуару.

В этот момент в «Ла Нонне» уже разливали вино, мальчики накручивали на вилки спагетти, а с кухни начали вышосить блюда с телятиной, ягнятиной и свининой.

А на улице дверцы ловушки почти захлопнулись. Все шло по плану.

Однако мне не удавалось выкинуть из памяти лицо Карло, так внимательно смотревшего на меня. Этот образ проник мне глубоко в душу, он саднил в моем сердце. Когда у тебя появляется предчувствие, по силе подобное этому, его никогда нельзя игнорировать.

Я очень сожалею, что отмахнулся от него.

7

Маура ехала в машине с открытым окном, и в салон веяло летними ароматами. Несколько часов назад она миновала побережье Мэна и теперь двигалась в северо-западном направлении, к плавно скатывающимся холмам, туда, где послеполуденное солнце окрашивало золотом сенные поля. Затем вдруг ее обступил лес, заросли были такими густыми, что казалось, будто внезапно наступила ночь. Несколько километров она проехала, не увидев ни одной встречной машины, и даже задумалась: а вдруг свернула куда-то не туда? Здесь не было ни домов, ни подъездных дорожек, ни единого указателя, свидетельствующего, что она двигается в правильном направлении.

Маура уже собралась было развернуться, когда дорога вдруг оборвалась возле каких-то ворот. Над ними красовалась арка со словом, написанным изящными переплетенными буквами: «Вечерня».

Выйдя из своего «Лексуса», доктор Айлз хмуро воззрилась на запертые ворота, обрамленные массивными каменными колоннами. Она не увидела никакой кнопки внутренней связи, а ограда из кованого железа, насколько хватало взгляда, тянулась по обе стороны глубоко в лес. Маура вынула свой мобильный, чтобы позвонить в школу, но здесь, в лесной чаще, сигнал отсутствовал. Лесную тишь лишь подчеркивало зловещее пищание комара, и Маура, внезапно ощутив укус, хлопнула себя по щеке. А затем пристально поглядела на пугающие кровавые разводы. Ее обволакивало голодное кусачее облако других комаров. Доктор Айлз собралась было вернуться в машину, когда вдруг увидела, что к другой стороне ворот подъезжает гольф-мобиль.

Из машинки выбралась знакомая молодая женщина и помахала Мауре. Лили Соул, тридцати с небольшим лет, одетая в узкие синие джинсы и зеленую ветровку, выглядела куда лучше и счастливее, чем тогда, когда они виделись с Маурой в последний раз. Собранные в свободный хвост каштановые волосы Лили теперь поблескивали золотыми прядями, а на щеках появился здоровый румянец, какого не было на бледном худом лице, которое Маура запомнила в то кровавое Рождество, в момент их первой встречи по делу об убийстве. Жестокая концовка того расследования чуть было не стоила жизни им обеим. Однако Лили Соул, всю свою жизнь убегавшая от вымышленных и реальных демонов, отличалась удивительным умением выживать, и, судя по счастливой улыбке, ей-таки удалось удрать от ночных кошмаров.

Мы ждали вас раньше, доктор Айлз, — сказала Лили. — Рада, что вы все же успели до темноты.

А я уже боялась, что мне придется перелезть через ограду, — призналась Маура. — Мобильный здесь не ловит, и я не смогла бы позвонить.

Ах, ну мы же знали, что вы приедете. — Лили набрала код на клавиатуре замка. — У нас по всей дороге установлены датчики движения. И камеры тоже, но вы их, вероятно, не заметили.

Для школы слишком уж много охранного оборудования.

Все это для безопасности студентов. Вы же знаете, как Энтони относится к охране. Ему всегда кажется мало. — Лили посмотрела на Мауру сквозь прутья ограды. — В этом его отношении нет ничего удивительного. Если учесть, что всем нам пришлось испытать.

Пристально посмотрев в глаза Лили, Маура поняла, что не все ночные кошмары оставили эту женщину. Их тень еще оставалась с ней.

Но ведь прошло почти два года, Лили. Разве еще что-нибудь случилось?

Пока нет, — зловеще произнесла Лили, открывая ворота.

Точно такое же заявление сделал бы и Энтони Сансоне. Преступления оставляют вечные шрамы на тех, кто остался в живых, таких, как Лили и Сансоне; их обоих преследовали жуткие личные трагедии. Для них окружающий мир всегда будет местностью, кишащей опасностями.

Езжайте за мной, — велела Лили, садясь в гольф-мобиль. — До замка нужно проехать еще несколько километров по этой дороге.

А разве вы не должны запереть ворота?

Они закроются автоматически. Если вам понадобится уехать, на этой неделе код замка на воротах и парадной двери школы — сорок пять девяносто шесть. Цифры меняются каждый понедельник — мы объявляем их за завтраком.

Значит, студентам код тоже известен.

Конечно. Ведь ворота не для того, чтобы держать нас взаперти. Они для того, чтобы не пускать к нам внешний мир.

Маура снова забралась в «Лексус». Когда она проезжала между колоннами-близнецами, ворота уже начали постепенно захлопываться. Пусть Лили заверила Мауру, что никто не собирается запереть ее за этими воротами, прутья кованого забора наталкивали на мысль о тщательно охраняемой тюрьме. Они напомнили ей о лязге металла и лицах людей, смотрящих на нее через решетку.

Гольф-мобиль Лили вел Мауру по узкой дороге, прорубленной в лесной чаще. В мрачной тени деревьев особенно выделялся ярко- оранжевый гриб, прильнувший к стволу почтенного дуба. Где-то высоко, в кронах деревьев, порхали птицы. На одной из веток уселась, помахивая хвостом, рыжая белка. И какие же звери появляются здесь, в глухих лесах Мэна, с наступлением тьмы?

Лес расступился, освободив место небу, и перед Маурой показалось озеро. Вдалеке, за беспросветно темными водами, виднелось здание «Вечерни». Лили назвала его замком, и строение, возведенное на чистом граните, выглядело именно так. Стены соорудили из этого же серого камня — они словно выросли из горы.

Женщины въехали во двор через арку, и Маура припарковала свой «Лексус» возле поросшей мхом стены. Всего час назад казалось, что на улице лето, однако, когда доктор Айлз выбралась из машины, воздух был холодным и влажным. Глядя на высокие гранитные стены, на покатую крышу, Маура представила, как вокруг самой высокой башенки кружат летучие мыши.

О чемодане не беспокойтесь, — сказала Лили, вытаскивая его из багажника «Лексуса». — Мы оставим его прямо здесь, на ступенях, а господин Роман отнесет его в вашу комнату.

А где же все студенты?

Большая часть студентов и персонала разъехались на лето. Остались только два десятка ребят и основной состав работников; они живут здесь круглый год. А на следующей неделе вас с Джулианом ждет настоящая

тишина, поскольку всех остальных детей мы везем на экскурсию в Квебек. Позвольте мне быстренько показать вам школу, а затем я отведу вас к Джулиану. У него сейчас урок.

Как у него дела? — поинтересовалась Маура.

О, он по-настоящему расцвел, с тех пор как попал сюда! Не сказать, что он очень любит занятия в классе, однако мальчик находчив и замечает то, что упускают другие. А еще он защищает младших, всегда следит за ними. Настоящий опекун по характеру. — Лили умолкла. — Однако нам он стал доверять не сразу. Это и понятно, если вспомнить, что ему пришлось пережить в Вайоминге.

Да, Маура прекрасно понимала. Они с Джулианом перенесли все это вместе — боролись за жизнь, не зная, кому доверять.

А вы, Лили? — спросила Маура. — Как ваши дела?

Я теперь на своем месте. Живу в этом прекрасном замке. Учу замечательных детей.

Джулиан рассказывал, что на занятиях вы строили римскую катапульту.

Да, когда проходили приемы ведения осады. Студенты очень увлеклись процессом. И, к сожалению, разбили окно.

Женщины поднялись по каменной лестнице и оказались у двери — такой высокой, что в нее спокойно прошел бы великан. Лили снова набрала код замка. Массивная деревянная дверь распахнулась очень просто, от легкого толчка, и, переступив порог, спутницы оказались в холле с высоченными арками, обрамленными старым деревом. С потолка свисала железная люстра, а над ней, в арке, красовалось, словно разноцветный глаз, круглое витражное окно. В этот мрачный вечер сквозь него проникал лишь слабый мутноватый свет.

Маура остановилась у подножия массивной лестницы и залюбовалась гобеленом, висевшим на стене, — выцветшим изображением двух единорогов, отдыхающих в беседке из фруктовых деревьев и лоз.

Это и в самом деле замок, — проговорила она.

Построенный примерно в тысяча восемьсот тридцать пятом году неким Сирилом Магнусом, страдавшим манией величия. — Лили с отвращением покачала головой. — Он был железнодорожным магнатом, страстным охотником, коллекционером искусства и, если верить большинству свидетельств, порядочной сволочью. Этот замок замышлялся как его личная резиденция. Проектировался в готическом

стиле, которым Магнус так восхищался во время путешествий по Европе. Гранит добывали в восьмидесяти километрах отсюда. Балки — из старого доброго мэнского дуба. Когда тридцать лет назад «Вечерня» купила это здание, оно было в очень приличном состоянии, так что почти все здесь — оригинальное. Сирил Магнус в течение нескольких лет достраивал замок, и в нем легко потеряться. Поэтому не удивляйтесь, если заблудитесь.

Этот гобелен выглядит средневековым, — сказала Маура, указывая на изображение единорогов.

Так и есть. Он привезен из виллы Энтони, что во Флоренции.

Мауре приходилось видеть сокровищницу, состоящую из картин

XVI века и венецианской мебели, которую Энтони Сансоне держал в своем особняке на Маячном Холме. Она нисколько не сомневалась, что его вилла во Флоренции столь же огромна, как и это здание, а произведения искусства, хранящиеся в ней, впечатляют еще больше. Однако эти стены отличались от теплых, выкрашенных в медовые оттенки тосканских строений, здешние стены из серого камня испускали холод, который невозможно было развеять даже в солнечный день.

А вы бывали там? — поинтересовалась Лили. — В его доме во Флоренции?

Меня не приглашали, — ответила Маура, а про себя добавила: «Видимо, в отличие от вас».

Лили задумчиво поглядела на собеседницу.

Не сомневаюсь, это дело времени, — проговорила она и повернулась к тому, что представлялось Мауре обшитой панелями стеной. Лили надавила на одну из панелей — та распахнулась, обнажив дверной проем. — Это вход в библиотеку.

Вы что, пытаетесь спрятать книги?

Нет, это просто одна из странностей постройки. Полагаю, старина Сирил Магнус любил сюрпризы, поскольку это не единственная дверь, замаскированная под нечто иное.

Лили провела гостью по коридору, в котором не было окон; темные панели на стенах еще больше подчеркивали его полумрак. Оказавшись в самом дальнем конце коридора, женщины вошли в комнату с высокими окнами-арками, пропускавшими серый свет угасающего дня. Маура удивленно вглядывалась в ряды и ряды книжных полок, взлетавшие

вверх на три этажа, к самому потолку- куполу; штукатурка там была украшена изображением пушистых облаков на голубом небе.

Это самое сердце «Вечерни», — объяснила Лили. — Наша библиотека. В любое время, днем или ночью, студенты могут приходить сюда и брать с полки любую книгу — конечно, если они готовы обращаться с ней уважительно. А если они не могут найти необходимое в библиотеке… — Лили подошла к противоположной стене и открыла дверь, за которой скрывался десяток компьютеров. — На крайний случай всегда есть доктор Гугл. — Она с презрением закрыла дверь. — Но, в самом деле, кому нужен Интернет, когда здесь настоящие сокровища. — Лили жестом указала на три этажа книг. — Целое собрание многовековой мудрости под одной крышей. От одного взгляда на это у меня слюнки текут.

Вы говорите как настоящий преподаватель классической истории, — заметила Маура, разглядывая корешки.

«Женщины Наполеона». «Жития святых». «Египетская мифология». Она остановилась, наткнувшись на одно из названий — черный кожаный корешок с золотыми буквами: «Люцифер». Книга будто бы взывала к ней, требуя внимания. Маура вынула издание и пристально поглядела на истертый переплет с тисненым изображением присевшего на корточки дьявола.

Мы считаем, что знания необходимы все без исключения, — тихо пояснила Лили.

Знания? — Маура поставила книгу на полку и посмотрела на собеседницу. — Или суеверия?

Неплохо понимать и то, и то, вы так не думаете?

Маура прошлась по залу, мимо рядов длинных деревянных столов и стульев, мимо нескольких глобусов, изображавших мир, каким его представляли в разные века.

Если только вы не преподаете это как систему фактов, — проговорила она, остановившись, чтобы рассмотреть глобус 1650 года с неправильными очертаниями континентов и многочисленными неизвестными и не открытыми землями. — Тогда получается суеверие. Миф.

На самом деле мы учим их вашей системе верований, доктор Айлз.

Моей системе верований? — Маура удивленно посмотрела на Лили. — Это какой же?

Научной. Преподаем им химию и физику, биологию и ботанику. — Лили бросила взгляд на старинные дедовские часы. — Кстати, именно ею Джулиан сейчас и занимается. Урок вот-вот должен закончиться.

Женщины вышли из библиотеки и вернулись в холл по отделанному темными панелями коридору, а затем поднялись по массивной лестнице. Проходя под гобеленом, Маура заметила, что он слегка колеблется на каменной стене, словно в здание ворвался сквозняк; казалось, единороги ожили и теперь вздрагивают под развесистыми фруктовыми деревьями. Возле окна лестница поворачивала, и Маура обернулась полюбоваться видом на лес, раскинувшийся вдали. Джулиан рассказывал ей, что школа окружена чащей, и до ближайшего городка нужно ехать несколько километров. Только сейчас она поняла, насколько в действительности изолирована «Вечерня».

Никто сюда не доберется, — тихо проговорил голос, он был настолько близко, что Маура вздрогнула. Полумрак скрадывал черты стоявшей в арке Лили. — Мы сами обеспечиваем себя едой. Разводим птицу ради яиц и коров ради молока. Отапливаем здание собственной древесиной. Нам совершенно не нужен внешний мир. И здесь я впервые чувствую себя в безопасности.

Здесь? В лесу с волками и медведями?

Мы с вами прекрасно знаем, что существуют вещи куда более опасные, чем волки и медведи за воротами.

Разве вам не полегчало, Лили?

Я по-прежнему думаю о том, что произошло, каждый день думаю. О том, что он сделал с моими родными, со мной. Но то, что я здесь, мне очень помогло.

Помогло ли? Или здешняя изолированность только усиливает ваши страхи?

Лили в упор поглядела на Мауру.

Здоровый страх перед окружающим миром помогает некоторым из нас оставаться в живых. Этот урок я заучила два года назад. — Лили продолжила подниматься по лестнице, мимо мрачноватой картины, изображавшей трех мужчин в средневековых одеждах; без сомнения, еще одно пожертвование из семейного собрания Энтони Сансоне.

Маура подумала, что неугомонные студенты каждый день носятся мимо этого шедевра, и задалась вопросом: сколько миллисекунд продержалось бы такое полотно в обычной школе? А еще она вспомнила о библиотеке с бесценными томами в коже с золотым тиснением. Разумеется, студенты «Вечерни» — уникальная группа детей, раз им доверяют такие сокровища.

Женщины поднялись на второй этаж, и Лили указала вверх, на третий.

Жилые помещения находятся на следующем этаже. Комнаты студентов — в восточном крыле, спальни для учителей и гостей — в западном. Вы будете жить в старой части западного крыла, там в каждой комнате прекрасный камин. Летом это лучшее место во всем здании.

А зимой?

Зимой оно не обитаемо. Если, конечно, вы не хотите всю ночь не спать, подбрасывая поленья в огонь. Мы закрываем эту часть замка, когда наступает холодная зима. — Лили повела гостью по коридору второго этажа. — Давайте поглядим, закончил ли старина Паски.

Кто-кто?

Профессор Дэвид Паскантонио. Он преподает ботанику, клеточную биологию и органическую химию.

Достаточно сложные предметы для старшеклассников.

Старшеклассников? — Лили рассмеялась. — Мы начинаем давать эти предметы в средних классах. Двенадцатилетние куда умнее, чем принято считать.

Женщины проходили мимо открытых дверей и пустынных классов. Маура краем глаза увидела человеческий скелет, висевший на стенде, лабораторный стол и подставки для пробирок, настенную распашную таблицу, изображающую этапы мировой истории.

Раз у вас начались летние каникулы, меня удивляет, что до сих пор идут какие-то занятия, — призналась Маура.

В противном случае нам пришлось бы иметь дело с двумя десятками студентов, сходящих с ума от скуки. Нет уж, мы пытаемся чем-нибудь занимать их серые клеточки.

Они свернули за угол и наткнулись на огромную черную собаку, развалившуюся перед закрытой дверью. Завидев Мауру, пес тут же задрал голову и, бешено размахивая хвостом, устремился к ней.

Ого! Волк! — Маура рассмеялась, когда пес поднялся на задние ноги. Две огромные лапы легли ей на плечи, а влажный язык смачно мазнул по лицу. — Я смотрю, манеры твои не улучшились.

Он явно счастлив видеть вас снова.

И я тоже рада видеть тебя, — прошептала Маура, обнимая собаку.

Пес снова опустился на четыре ноги и — Маура готова была поклясться — улыбнулся.

Тогда здесь я вас и оставлю, — сказала Лили. — Джулиан с нетерпением ждал вашего приезда, так что почему бы вам просто не войти в класс?

Помахав рукой на прощание, Маура так тихо проскользнула в классную комнату, что никто и не заметил ее появления. Она остановилась в уголке, наблюдая за тем, как лысый профессор в очках быстро пишет мелким почерком недельное расписание на грифельной доске.

Ровно в восемь утра мы собираемся у озера, — проговорил он. — Если опоздаете, вы действительно останетесь в школе. И упустите возможность увидеть редкий экземпляр аманита биспоригера[6], который только-только вырос после недавнего дождя. Прихватите с собой сапоги и дождевики. Возможно, будет грязно.

Даже со спины Мауре не составило труда отыскать среди студентов, собравшихся вокруг демонстрационного стола профессора Паскантонио, Джулиана «Крыса» Перкинса. В свои шестнадцать лет он уже был сложен как взрослый мужчина, с широкими плечами, которые казались еще более мускулистыми, чем были в момент их последней встречи. На эти самые плечи она опиралась прошлой зимой, когда они вместе боролись за жизнь в горах Вайоминга, и эта борьба сковала их крепкими и долговечными узами. Джулиан стал Мауре почти сыном, ближе она никогда не сходилась с ребенком, и сейчас она с гордостью наблюдала, как прямо он стоит, как внимательно слушает, даже несмотря на то, что профессор Паскантонио жужжит, словно комар.

Я хочу, чтобы вы сдали доклады о ядовитых растениях к пятнице, до того как большинство из вас уедет на экскурсию в Квебек. И не забудьте о викторине по угадыванию грибов, которая будет в среду. Все свободны.

Повернувшись, Джулиан заметил Мауру и просиял. В два шага он оказался возле нее, уже раскрыв руки для объятия. Однако в последний момент, понимая, что на него смотрят одноклассники, Джулиан передумал и просто быстро уткнулся ей в щеку и неуклюже похлопал по плечу.

Наконец-то вы приехали! Я ждал вас целый день.

Что ж, теперь мы пробудем вместе две полные недели. — Мау- ра откинула темную челку со лба парнишки и чуть задержала руку на его щеке, где с удивлением нащупала первые намеки на щетину. Уж слишком быстро он взрослел.

Джулиан вспыхнул от ее прикосновения, и Маура вдруг поняла, что некоторые студенты остались в классе и теперь стоят, наблюдая за ними. Большинству подростков неинтересен даже сам факт существования взрослых, но одноклассникам Джулиана, казалось, было любопытно, что это за чужачка вторглась в их мирок. По возрасту они были средне- и старшеклассниками, и одежда их тоже разнилась — от рваных джинсов на светловолосой девочке до парадных брюк и оксфордской куртки на одном из мальчишек. Все они глазели на Мауру.

Вы судмедэксперт, — проговорила девочка в мини-юбке. — Мы знали, что вы приедете.

Маура улыбнулась.

Джулиан рассказывал обо мне?

Да почти все время. Вы будете у нас преподавать?

Преподавать? — Маура поглядела на Джулиана. — Вообще-то не собиралась.

Мы хотели бы послушать о судебной паталогоанатомии, — заявил мальчик-азиат. — На биологии мы вскрываем лягушек и зародышей свиней, но это простая анатомия. Это не так круто, как то, что вы делаете с мертвецами.

Маура оглядела нетерпеливые лица детей. Как и в случае с прочей публикой, их воображение разжигали многочисленные телесериалы о полицейских и детективные романы.

Я не уверена, что это подходящая тема, — призналась Маура.

Потому что мы дети?

Судебная патология — предмет, который обычно читают студентам-медикам. Даже взрослые в большинстве своем находят эту дисциплину неприятной.

А мы так не считаем, — заверил азиат. — Но, может быть, Джулиан не рассказывал вам, кто мы.

Вы чудаки, решила Маура, наблюдая за тем, как выходят из зала одноклассники Джулиана; их исход сопровождался шарканьем и скрипом половиц. В воцарившейся тишине Волк тоскливо взвизгнул и, домчавшись до Джулиана, лизнул его руку.

«Кто мы такие»? Что он имел в виду? — поинтересовалась Маура.

Как и подавляющее большинство его одноклассников, — ответил вместо мальчика преподаватель, — юный господин Чинн включает сначала рот, а затем уже мозг. В попытке расшифровать болтовню подростка нет абсолютно никакого смысла. — Мужчина угрюмо воззрился на Мауру поверх своих очков. — Я профессор Паскантонио. Джулиан говорил, что вы приедете на этой неделе, доктор Айлз. — Преподаватель бросил взгляд на парнишку, и его губы изогнулись в полуулыбке. — Кстати, он прекрасный студент. Ему бы только поработать над орфографией, делает безнадежно много ошибок. Но лучше других замечает в лесу необычные образцы растений.

Пусть комплимент был сдобрен критикой, Джулиан широко улыбнулся.

Я работаю над орфографией, профессор.

Хорошо вам погостить у нас, доктор Айлз, — пожелал Паскантонио, собирая с демонстрационного стола свои записи и образцы. — К счастью для вас, в это время года здесь тихо. Не так много ребятишек топочут, словно слоны, вверх и вниз по лестницам.

Маура заметила горстку сиреневых цветов, которую профессор держал в руках.

Аконит.

Паскантонио кивнул.

Аконтиум. Прекрасно.

Она осмотрела другие образцы растений, выложенные на столе профессором.

Наперстянка. Фиолетовый паслен. Ревень.

А это? — Преподаватель поднял ветку с засохшими листьями. — Будет совсем замечательно, если вы скажете, с какого цветущего кустарника она взята.

С олеандра.

Паскантонио поглядел на собеседницу; в его глазах вспыхнул интерес.

Который не растет в здешнем климате, но вы все равно узнали его. — Профессор почтительно наклонил лысую голову. — Я потрясен.

Я выросла в Калифорнии, там олеандр встречается повсюду.

Подозреваю, что, кроме всего прочего, вы занимаетесь садоводством.

Но лишь как любитель. Я патологоанатом. — Маура бросила взгляд на образцы, собранные на столе. — Все это — ядовитые растения.

Профессор кивнул.

И некоторые из них так красивы. Мы выращиваем аконит и наперстянку здесь, в нашем цветнике. Ревень растет в огороде. А фиолетовый паслен с такими прекрасными цветочками и ягодками вылезает повсюду, словно сорняк. Вокруг нас — красиво замаскированные орудия смерти.

И вы учите этому детей?

Им такие знания необходимы ничуть не меньше, чем всем остальным. Это напоминает им о том, что мир природы, как вам прекрасно известно, опасен. — Паскантонио переложил образцы на полку и принялся собирать свои записи. — Приятно познакомиться с вами, доктор Айлз, — добавил он и повернулся к Джулиану. — Господин Перкинс, визит вашей подруги не может служить оправданием для не сданной домашней работы. Это я так, чтобы не оставалось неясностей.

Да, сэр, — мрачно ответил Джулиан. Серьезное выражение его лица продержалось до того момента, пока профессор Паскантонио не удалился по коридору на достаточное расстояние и уже не мог их слышать. Тут парнишка громко рассмеялся. — Теперь вы понимаете, почему мы прозвали его Ядовитым Паски.

Да, кажется, приветливым его не назовешь.

Нет. С большим удовольствием он беседовал бы со своими растениями.

Надеюсь, другие твои преподаватели не такие странные.

Здесь они все странные. Именно поэтому тут так интересно. Как говорит мисс Соул, нормальное — это скучно.

Маура улыбнулась пареньку. И снова коснулась его щеки. На этот раз он не отстранился.

Похоже, тебе здесь нравится, Крыс. Ты со всеми ладишь?

Куда лучше, чем дома.

Дома, в Вайоминге, Джулиана никто не щадил. В школе он был записным двоечником, над ним издевались, его высмеивали; он был известен не достижениями в учебе, а стычками с законом и драками на школьном дворе. Казалось, в свои шестнадцать лет он был создан для тюремной камеры.

Так что, говоря о странностях, Джулиан был в чем-то прав. Он никогда не был нормальным и уже не станет таким. Брошенный родной семьей, оказавшийся в одиночестве в диких местах, он научился полагаться только на себя. Он убил человека. И хотя это убийство было самообороной, проливая чужую кровь, ты меняешься раз и навсегда, и Маура не раз задумывалась, насколько сильны мучащие его воспоминания.

Джулиан взял ее за руку.

Пойдемте, я покажу вам школу.

Госпожа Соул показала мне библиотеку.

А в своей комнате вы уже были?

Нет.

Она в старом крыле, куда селят всех важных гостей. Именно там останавливается господин Сансоне, когда навещает нас, хотя его давно уже не было. В вашей комнате большой каменный камин. Когда приезжала тетя Брайаны, она забыла открыть дымоход, и помещение наполнилось дымом. Пришлось эвакуировать все здание. Так что вы не забудьте, ладно? О дымоходе.

«И не опозорьте меня», — хотел сказать парнишка.

Я не забуду. А кто такая Брайана?

Просто одна девочка.

Просто девочка? — Темноволосый, с пронзительным взглядом, Джулиан постепенно становился красивым мужчиной; когда-нибудь он будет привлекать много женского внимания. — Поподробней, пожалуйста.

В ней нет ничего особенного.

Это ее я только что видела на уроке?

Да. У нее длинные черные волосы. И очень короткая юбка.

А! Ты имеешь в виду хорошенькую.

Ну, видимо.

Маура рассмеялась.

Да ладно тебе! Только не говори, что ты этого не заметил.

Ну заметил, конечно. Только она все-таки зараза. Пусть даже мне жаль ее.

Жаль? Почему?

Джулиан бросил взгляд на Мауру.

Она оказалась здесь, потому что убили ее маму.

И тут Маура пожалела, что с такой беспечностью стала интересоваться подружками Крыса. Мальчишки-подростки были для нее загадкой — неуклюжие создания с большими ногами и вскипающими гормонами, порой такие беззащитные, а порой — холодные и очень отдаленные. Пусть Мауре страшно хотелось стать ему матерью, но идеально справиться с этой задачей ей не удастся — по-настоящему, у нее никогда не появится материнский инстинкт.

Маура молча шла за Джулианом по коридору третьего этажа, увешанному картинами с изображением средневековых деревень, столов с угощениями и Мадонны с младенцем и лицом оттенка слоновой кости. Комната, предназначенная для доктора Айлз, располагалась почти в самом конце коридора. Переступив порог, Маура увидела, что ее чемодан уже на месте и поставлен на специальную полку вишневого дерева. Из полукруглого окна открывался вид на обнесенный оградой сад с каменными статуями. На ограду, словно вражеская армия, напирал лес.

Ваши окна смотрят на восток, так что завтра утром вы сможете встретить красивый рассвет.

Здесь отовсюду открываются прекрасные виды.

Господин Сансоне решил, что вам понравится эта комната. Она самая тихая.

Он бывал здесь последнее время? — поинтересовалась Маура, по-прежнему стоя у окна, не оборачиваясь к Крысу.

Он приезжал примерно месяц назад. Господин Сансоне всегда присутствует на заседаниях школьного совета «Вечерни».

И когда же очередное заседание?

Теперь только в следующем месяце. — Джулиан помолчал немного. — Он ведь нравится вам, верно?

Молчание разоблачало Мауру.

Он проявлял великодушие, — как ни в чем не бывало ответила она. И повернулась лицом к парнишке. — Мы оба ему очень обязаны.

Неужели вы можете сказать о нем только это?

А что же еще?

Ну вы же спрашивали меня о Брайане. Я подумал, что могу спросить о господине Сансоне.

Я поняла, — призналась Маура.

Но этот вопрос повис в воздухе, и она не знала, что ответить. «Он ведь нравится вам, верно?»

Маура обернулась и поглядела на украшенную богатой резьбой кровать с пологом на четырех столбиках, на дубовый гардероб. Вероятно, этот антиквариат тоже из дома Сансоне. Пусть этого человека сейчас не было здесь, Маура во всем чувствовала его влияние — от бесценных произведений искусства до библиотечных книг в кожаных переплетах. Уединенность замка, запертые ворота и ведущая к ним частная дорога отражали отношение Сансоне к вопросам безопасности. Над камином висело неприятное напоминание. Портрет маслом, изображавший высокомерного мужчину в охотничьем плаще — на плече у него лежала винтовка, а сапог свой он поставил на убитого оленя.

Это Сирил Магнус, — пояснил Джулиан.

Человек, построивший замок?

Он очень любил охоту. На чердаке полно чучел животных, — он свез эти трофеи со всего мира. Раньше они висели в обеденном зале, а потом доктор Уэлливер сказала, что все эти головы портят ей аппетит и попросила господина Романа снять их. Они долго спорили о том,

превозносят ли трофеи насилие. В конце концов директор Баум заставил всех голосовать, даже студентов. И тогда головы сняли.

Маура не знала людей, о которых рассказывал парнишка, — очередное грустное напоминание, что она не имеет отношения к здешнему миру Джулиана, что теперь у него есть своя собственная, независимая жизнь. Она уже чувствовала себя брошенной.

...и теперь доктор Уэлливер и господин Роман спорят о том, нужно ли учить студентов охотиться. Господин Роман говорит «да», потому что это древнее искусство, но доктор Уэлливер считает это варварством. Тогда господин Роман указал, что доктор Уэлливер ест мясо, а потому сама становится варваром. Черт, как же она рассвирепела!

Пока Маура вытаскивала из чемодана джинсы и сапоги для прогулок, вешала в гардероб блузы и платье, Джулиан болтал о своих одноклассниках и учителях, о катапульте, которую они соорудили на занятиях у госпожи Соул, об экскурсии на природу, когда в их лагерь забрел черный медведь.

И я готова поклясться, что именно ты прогнал его прочь, — с улыбкой сказала Маура.

Нет, его напугал господин Роман. Ни один медведь не станет связываться с господином Романом.

Значит, он и вправду страшный человек.

Он лесничий. Вы познакомитесь с ним сегодня вечером, за ужином. Если он появится.

Он может обходиться без еды?

Он избегает доктора Уэлливер из-за ссоры, о которой я вам рассказывал.

Маура закрыла ящик туалетного столика.

И кто же такая эта доктор Уэлливер, которая испытывает ненависть к охоте?

Она наш психолог. Я хожу к ней каждый четверг.

Обернувшись, Маура нахмурилась.

Зачем?

Потому что у меня есть проблемы. Как и у всех здесь.

О каких проблемах ты говоришь?

Парнишка с удивлением поглядел на Мауру.

Я думал, вы знаете. Именно поэтому я здесь, именно поэтому все наши студенты попали в «Вечерню». Потому что все мы отличаемся от обычных детей.

Маура вспомнила занятие, на котором только что побывала, вспомнила два десятка студентов, собравшихся вокруг демонстрационного стола Ядовитого Паски. Они показались ей обычными, среднестатистическими американскими подростками.

И чем же вы таким отличаетесь? — спросила она.

Тем, как я потерял маму. По этой же причине все здешние ребята отличаются от других.

Остальные студенты тоже потеряли родителей?

Некоторые — да. А другие — братьев или сестер. Доктор Уэлливер помогает нам справляться с яростью. Ночными кошмарами. «Вечерня» учит нас, как защититься.

Маура подумала о том, как погибла мама Джулиана. Подумала о том, как насилие наносит отпечаток на родню, округу, целые поколения. «"Вечерня" учит нас, как защититься».

Говоря, что другие ребята потеряли родителей, братьев или сестер, — догадалась Маура, — ты имеешь в виду, что...

Убийство, — ответил парнишка, — вот что нас объединяет.

8

Сегодня в обеденном зале появилось новое лицо.

Джулиан несколько недель рассказывал об этой гостье, докторе Айлз, и о том, как она работает в бостонском бюро судмедэкспертизы — режет мертвецов. Он ни разу не обмолвился о том, что она еще и красавица. Худая, темноволосая, со спокойным внимательным взглядом, она так походила на Джулиана, что их вполне можно было счесть матерью и сыном. К тому же доктор Айлз и смотрела на Джулиана так, как мама глядела бы на сына, — с очевидной гордостью ловя каждое его слово.

Больше никто и никогда не будет смотреть так на меня, подумала Клэр Уорд.

Сидя, как всегда, подальше от других, в уголке, она наблюдала за доктором Айлз, за тем, как изящно эта женщина орудовала ножом и вилкой, разрезая мясо. С этого стола Клэр было видно все, что происходит в обеденном зале. Одиночество ее не беспокоило — в такой ситуации ей не нужно было вести бессмысленные разговоры, и она могла спокойно наблюдать за тем, что делают другие. К тому же в этом углу ей было удобнее всего — девочка сидела спиной к стене, и к ней никто не смог бы подкрасться.

Сегодня на ужин давали консоме, молодой зеленый салат, говядину по-веллингтонски с жареной картошкой и спаржей и лимонную тарталетку на десерт. Это означало, что придется жонглировать целой кучей ложек, вилок и других приборов, что страшно смутило Клэр месяц назад, когда она только приехала в «Вечерню». В доме Барбары и Боба Бакли в Итаке ужинали обычно куда проще, пользуясь только ножом, вилкой и парочкой бумажных салфеток.

Там никогда не ели говядину по-веллингтонски.

Клэр тосковала по Бобу и Барбаре куда больше, чем могла себе представить. Скучала по ним почти так же, как по своим родителям, которые умерли два года назад и оставили после себя до боли мутные воспоминания, день за днем все больше ускользавшие от нее. А вот гибель Боба и Барбары до сих пор мучила Клэр: девочке было больно, потому что все это случилось из-за нее. Если бы она не выскользнула из дома тем вечером, если бы Бобу и Барбаре не пришлось искать ее, они остались бы в живых.

«Но теперь они умерли, — подумала Клэр, — а я ем лимонную тарталетку».

Девочка опустила вилку и пристально поглядела вдаль, но не на студентов, которые в большинстве своем не обращали на нее внимания, так же как и она на них. Клэр снова сосредоточила внимание на столе, за которым сидели Джулиан и доктор Айлз. Женщина, разрезающая мертвецов. Обычно Клэр избегала смотреть на взрослых, потому что они заставляли ее нервничать и задавали слишком много вопросов. Особенно доктор Анна Уэлливер, школьный психиатр, с которой Клэр проводила послеобеденные часы каждую среду. Доктор Уэлливер была милой женщиной, полненькой и кудрявой, этакая добрая бабушка, но все время задавала одни и те же вопросы. Есть ли у Клэр проблемы со сном? Что она помнит о своих родителях? Стали ли реже сниться кошмары? Словно разговоры и размышления об этом способны были прогнать жуткие сны.

«У всех здесь есть кошмары», — подумала девочка.

Окидывая взглядом обеденный зал и всех своих однокашников, Клэр замечала то, что обычный наблюдатель, вероятно, упустил бы. Девочка видела, как Лестер Гримметт поглядывает на дверь, чтобы убедиться — путь к отступлению свободен. Замечала, что предплечья Артура Тумза покрывают уродливые шрамы от ожогов. Что Бруно Чинн с бешеной скоростью засовывает еду в рот, опасаясь воображаемого похитителя, который может отнять ее у него. Все мы меченые, подумала она, но некоторые наши шрамы заметнее прочих.

Клэр коснулась своей метки. Она была спрятана под длинными светлыми волосами — рубец на том самом месте, где хирурги рассекли кожу ее головы и распилили череп, чтобы удалить кровь и осколки пуль. Этот шрам не был виден окружающим, но девочка никогда не забывала, что он там.

Лежа без сна прошлой ночью, Клэр потерла рубец и задумалась: а как выглядит мозг, находящийся под ним? Неужели на мозгах тоже бывают шрамы, напоминающие этот узловатый участок кожи головы? Один из врачей — девочка не помнила его имя, в той лондонской больнице их было полным-полно, — говорил, что детский мозг заживает лучше взрослого, мол, ей повезло, что в нее стреляли, когда ей было всего одиннадцать лет. Этот глупый врач на самом деле употребил слово «повезло». В общем и целом он был прав насчет выздоровления. Клэр могла ходить и говорить, как все остальные. Но учеба теперь доставала, потому что она была не в состоянии сосредоточить внимание на чем-либо дольше, чем на десять минут, и слишком быстро теряла самообладание, да так, что пугалась и стыдилась собственных приступов гнева. Пусть она выглядела невредимой, но Клэр знала, что это не так. Девочка знала, что именно из-за этой травмы лежит сейчас без сна среди ночи. Как обычно.

Не было смысла терять время в кровати.

Клэр встала и включила свет. Три ее соседки уехали домой на лето, поэтому сейчас комната принадлежала ей одной и Клэр могла уходить и приходить так, что этого никто не замечал. Через несколько секунд девочка оделась и выскользнула в коридор.

Именно в этот момент Клэр заметила отвратительную записку, приклеенную ей на дверь: «Трозг мавмирован!»

Опять эта сучка Брайана, решила девочка. Та самая Брайана, которая шептала «тормоз» каждый раз, когда Клэр проходила мимо, та, что истерически хохотала в классе, когда Клэр спотыкалась о чью- нибудь оперативно подставленную ногу. В ответ Клэр подложила ей в кровать

пригоршню склизких земляных червей. Вопли Брайаны стоили ее усилий!

Клэр оторвала записку, вернулась в свою комнату за ручкой и быстро приписала: «Погляди-ка лучше на свое постельное белье». Двигаясь по коридору, Клэр прилепила записку на дверь Брайаны и продолжила путь мимо спален других студентов. Ее тень порхала по стене лестничного колодца так, словно это какой-то дух, ее двойник, спускался по ступеням рядом с ней. Клэр переступила порог главного входа и вышла на лунный свет.

Ночь оказалась до странности теплой, а ветер нес аромат сухой травы, словно дул он откуда-то издалека, где пахнет прериями, пустыней и теми краями, куда она никогда не попадет. Клэр сделала глубокий вдох и впервые за весь день почувствовала себя по-настоящему свободной. Свободной от занятий, учителей, которые наблюдали за ней, от Брайаны с ее издевками.

Клэр спустилась вниз по каменным ступеням — в ярком лунном свете она хорошо видела, куда ступает. Впереди раскинулось озеро, и рябь на его воде, словно усыпанной стразами, звала и манила девочку. Она уже начала было снимать футболку, стремясь погрузиться в шелковистые воды.

Ты снова вышла, — проговорил чей-то голос.

Обернувшись, Клэр увидела отделившуюся от дерева фигуру. По коренастому силуэту девочка тут же узнала, кто это. Уилл Яблонски вышел на лунный свет, и Клэр увидела ее щекастое лицо. Ей стало любопытно: а знает ли мальчик, что за его спиной Брайана шепчет «большая белая булка»? «Это у меня с Уиллом точно общее, — подумала она. — Мы не крутые».

Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась Клэр.

Я смотрел в телескоп. Но теперь взошла луна, так что я уже упаковал его на ночь. — Мальчик указал на озеро. — Вон там, у воды, очень хорошее место. Удобно изучать небосвод.

А что ты там ищешь?

Комету.

Ты уже видел ее?

Нет, я имею в виду новую комету. О которой еще нигде не сообщалось. Астрономы-любители постоянно обнаруживают такие кометы.

Например, есть парень по имени Дон Махольц, он обнаружил целых одиннадцать штук, а ведь он такой же любитель, как я. Если я смогу обнаружить комету, мне нужно будет назвать ее. Например, комета Когоутека, или комета Галлея, или комета Шумейкеров-Леви.

И как же ты назовешь свою?

Комета Нила Яблонски.

Клэр рассмеялась.

Да уж, звучное имечко!

Я не считаю его таким уж плохим, — тихо возразил мальчик. — Это в память о моем папе.

Услышав печаль в голосе парнишки, Клэр пожалела, что рассмеялась.

Ну да, думаю это очень даже неплохо. Назвать комету именем твоего папы, — проговорила она. Даже несмотря на то, что комета Нила Яблонски и правда звучит глупо.

Я видел тебя здесь несколько дней назад, — сказал мальчик. — А что ты делаешь на улице?

Я не могу заснуть. — Клэр повернулась к воде и представила, что переплывает озера, океаны. Темные воды не пугали ее, а, наоборот, бодрили, словно она была русалкой, возвращающейся домой. — Я почти не сплю. С того самого момента…

А кошмары тебе снятся? — осведомился Уилл.

Я просто не могу спать. Потому что у меня поврежден мозг.

Что ты имеешь в виду?

У меня есть шрам на голове, вот здесь, где врачи распиливали мой череп. Они вытаскивали осколки от пуль, и там все повредилось. Я не могу спать.

Люди должны спать, иначе они умирают. Как ты без этого обходишься?

Я просто-напросто не сплю столько, сколько остальные. Несколько часов, не больше. — Клэр вдохнула пахнущий летом воздух. — И все равно я люблю ночь. Люблю тишину. Мне нравится, что кругом звери, которых не увидишь днем, — например, совы и скунсы. Иногда я иду гулять в лес и вижу, как светятся их глаза.

Ты помнишь меня, Клэр?

Вопрос, который мальчик задал так тихо, заставил ее удивленно обернуться.

Я ведь вижу тебя каждый день на занятиях, Уилл.

Нет, я имею в виду — ты помнишь, что видела меня еще где-то? До того, как мы оказались в «Вечерне»?

Я тебя раньше не знала.

Ты уверена?

Клэр пристально поглядела на Уилла в лунном свете. И увидела большую голову с круглым лицом. В этом была особенность Уилла — он казался очень большим, от головы до громадных ступней. Большой и мягкий, как зефирка.

О чем это ты?

Когда я только приехал сюда и увидел тебя в обеденном зале, у меня появилось это странное чувство. Как будто бы я встречался с тобой раньше.

Я жила в Итаке. А ты где?

В Нью-Гэмпшире. Со своими тетей и дядей.

Я ни разу не была в Нью-Гэмпшире.

Уилл придвинулся к девочке так близко, что его большая голова закрыла восходящую луну.

А раньше я жил в Мэриленде, два года назад, когда мама и папа были еще живы. Это говорит тебе о чем-нибудь?

Клэр покачала головой.

Я бы не запомнила. Я своих-то маму и папу с трудом вспоминаю. Какие у них были голоса. Как они смеялись и чем пахли.

Это ужасно грустно. Грустно, что ты не помнишь их.

У меня есть альбомы с фотографиями. Но я редко их смотрю. Будто бы разглядываешь изображения чужих людей.

От прикосновения Уилла девочка вздрогнула и отшатнулась. Ей не нравилось, когда к ней прикасались. Не нравилось с тех пор, как она пришла с себя в той лондонской больнице; там прикосновение означало очередной укол иглы, то, что кто-то еще, пусть даже с хорошими намерениями, снова причинит боль.

«Вечерня» должна теперь стать нашей семьей, — пояснил он.

Ага. — Клэр фыркнула. — Доктор Уэлливер постоянно об этом толкует. Что мы большая счастливая 'семья.

Приятно в это верить, верно? Что все мы заботимся друг о друге.

Конечно. А еще я верю в зубную фею. Люди не заботятся друг о друге. Они только о себе заботятся.

Между деревьями мелькнул луч света. Клэр развернулась, заметила подъезжавшую машину и вдруг помчалась к ближайшим зарослям кустарника. Уилл последовал за ней, шумно, словно лось, передвигая своими огромными ногами. Он плюхнулся рядом с Клэр.

Кто это приехал в такое время? — прошептал он.

Во дворе остановился темный седан, из него вышел мужчина, высокий и стройный, как пантера. Незнакомец не задержался возле автомобиля, а в ночь он вглядывался так, словно во тьме мог обнаружить нечто, невидимое для всех остальных. На один безумный момент Клэр даже подумала, что он смотрит прямо на нее, и опустилась чуть ниже, чтобы спрятаться от всевидящего взора под кустом.

Парадная дверь школы распахнулась, выпустив во двор свет, и на пороге возник директор Готфрид Баум.

Энтони! — крикнул он. — Спасибо, что приехал так быстро!

Тревожные обстоятельства.

Судя по всему. Заходи, заходи. Твоя комната готова, и тебя ждет ужин.

Я поел в самолете. Нам нужно перейти прямо к делу.

Разумеется. Доктор Уэлливер отслеживала бостонские события. Она может посодействовать, если это необходимо.

Парадная дверь захлопнулась. Клэр поднялась на ноги — ей стало любопытно, кто же такой этот странный гость. И почему директор Баум казался таким встревоженным.

Сейчас я осмотрю эту машину, — сказала девочка.

Не надо, Клэр, — запротестовал Уилл.

Но она уже приближалась к седану. Капот был еще теплым с дороги, вощеная поверхность поблескивала в лунном свете. Девочка прошлась вокруг автомобиля, поглаживая его рукой. По эмблеме на капоте она поняла, что это «Мерседес». Черный, гладкий, дорогой. Машина богача.

И конечно же, автомобиль был заперт.

Кто он? — поинтересовался Уилл.

Мальчик наконец-то нашел в себе смелость выйти из-за куста и теперь остановился возле Клэр.

Она поглядела на западное крыло, где в освещенном окне на мгновение мелькнул силуэт. Затем вдруг занавески съехались, и больше ничего видно не было.

Мы знаем, что его зовут Энтони.

9

Той ночью Мауре не удалось крепко заснуть.

Вероятно, дело было в незнакомой постели, а может, всему виной здешняя тишь, такая глубокая, что, казалось, сама ночь, ожидая чего-то, затаила дыхание. Когда она проснулась в третий раз, уже взошла луна; она светила прямо в ее окно. Маура не стала задергивать шторы, чтобы впустить свежий воздух, и теперь ей пришлось выбраться из кровати, чтобы с помощью штор отгородиться от света. Задержавшись у окна, она поглядела на раскинувшийся внизу сад. Он тонул в лунном сиянии; каменные статуи светились, словно призраки.

«Неужели одна из них только что пошевелилась?» — не поверила своим глазам Маура.

Она стояла, вцепившись в занавески, и пристально глядела на статуи, которые напоминали шахматные фигуры в окружении стриженых кустов. На фоне этого призрачного пейзажа двигалась тонкая фигурка с длинными серебристыми волосами и изящными, как у нимфы, конечностями. По саду прогуливалась девочка.

По коридору, прямо мимо ее двери, заскрипели шаги. До Мауры донеслись мужские голоса.

...мы пока не уверены, реальна ли угроза, однако доктор Уэлли- вер, похоже, убеждена в этом.

Судя по всему, полиция контролирует ситуацию. Нам остается только наблюдать и ждать.

«Я знаю этот голос», — подумала Маура. Она натянула халат и открыла дверь.

Энтони! — позвала доктор Айлз.

Энтони Сансоне повернулся к ней лицом. Весь в черном, он стоял рядом с Готфридом Баумом, который был куда ниже него; в слабоосвещенном коридоре Сансоне казался жутковатой, почти зловещей фигурой. Маура обратила внимание на его помятую одежду, усталые глаза и поняла: путешествие было долгим.

Простите, если я разбудил вас, Маура, — извинился он.

А я и не знала, что вы собираетесь приехать в школу.

Мне необходимо решить несколько вопросов.

Сансоне улыбнулся, но усталая улыбка не коснулась его глаз. В коридоре чувствовалось напряжение, которое настораживало Ма- уру. Его можно было заметить по лицу Готфрида Баума и по холодной отстраненности, с которой Сансоне обратился к доктору Айлз. Он никогда не был открытым, приветливым человеком, и Маура порой даже задумывалась: а вдруг он ее терпеть не может? Сегодня скрытность Сансоне казалась совершенно непробиваемой.

Мне нужно поговорить с вами, — сказала она. — Насчет Джулиана.

Разумеется. Может быть, утром? Я пробуду здесь до вечера.

Вы приехали так ненадолго?

Он пожал плечами, словно извиняясь.

Я бы с радостью пробыл здесь дольше. Но свои опасения вы всегда можете обсудить с Готфридом.

У вас есть какие-то опасения, доктор Айлз? — удивился Готф- рид.

Да, есть. Они касаются того, почему Джулиан оказался здесь. Ведь «Вечерня» не просто интернат и не просто пансион, верно?

Маура заметила, что мужчины переглянулись.

Эту тему лучше оставить до завтра, — решил Сансоне.

Мне очень нужно обсудить ее. Пока вы снова не исчезли.

Мы обсудим ее, обещаю. — Он отрывисто кивнул. — Доброй ночи, Маура.

Озадаченная его отстраненностью, Маура закрыла дверь. В последний раз они беседовали всего два месяца назад, когда он привез Джулиана к ней домой на каникулы. Они немного постояли на веранде, улыбнулись друг другу, и, казалось, Сансоне не хотел уезжать. «А может, мне просто показалось? — засомневалась Маура. — Разве я когда-нибудь разбиралась в мужчинах?»

Список ее свершений на этом поприще выглядел печально. Последние два года она никак не могла выпутаться из отношений с недоступным для нее человеком; Маура знала, что эта история плохо кончится, но, словно наркоманка, была не в силах устоять. К этому, собственно, и сводится влюбленность — к тому, что мозг подвергается воздействию наркотиков. Адреналина и дофамина, окситоцина и серотонина. Гормональное бешенство, воспетое поэтами.

«Клянусь, на этот раз я буду умнее», — заключила Маура.

Она вернулась к окну, чтобы задвинуть занавески и отрезать лунный свет, еще один известный источник безумия, прославляемый теми же самыми безмозглыми поэтами. Только потянувшись к занавескам, она вспомнила о фигуре, которую приметила раньше. Бросив пристальный взгляд в сад, Маура увидела статуи на фоне серебристого пейзажа, состоявшего из теней и лунного света. Никакого движения там не было.

Девочка исчезла.

«А была ли она там?» — задумалась Маура следующим утром, выглянув в то же самое окно и увидев садовника; он сидел на корточках, сжимая в руке садовые ножницы. Громко и с удовольствием закукарекал петух, провозглашая свои полномочия. Утро казалось совершенно обычным — светило солнце, снова и снова кричал петух. А вчера ночью под лунным светом все казалось совершенно неземным.

Кто-то постучал в дверь. Это была Лили Соул, которая весело приветствовала ее словами:

Доброе утро! Мы собираемся в антикварном зале. Присоединяйтесь, если хотите.

А что это за собрание?

Оно касается ваших тревог по поводу «Вечерни». Энтони сказал, что у вас есть вопросы, и мы готовы ответить на них. — Лили указала в сторону лестничного колодца. — Это внизу, прямо напротив библиотеки. Там нас ожидает кофе.

Зайдя в антикварный зал, Маура поняла, что ее ожидает нечто большее, чем кофе. По стенам были расставлены стеклянные шкафы, наполненные артефактами — резными фигурками и каменными орудиями труда, наконечниками стрел и костями животных. Пожелтевшие таблички говорили о том, что это старинная коллекция; возможно, она принадлежала еще Сирилу Магнусу. В любое другое время она наверняка постояла бы возле этих сокровищ, но сейчас за массивным дубовым столом уже сидели пять человек, требовавших ее внимания.

Поднявшись со своего стула, Сансоне сказал:

Доброе утро, Маура. Вы уже знакомы с нашим директором, Готфридом Баумом. Рядом с ним госпожа Дюплесси, преподаватель литературы. Наш профессор ботаники, Дэвид Паскантонио. А это доктор Анна Уэлливер, психолог нашей школы. — Жестом он указал на улыбающуюся ширококостную женщину, сидевшую справа от него.

Доктор Уэлливер, на вид шестидесяти с небольшим лет, с непослушной гривой седых кудряшек, в старомодном платье с воротничком-стоечкой, походила на стареющую хиппи.

Прошу вас, доктор Айлз, — проговорил Баум, указывая на кофейник и блюдо с круассанами и джемами, — угощайтесь.

Когда Маура заняла место рядом с директором Баумом, Лили поставила перед ней дымящуюся чашку кофе. Маслянистые круассаны выглядели очень соблазнительно, однако Маура, глотнув кофе, сосредоточила внимание на Сансоне, который глядел на нее с противоположного конца стола.

У вас есть вопросы по поводу нашей школы и студентов, — начал он. — Вот люди, которые могут на них ответить. — Кивком он указал на сидевших за столом компаньонов. — Пожалуйста, Маура, скажите, что вас волнует.

Официоз, не характерный для Энтони, а также вся обстановка — шкафы с диковинками по стенам и малознакомые люди — нервировали ее.

Я полагаю, «Вечерня» не подходит для Джулиана, — так же торжественно произнесла Маура.

Директор Баум удивленно приподнял брови.

Разве он сказал вам, что ему здесь плохо, доктор Айлз?

Нет.

Вы считаете, что ему плохо?

Она немного помолчала.

Нет.

Тогда что же вызывает ваши опасения?

Джулиан рассказывал мне о своих соучениках. Сообщил, что очень у многих родственники умерли насильственной смертью. Верно ли это?

Баум кивнул.

Верно, у многих.

У многих? Или у большинства?

Он примирительно пожал плечами.

У большинства.

Значит, это школа для пострадавших.

Бог мой, не для пострадавших, — возразила доктор Уэлливер. — Нам больше нравится считать их уцелевшими. У них особые потребности. И мы прекрасно знаем, как им помочь.

Вы здесь именно поэтому, доктор Уэлливер? Чтобы заниматься их особыми эмоциональными потребностями?

Доктор Уэлливер наградила ее снисходительной улыбкой.

Во многих школах есть психологи-консультанты.

Но они не берут специалистов в штат.

Верно. — Психолог обвела взглядом своих коллег. — Мы с гордостью можем сказать, что в этом смысле мы уникальны.

Уникальны потому, что специализируетесь на травмированных детях. — Маура оглядела стол. — Точнее, вы их набираете.

Маура, — заговорил Сансоне, — организации, занимающиеся защитой детей по всей стране, отправляют детей к нам, поскольку мы можем предложить то, на что не способны другие школы. Чувство защищенности. Осознание порядка.

И осознание призвания? На самом деле вы ведь это пытаетесь им внушить? — Маура бросила взгляд на лица всех шестерых, сидевших за столом. — Вы члены Общества Мефисто. Верно?

Может быть, не станем менять тему? — предложила доктор Уэлливер. — И сосредоточимся на том, что мы делаем здесь, в «Вечерне»?

Я как раз и говорю о «Вечерне». Ведь вы используете ее, чтобы завербовать солдат для параноидальной миссии вашей организации.

Параноидальной? — Доктор Уэлливер изумленно усмехнулась. — Такой диагноз я вряд ли поставила бы кому-нибудь из сидящих в этом зале.

Общество Мефисто считает, будто зло реально. Вы полагаете, что человечество под ударом и ваша задача защитить его.

Неужели вы считаете, что мы здесь занимаемся этим? Готовим охотников на дьявола? — Уэлливер потрясенно покачала головой. — Поверьте, нашу роль вряд ли можно счесть метафизической. Мы помогаем детям оправиться от насилия и трагедии. Мы организуем их жизненный уклад, даем безопасность и великолепное образование. Мы готовим их к университету или к тому, чего они сами хотят достичь. Вчера вы были на занятии у профессора Паскантонио. И видели, как заинтересованы были студенты, даже таким предметом, как ботаника.

Профессор показывал им ядовитые растения.

Именно поэтому они и проявляли любопытство, — заметил Паскантонио.

Потому что подтекст — убийство? Какими растениями можно умертвить.

Это ваше толкование. Другие посчитали бы это занятие уроком безопасности. Как узнать то, что может принести вред, и избежать этого.

Что еще вы здесь преподаете? Баллистику? Криминалистику?

Паскантонио пожал плечами.

На уроке физики все это вполне уместно. Почему это вызывает у вас возражения?

Я возражаю, потому как вы используете детей, чтобы удовлетворить собственные интересы.

В борьбе против насилия? Против зла, которое человек причиняет человеку? — Паскантонио фыркнул. — Вы говорите так, будто мы насильно даем им наркотики и готовим бандитов.

Мы помогаем им оправиться, доктор Айлз, — проговорила Лили. — Мы знаем, что такое пострадать от преступления. Мы помогаем им найти смысл в боли. Такой же, какой находим сами.

«Мы знаем, что это такое», — сказала она. Да, Лили Соул действительно знает: всех ее родных убили. И Сансоне тоже потерял отца в результате убийства.

Глядя на лица всех шестерых собравшихся здесь людей, Маура ощутила холодную волну догадки.

Каждый из вас потерял кого-то, — поняла она.

Готфрид печально кивнул.

Жену, — пояснил он. — Вооруженное ограбление в Берлине.

Сестру, — подхватила госпожа Дюплесси. — Ее изнасиловали и задушили в Детройте.

Мужа, — склонив голову, тихо произнесла доктор Уэлливер. — Его похитили и убили в Буэнос-Айресе.

Маура повернулась к Паскантонио, но тот молча смотрел в стол. Он не ответил на вопрос, но в этом не было необходимости. Ответ был написан у него на лице. Внезапно Маура вспомнила о своей сестре-близняшке, убитой всего несколько лет назад. И вдруг поняла: «Я ведь тоже принадлежу к их кругу. Оплакиваю родственницу, погибшую насильственной смертью».

Мы понимаем этих детей, — продолжила доктор Уэлливер. — Именно поэтому «Вечерня» — лучшее место для них. А может быть, единственное. Все мы похожи. Мы одна семья.

Пострадавших.

Не пострадавших. Мы смогли выжить.

Пусть ваши студенты сумели выжить, — ответила Маура. — Однако прежде всего — они просто дети. И не способны сделать самостоятельный выбор. Не способны возразить.

Возразить — против чего? — удивилась доктор Уэлливер.

Против вступления в вашу армию. Вы ведь так о себе думаете — как об армии праведников. Собираете травмированных и превращаете их в воинов.

Мы воспитываем детей. Учим, как отвести от себя беды.

Нет, вы держите их там, где они никогда не смогут забыть о своих бедах. Окружая их другими пострадавшими, вы отбираете у них возможность увидеть мир таким, каким его видят обычные дети. Вместо света они видят тьму. Они видят зло.

Потому что оно существует. Зло, — прошептал Паскантонио. Он сидел на своем стуле, сгорбившись и по-прежнему не поднимая головы. — Доказательства они получают из собственного опыта. Они просто видят то, что, как им уже известно, существует. — Медленно подняв голову, профессор посмотрел на Мауру очень светлыми влажными глазами. — Точно так же, как и вы.

Нет, — возразила она. — То, что я вижу по работе, — результат насилия. А то, что вы называете злом, — всего-навсего философский термин.

Называйте, как хотите. Эти дети знают правду. Она прожгла след в их памяти.

Мы обеспечиваем их знаниями и навыками, с помощью которых можно изменить этот мир, — разумно проговорил Готфрид. — Мы вдохновляем их на действия, точно так же, как другие частные школы. В военных академиях обучают дисциплине. В религиозных школах — набожности. В колледжах делают упор на науку.

А в «Вечерне»?

Мы учим сопротивляемости, доктор Айлз, — ответил Готфрид.

Маура обвела взглядом стол, всех этих миссионеров. А завербованы ими травмированные и уязвимые, дети, у которых не было выбора.

Она поднялась с места.

Джулиану это не подходит, Я найду для него другую школу.

Боюсь, вы не можете принимать такие решения, — возразила доктор Уэлливер. — У вас нет официального опекунства над мальчиком.

Я буду ходатайствовать перед властями штата Вайоминг.

Насколько я понимаю, вы имели такую возможность полгода назад. И отказались от нее.

Потому как считала, что эта школа подходит для него.

Это место действительно подходит ему, Маура, — вмешался Сансоне. — Будет ошибкой забрать его из «Вечерни». И вы об этом пожалеете.

Неужели в его голосе послышалось предостережение? Маура попыталась догадаться по лицу Энтони, но, как и прежде, не сумела.

Это зависит от Джулиана, вы так не думаете? — проговорила доктор Уэлливер.

Да, разумеется, — согласилась Маура. — Но я обязательно расскажу ему, что именно думаю обо всем этом.

Тогда я посоветовала бы вам немного подождать, чтобы понять, чем мы здесь все-таки занимаемся.

Я уже понимаю.

Вы только вчера приехали сюда, доктор Айлз, — возразила Лили. — Вы не видели того, что мы можем предложить детям. Вы не гуляли в нашем лесу, не осматривали конюшню и ферму, не наблюдали за тем, каким навыкам здесь обучаются. От стрельбы из лука и выращивания собственной еды до выживания в условиях дикой природы. Я знаю, вы ученая. А раз так, разве вы не должны в своих суждениях основываться на фактах, а не на эмоциях?

Этот вопрос остановил Мауру, потому что Лили сказала правду. Она еще не изучила «Вечерню». Она понятия не имела, найдется ли для Джулиана заведение лучше этого.

Дайте нам шанс, — попросила Лили. — Не торопитесь, познакомьтесь с нашими студентами, и вы поймете, почему «Вечерня» — то самое место, где им могут помочь. Для примера — мы только что приняли двух новеньких. Оба выжили в двух разных массовых убийствах. Сначала умертвили их настоящих родителей, а затем — приемных. Можете представить, насколько глубоки их травмы, если они дважды осиротели и дважды выжили во время убийств? — Лили покачала головой. — Я не знаю школу, в которой их боль поняли бы так же хорошо, как у нас.

«Дважды осиротели. Дважды выжили», — мысленно повторила Маура.

А эти дети, — тихо спросила Маура, — кто они?

Имена не имеют значения, — ответила доктор Уэлливер. — Значение имеет лишь то, что им необходима «Вечерня».

Я хочу знать, кто они.

Настойчивое требование Мауры, похоже, очень удивило преподавателей. Ненадолго в зале повисло молчание, а затем Лили спросила:

Почему их имена имеют для вас значение?

Вы сказали, их двое.

Девочка и мальчик.

И их дела связаны?

Нет, Уилл приехал из Нью-Гэмпшира. А Клэр — из Итаки, штат Нью-Йорк. Почему вы спрашиваете?

Потому что совсем недавно я провела вскрытия членов одной семьи из Бостона, убитых в результате вторжения в их дом. Выжил всего лишь один человек — приемный сын. Мальчик четырнадцати лет. Мальчик, осиротевший два года назад, когда убили всю его семью. — Доктор Айлз окинула взглядом потрясенные лица людей, сидевших за столом. — Он точно такой же, как двое ваших студентов. Дважды осиротел. Дважды выжил.

10

Для встречи заведение было весьма странным.

Джейн остановилась на тротуаре, разглядывая затемненные окна; на них, поверх изображения пышногрудой женщины в шароварах, по трафарету золотыми, как бы рваными буквами было выведено: «Арабские ночи». Дверь внезапно открылась, и из нее, споткнувшись, вышел мужчина. Он немножко покачался, щурясь на дневном свете, затем нетвердым шагом двинулся по улице, распространяя позади себя кисловатый запах выпивки.

Когда Джейн вошла в заведение, ей в нос ударил еще более сильный спиртной дух. Внутри царила полутьма, так что Риццоли едва различила силуэты двух сгорбившихся у барной стойки мужчин, потягивавших свои напитки. Обитые бархатом диванчики возле столов украшали

безвкусные разноцветные подушки и верблюжьи колокольчики, и Джейн уже ожидала увидеть позвякивающую девушку, исполняющую танец живота, с коктейлями на подносе.

Налить вам что-нибудь, мисс? — выкрикнул ей бармен, и двое посетителей, резко обернувшись, уставились на Риццоли.

Я пришла на встречу, — ответила она.

Думаю, вам нужен вон тот парень, за дальним столиком.

Я здесь, Джейн! — крикнул чей-то голос.

Она кивнула бармену и отправилась к дальнему столику, за которым, утопая в пухлых бархатных подушках, сидел ее отец. Перед ним на столе стоял бокал с жидкостью, напоминавшей виски. Еще и пяти- то не было, а он уже пил. Такого Джейн раньше не видела. Впрочем, последнее время Фрэнк Риццоли делал много такого, на что, как полагала Джейн, до этого он не был способен.

Например, ушел от жены.

Джейн скользнула на диванчик напротив отца и чихнула, устраиваясь на пыльном бархате.

Какого черта мы встречаемся здесь, пап? — поинтересовалась она.

Здесь тихо. Удобно разговаривать.

Это здесь ты зависаешь?

Последнее время — да. Хочешь выпить?

Нет. — Джейн поглядела на стоявший перед ним бокал. — И что это за ерунда?

Виски.

Нет, я имею в виду — что это за ерунда с выпивкой до пяти часов?

А кто, черт возьми, выдумал это правило? Что такого волшебного в этом времени — пять часов? И потом, ты ведь знаешь, как в песне поется. Всегда есть место, где пять часов. Умный мужик, этот Джимми Баффетт.

А разве ты не должен быть на работе?

Я сказал им, что заболел. Так что подай на меня в суд. — Фрэнк глотнул виски, но удовольствия, видимо, не получил и поставил бокал на место. — Ты не слишком-то много со мной разговариваешь последнее время. Обидно это.

Я перестала тебя узнавать.

Я твой отец. Это нельзя изменить.

Да, но тебя будто подменили. Ты делаешь то, что мой папа — мой прежний папа — никогда не сделал бы.

Фрэнк вздохнул.

Безумие.

Вот это, пожалуй, правильно.

Нет, именно так. Похотливое безумие. Гребаные гормоны.

Мой прежний папа никогда так не выражался.

Твой прежний папа теперь сильно поумнел.

Неужели? — Джейн откинулась на спинку диванчика, и от пыли, поднявшейся с бархатной обивки, у нее запершило в горле. — Именно поэтому ты хочешь снова общаться со мной?

Я никогда не обрывал отношений. Это сделала ты.

Трудно их поддерживать, когда ты живешь с другой женщиной. Бывало, что ты и не звонил вовсе, даже раз в неделю. Чтобы справиться хотя бы о ком-то из нас.

Я не осмеливался. Ты слишком разозлилась на меня. И приняла мамину сторону.

Ты станешь винить меня за это?

У тебя двое родителей, Джейн.

Но один из них ушел. Разбил маме сердце и сбежал со шлюшкой.

Сдается мне, что твоя мама вовсе не так уж переживала.

Знаешь, сколько месяцев она мучилась, прежде чем дойти до нынешней ситуации? Сколько ночей напролет она проплакала? Пока ты тусовался с

этой не-пойми-кем, мама силилась постичь, как ей прожить в одиночку. И она поняла. Надо отдать ей должное: мама приземлилась на лапы и прекрасно себя чувствует. Можно сказать, отлично.

Казалось, эти слова прозвучали для отца как удар, будто бы Джейн в самом деле обрушила на него кулак. Даже в полумраке этого коктейльного зала было заметно, как сморщилось его лицо, как опустились плечи. Фрэнк уронил голову на руки, и Джейн услышала нечто похожее на рыдание.

Пап? Папа!

Ты должна остановить ее. Она не может выйти за этого мужчину, не может.

Папа, я... — Джейн посмотрела вниз, на мобильный, который вибрировал у нее на поясе. Быстро глянув на дисплей, она поняла, что звонят откуда-то из Мэна, номер незнакомый. Она подождала, пока сработает автоответчик, и снова переключила внимание на отца. — Папа, что происходит?

Это была ошибка. Если бы я мог повернуть время вспять...

А я думала, ты помолвлен с этой, как ее...

Он сделал глубокий вдох.

Сэнди разорвала помолвку. И выкинула меня вон.

Джейн не произнесла ни слова. Некоторое время слышались лишь позвякивание кубиков льда и потрясывание шейкеров в баре.

Не поднимая головы, Фрэнк пробормотал куда-то себе в грудь:

Я живу в дешевой гостинице, тут, за углом. Поэтому и попросил тебя о встрече в этом месте, ведь теперь я здесь и зависаю. — Он изумленно усмехнулся. — В гребаной коктейльной «Арабские ночи»!

Что у вас произошло?

Он поднял голову и посмотрел в глаза дочери.

Просто жизнь. Скука. Не знаю. Она сказала, что я за ней не поспеваю. Будто бы я веду себя как старый пердун, которому каждый вечер подавай готовый ужин, а она должна быть служанкой.

Возможно, ты наконец оценил маму.

Ну, да, никто не сможет превзойти маму в готовке, это, черт возьми, правда. Так что, вероятно, я действительно был неправ, ожидая, что Сэнди будет ей соответствовать. Но, понимаешь, не стоило сыпать соль на рану. Называть меня старым.

Ай! Наверное, это больно.

Мне всего-то шестьдесят два! Оттого, что она лишь на четырнадцать лет младше, Сэнди не становится юной девицей. Но именно таким она меня считает, слишком старым для нее. Слишком старым и потому ненужным... — Фрэнк снова уронил голову на руки.

Похоть угасает, а потом ты видишь своего нового восхитительного любовника при ярком дневном свете. Видимо, Сэнди Хаффингтон проснулась как-то утром, поглядела на Фрэнка Риццоли и заметила морщины на его лице, обвисшие щеки. Когда гормоны улеглись, ей остался шестидесятидвухлетний старик, дряхлеющий и лысеющий. Она подцепила чужого мужа, а теперь ей захотелось выкинуть добычу.

Ты должна помочь мне, — проговорил он.

Тебе нужны деньги, папа?

Фрэнк резко вскинул голову.

Нет, об этом я не прошу! У меня есть работа — зачем мне нужны твои деньги?

Тогда что же тебе нужно?

Мне нужно, чтобы ты поговорила с мамой. Сказала ей, что я жалею.

Она должна услышать это от тебя.

Я пытался сказать ей, но она не захотела выслушать меня.

Джейн вздохнула.

Хорошо, хорошо, я скажу ей.

И... и спроси у нее, когда я смогу вернуться домой.

Джейн уставилась на отца.

Ты шутишь!

Почему у тебя такое лицо?

Ты думаешь, мама позволит тебе переехать назад?

Полдома принадлежит мне.

Да вы убьете друг друга!

Не хочешь, чтобы твои родители снова были вместе? Разве дочь может говорить такое?

Джейн сделала глубокий вдох, и, когда она заговорила, слова прозвучали четко и ясно.

Так значит, ты хочешь вернуться к маме и жить, как прежде. Ты это хотел сказать? — Она потерла виски. — Черт побери!

Я хочу, чтобы мы снова стали семьей. Она, я, ты и твои братья. Вместе отмечали бы Рождество и День благодарения. Чтобы мы были вместе во все другие прекрасные праздники и прекрасные ужины.

«В основном прекрасные ужины», — поняла Джейн.

Фрэнки на нашей стороне, — продолжал отец. — Он хочет, чтобы это случилось. И Майк тоже. Нужно только, чтобы ты поговорила с ней, потому что тебя она слушает. Попроси ее взять меня назад. Скажи, что все должно быть именно так.

А как же Корсак?

А кого он волнует, черт возьми?

Они помолвлены. И планируют пожениться.

Твоя мать еще не разведена. Она по-прежнему моя жена.

Тут дело только в документах.

Тут дело в семье. В том, как должно быть. Прошу тебя, Джейн, поговори с ней. И мы снова станем семейством Риццоли.

«Семейством Риццоли», — повторила про себя Джейн. И задумалась о том, что это значит. Это их история. Все праздники и дни рождения, которые они отмечали вместе. Воспоминания, принадлежавшие только их семье. За этим стояло нечто сакральное, нечто, что невозможно

просто так отбросить; Джейн была достаточно сентиментальной — она тосковала по этой утрате. И вот теперь есть возможность восстановить, склеить все это заново, чтобы мама и папа опять были вместе, как прежде. Фрэнки и Майк хотят этого. Папа хочет этого.

А мама? Чего же хочет она?

Джейн вспомнила о розовом свадебном платье из тафты, которое Анжела с такой гордостью показывала ей. Вспомнила, как они с Габриэлем последний раз приходили к маме на ужин; тогда Анжела и Корсак хихикали, словно подростки, и наступали друг другу на ноги под столом. Глядя на сидевшего напротив отца, Джейн не могла припомнить, чтобы он хоть когда-нибудь наступал маме на ноги под столом. Или хихикал. Или шлепал Анжелу по попе. Она видела перед собой усталого, разбитого мужчину, сделавшего ставку на чудаковатую блондинку и проигравшего. «А если бы я оказалась на месте мамы, — задумалась Джейн, — приняла бы я его обратно?»

Джени? Поговори с ней от моего имени, — взмолился Фрэнк.

Риццоли вздохнула.

Ладно.

Поторопись. Не то она слишком сблизится с этим подонком.

Корсак не подонок, папа.

Откуда ты знаешь? Он пришел и забрал то, что ему не принадлежит.

Он пришел, потому что появилось свободное место. Ты ведь понимаешь, верно, что многое изменилось с тех пор, как ты бросил ее? Мама изменилась.

Я хочу вернуть ее такой, какой она была. Я сделаю все, что угодно, чтобы она была счастлива. Скажи ей это. Скажи, что все будет, как в старые добрые времена.

Джейн поглядела на свои часы.

Пора ужинать. Мне нужно идти.

Обещаешь сделать это для своего старого папы?

Да, обещаю. — Она соскользнула с дивана, радуясь возможности сбежать от этих пыльных подушек. — Береги себя.

Отец улыбнулся ей, впервые с того момента, как Джейн пришла сюда; появился слабый намек на привычную самонадеянность Фрэнка Риццоли. Папа восстанавливает свои владения.

Так и сделаю. Особенно теперь, когда я знаю, что все будет хорошо.

Я не стала бы на это рассчитывать, подумала Джейн, выходя из «Арабских ночей». Она с ужасом думала о беседе с Анжелой, страшилась ее реакции. Вероятно, начнутся крики. Каким бы ни было мамино решение, кому-то оно обязательно принесет страдания. Либо Корсаку, либо папе. А ведь Джейн уже начала привыкать к мысли, что Корсак станет членом семьи. Большой человек с большим сердцем, он любит Анжелу, в этом нет никаких сомнений. «Кого же ты выберешь, мама?» — задумалась Джейн.

Ощущение приближающейся беседы мучило Джейн по дороге домой, портило настроение во время ужина, купания Реджины и других вечерних ритуалов — чтения книжки и пяти поцелуев на ночь. Когда Джейн наконец-то закрыла дверь в комнату Реджины и отправилась на кухню, чтобы позвонить Анжеле, она чувствовала себя, словно человек, которого отправляют в камеру смертников. Она сняла трубку, снова повесила ее и, вздохнув, опустилась на кухонный стул.

Ты ведь понимаешь, что тобой манипулируют, — сказал Габриэль. Он закрыл дверцу посудомоечной машины и запустил программу. — Ты не обязана делать это, Джейн.

Я обещала папе, что позвоню ей.

Он совершенно спокойно может позвонить Анжеле сам. Несправедливо втягивать тебя в это. Их брак — это их проблема.

Застонав, Джейн уронила голову на руки.

А потому она становится моей.

Я просто скажу, как есть. Твой папа — трус. Он наделал делишек, а ты должна все исправлять.

А вдруг только я и могу это исправить?

Габриэль сел, оказавшись за кухонным столом рядом с женой.

Как? Уговорить ее принять отца назад?

Я не знаю, что лучше.

Твоя мама должна решить это сама.

Джейн подняла голову и посмотрела на мужа.

Как думаешь, что ей нужно делать?

Габриэль задумался под гудение и плеск посудомоечной машины.

Похоже, сейчас она очень счастлива.

Значит, ты голосуешь за Корсака.

Он порядочный человек, Джейн. Он добр к ней. И не станет ее обижать.

Но он мне не отец.

Именно поэтому тебе не стоит в это ввязываться. Тебя заставляют принять ту или иную сторону, и здесь твой отец не прав. Смотри, как он заставляет тебя переживать.

Через некоторое время Джейн выпрямилась.

Ты прав. Я не должна была это делать. Скажу ему, чтобы он сам позвонил маме.

Не чувствуй себя виноватой. Если твоей маме понадобится совет, она у тебя сама спросит.

Да. Да, я скажу ему. Только вот, черт возьми, какой у него там новый номер?

Джейн полезла в сумочку и выудила из нее мобильный, чтобы посмотреть на список контактов. Только теперь она заметила уведомление на дисплее: «Одно новое голосовое сообщение». Тот самый звонок, который Джейн отправила на автоответчик, когда говорила с отцом.

Она включила воспроизведение и услышала голос Мауры: «…сюда двоих детей, девочку по имени Клэр Уорд и мальчика по имени Уилл Яблонски. Джейн, их истории аналогичны истории Тедди Клока. Родных отца и мать убили два года назад. Приемных родителей убили только в прошлом месяце. Не знаю, связаны ли эти дела, но, черт возьми, это очень странно, как думаешь?»

Джейн дважды воспроизвела запись, а затем набрала номер, с которого звонила Маура.

Школа «Вечерня», — ответил женский голос после шести гудков. — Доктор Уэлливер слушает.

Это детектив Джейн Риццоли, Бостонское ПУ. Мне нужна доктор Маура Айлз.

Боюсь, она на озере, уплыла на вечернюю прогулку на каноэ.

Я попробую позвонить ей на мобильный.

Мобильные у нас не ловят. Именно поэтому она звонила вам со стационарного номера.

Тогда, пожалуйста, попросите ее перезвонить мне, когда будет удобно. Спасибо.

Джейн повесила трубку и еще некоторое время глядела на свой телефон, ненадолго позабыв о родителях. Вместо них она задумалась о Тедди Клоке. Самый несчастный мальчик в мире — так назвал его Мур. Однако теперь Джейн знала, что есть еще двое таких, как он. Три несчастных ребенка. А может, есть еще дети, о которых она не знает, приемные дети, живущие в других городах, сироты, за которыми всё еще охотятся.

Мне нужно уйти, — сказала Риццоли.

Что происходит? — поинтересовался Габриэль.

Мне необходимо увидеть Тедди Клока.

Какая-то проблема?

Джейн схватила ключи от машины и направилась к двери.

Надеюсь, нет.

Было уже темно, когда Риццоли добралась до находившегося на окраине города дома приемной семьи, куда на время определили Тедди. Белый дом в колониальном стиле был старым, но аккуратным; он стоял чуть в стороне от дороги, закрытый деревьями с пышной листвой. Джейн припарковалась на подъездной аллее и вышла на улицу, в теплый вечер, пахнувший свежескошенной травой. Дорога была тихой — машины лишь изредка проезжали мимо. Сквозь деревья с трудом можно было разглядеть свет в окнах соседнего дома.

Джейн поднялась на крыльцо и позвонила в дверь.

Ее открыла госпожа Нэнси Иниго, вытиравшая руки о кухонное полотенце. На ее улыбающемся лице виднелись следы мукй, из косы выбились пряди седых волос. Из дома доносился аромат корицы и ванили, и Джейн услышала девичий смех.

Вы прибыли в рекордный срок, — заметила Нэнси.

Пропгу прощения, если мой звонок встревожил вас.

Нет, мы с девочками прекрасно проводим время, выпекая печенье для школы, как в старые добрые времена. Мы только что вытащили первую порцию из духовки. Входите.

У Тедди все в порядке? — тихо спросила Джейн, заходя в прихожую.

Нэнси вздохнула.

Боюсь, сейчас он прячется где-то наверху. У него нет настроения помогать нам на кухне. Как приехал, он все время такой. Ужинает, потом идет в свою комнату и закрывает дверь. — Женщина покачала головой. — Мы спрашивали психолога, можно ли выманить его наружу, например, сократить время, которое он проводит у компьютера, чтобы мальчик вышел к нам и пообщался с семьей, но она сказала, что еще слишком рано. А может, Тедди боится привязаться к нам из-за того, что случилось с бывшими… — Нэнси осеклась. — Так или иначе, мы с Патриком решили его не торопить.

А Патрик дома?

Нет, он на футбольной тренировке с Тревором. С четырьмя детьми спокойно не посидишь.

Вы просто молодцы, понимаете?

Нам всего-навсего нравится быть с детьми, — усмехнулась Нэнси. Они вошли на кухню, где две девочки лет восьми вдавливали формочки для печенья в раскатанное тесто. — Мы как начали брать их к себе, так и не можем остановиться. Знаете ли вы, что мы вот-вот отправимся на четвертую свадьбу? В следующем месяце Патрик поведет к алтарю еще одну приемную дочь.

Значит, у вас скоро прибавится внуков.

Нэнси широко улыбнулась.

Ради этого все и затевалось.

Джейн оглядела кухню — на рабочих поверхностях лежало множество тетрадей с домашними заданиями, учебников и писем. Счастливый беспорядок хлопотливого семейства. Однако она видала, как внезапно может исчезнуть нормальное. Риццоли не раз стояла на кухнях, обезображенных кровавыми пятнами, и всего лишь на мгновение она вообразила себе такие пятна на этих шкафчиках. Джейн моргнула, кровь исчезла, и она снова увидела двух восьмилетних девочек, липкими руками вырезавших из теста печенья-звездочки.

Я пойду наверх повидаться с Тедди, — сказала она.

Вверх по лестнице, вторая комната по правой стороне. Та, в которую закрыта дверь. — Засунув в духовку еще один противень с печеньем, Нэнси обернулась и поглядела на Риццоли. — Не забудьте постучать. В этом смысле он очень привередлив. И не удивляйтесь, если мальчик не захочет говорить. Дайте ему немного времени, детектив.

Возможно, времени-то у нас и нет, подумала Джейн, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Особенно если происходят нападения на другие приемные семьи. Остановившись у двери в комнату мальчика, Джейн прислушалась, ожидая, что до нее донесутся звуки радио или телевизора, однако за дверью царила тишина.

Она постучала.

Тедди! Это детектив Риццоли. Можно мне войти?

Через мгновение замок щелкнул, и дверь открылась. В щели показалось бледное совиное лицо Теми; мальчик часто замигал, а его очки съехали набок, словно он только что проснулся.

Джейн вошла в комнату. Тедди стоял молча; в своих свободных футболке и джинсах он напоминал безмолвное пугало. Комната оказалась весьма приятной — стены выкрасили в лимонно-желтый цвет, а занавески украшали изображения африканской саванны. На полках стояли детские книжки для разных возрастов, на стенах висели забавные плакаты с портретами героев «Улицы Сезам»; подобная отделка, конечно, уже не подходила такому умному четырнадцатилетнему мальчику, как Теми. Джейн задумалась о том, скольким другим травмированным детям служила убежищем эта комната, сколько детей обрело уют в безопасном мире, созданном семейством Иниго.

Мальчик по-прежнему молчал.

Джейн опустилась на стул возле ноутбука Тедди; заставка на его дисплее рисовала геометрические фигуры.

Как ты? — спросила она.

Тедди пожал плечами.

Почему бы тебе не присесть, чтобы мы могли спокойно поговорить?

Послушно опустившись на кровать, парнишка сел и опустил плечи так, словно хотел стать как можно более маленьким и незначительным.

Тебе нравится у Нэнси и Патрика?

Тедди кивнул.

Может быть, тебе чего-нибудь надо, и я могу это тебе привезти?

Мальчик покачал головой.

Тедди, неужели ты не хочешь ничего сказать?

Нет.

Ну наконец-то он произнес хоть что-то, пусть даже всего одно слово.

Ладно. — Джейн вздохнула. — Возможно, мне нужно сразу перейти к делу. Мне требуется кое о чем тебя спросить.

Я больше ничего не знаю. — Казалось, парнишка еще больше ушел в себя и пробормотал куда-то себе в грудь: — Я рассказал все, что помнил.

И помог нам, Тедди. Действительно помог.

Вы ведь его не поймали, верно? И поэтому хотите, чтобы я рассказал что-то еще.

Дело не касается той ночи. И даже тебя не касается. Это насчет двух других детей.

Мальчик медленно поднял голову и воззрился на Джейн.

Я не единственный?

Она пристально поглядела в глаза, такие бесцветные, словно прозрачные; казалось, Джейн может посмотреть сквозь ребенка.

А ты думаешь, есть еще такие же дети, как ты?

Не знаю. Но вы только что сказали, есть еще двое. Что у нас с ними общего?

Пусть мальчик говорил немного, однако он явно умел слушать и понимать куда больше, чем думала Риццоли.

У меня нет точной уверенности, Тедди. Вероятно, ты поможешь мне ответить на этот вопрос.

Кто они? Эти другие дети?

Девочку зовут Клэр Уорд. Ты когда-нибудь слышал это имя?

Парнишка некоторое время обдумывал ответ. С кухни донесся

стук закрываемой духовки и визг девчонок — звуки счастливого семейства. Но в комнате Тедди царила тишина — мальчик размышлял. В конце концов он едва заметно покачал головой.

Не думаю.

Ты не уверен?

Все возможно. Так обычно говорил мой папа. Но я не уверен.

Еще есть мальчик по имени Уилл Яблонски. Это имя тебе о чем- нибудь говорит?

Его родных тоже убили?

От вопроса, заданного так тихо, у Джейн разболелось сердце за этого ребенка. Материнский порыв заставил ее сесть поближе и обхватить рукой до ужаса худые плечи мальчика. Он сидел рядом напрягшись, словно ее прикосновение — некая неприятность, которую нужно вытерпеть. Но Джейн не убрала руку; они сидели на кровати, как два компаньона, объединенные трагедией, необъяснимой для обоих.

Мальчик жив? — тихо поинтересовался Тедди.

Да, жив.

Адевочка?

Оба они в безопасности. И ты тоже, обещаю тебе.

Нет, я — нет. — Мальчик поглядел на Джейн ясным, прямым взглядом; голос его звучал по-деловому. — Я умру.

Не говори так, Тедди. Это неправда и...

Джейн осеклась, поскольку свет внезапно погас. В темноте она слышала, как громко и часто дышит парнишка, и почувствовала, что ее собственное сердце бешено колотится в груди.

Детектив Риццоли! — позвала с кухни Нэнси Иниго. — Думаю, мы устроили короткое замыкание.

«Конечно же, в этом все дело, — успокоила себя Джейн. — Короткое замыкание. Такое часто случается».

Треск разбиваемого стекла заставил Джейн вскочить на ноги. В ту же секунду она расстегнула кобуру и положила руку на свой «Глок».

Нэнси! — закричала она.

Бешеные шаги застучали вверх по лестнице, и в комнату ворвались две девочки; вслед за ними раздалась более тяжелая поступь Нэнси Иниго.

Звук донесся из передней части дома! — воскликнула она. Ее голос почти потонул в испуганном хныканье девочек. — К нам кто- то влез!

И они оказались в ловушке на втором этаже. Сбежать можно было только из окна комнаты Тедди, но в этом случае пришлось бы прыгать с большой высоты.

Где ближайший телефон? — шепотом спросила Джейн.

Внизу. В моей комнате.

Мобильный Джейн лежал в ее сумочке, которую она оставила на кухне.

Сидите здесь, — приказала Риццоли. — Заприте дверь.

А что будете делать вы? Детектив, не оставляйте нас одних.

Но Джейн уже выходила из комнаты. Она слышала, как у нее за

спиной тихо закрылась дверь, как Нэнси щелкнула замком. От него, конечно же, пользы не будет, он сможет задержать преступника всего на несколько секунд — на время, которое понадобится, чтобы вышибить хлипкую дверь.

«Но сначала ему придется пройти мимо меня», — подумала Джейн.

Сжимая оружие, она неслышно двигалась по коридору. Тот, кто разбил стекло, хранил молчание. Риццоли слышала только собственное сердцебиение и пульсацию крови в ушах. У лестницы она остановилась и села на корточки. Дальше она не пойдет. Только дурак станет преследовать убийцу во тьме, а для нее главное — защитить Нэнси и детей. Нет, она будет сидеть здесь и перехватит его, когда он начнет подниматься по лестнице. «Иди к мамочке, подонок!» — мысленно позвала Джейн.

Ее глаза наконец привыкли к темноте, но Риццоли могла различить только силуэт перил, уходящих вниз, на первый этаж. Помещение озарялось лишь слабым светом, проникавшим сквозь окно первого этажа. Где же он, где? До нее не доносилось ни звука; кругом все было неподвижно.

«Может быть, он уже не на первом этаже, — подумала Джейн. — Может быть, он уже здесь, стоит за моей спиной».

Она в ужасе развернулась, но не увидела позади никакого чудовища.

Джейн вновь переключила внимание на лестницу, и в этот момент в окно проник свет от фар подъезжающей машины. Дверцы автомобиля захлопнулись, до Риццоли донеслись детские голоса; на крыльце раздались шаги.

Эй, Нэнси! Что там со светом? — крикнул мужчина. — Я привез половину футбольной команды; они хотят печенья.

Вторжение бегущих мальчишек по звуку напоминало топанье стада; в темноте раздавались их крики и гиканье. По-прежнему сидя на корточках на верхней площадке лестницы, Джейн опустила оружие.

Господин Иниго? — позвала она.

Ау! Кто это там, наверху?

Детектив Риццоли. У вас мобильный с собой?

Да. А где Нэнси?

Мне нужно, чтобы вы позвонили девять-один-один и вывели мальчишек из дома.

11

Окно в кабинете на первом этаже было разбито, и его осколки сияли, словно разбросанные по полу бриллианты— Судя по всему, место вторжения преступника — здесь, — предположил Фрост. — Дверь черного хода была приоткрыта; видимо, через нее он и ушел. Вероятно, приезд господина Иниго и шумных ребятишек выгнал его окончательно. А чтобы потушить свет, преступнику нужно было всего-навсего попасть в гараж, открыть электрический щит и вырубить главный переключатель.

Джейн опустилась на корточки, чтобы рассмотреть дубовый пол, на котором остался едва заметный отпечаток испачканного в земле ботинка преступника. Через открытое окно до нее доносились голоса криминалистов, изучавших почву двора на предмет отпечатков ног; на подъездной аллее в патрульной машине шипело и трещало радио. Успокаивающие звуки. Однако, глядя на отпечаток на полу, Джейн снова чувствовала учащенный пульс и запах собственного страха, разливавшийся во тьме. «Ну почему мне не удалось обезвредить его!» — сожалела она.

Как он нашел мальчишку? — спросила Риццоли. — Откуда, черт возьми, он узнал, что Тедди здесь?

У нас нет уверенности, что он искал Тедди. Возможно, кто-то просто решил влезть в этот дом.

Ну тебя, Фрост. — Джейн поглядела вверх, на своего напарника. — Ты ведь сам в это не веришь, правда?

Последовала тишина.

Нет, — признался Барри.

Откуда-то он узнал, что мальчик здесь.

Эта информация могла просочиться из соцслужбы. Из бостонского ПУ» Случайно это могло всплыть из целого ряда источников. А может быть, сегодня вечером преступник приехал сюда за тобой.

Тот, кто видел тебя на месте происшествия, знает, что ты работаешь по этому делу.

Джейн припомнила свою поездку к семейству Иниго, раздумывая: было ли что-то необычное, замечала ли она свет каких-нибудь фар в зеркале

заднего вида? Но фар было множество, а движение в Бостоне не прекращается ни на секунду. Если убийца ехал за мной, значит, он знает мою машину. Знает, где я живу.

У нее зазвонил мобильный. Джейн выудила его из сумочки, увидела на дисплее номер с кодом Мэна и сразу же поняла, кто звонит.

Маура? — произнесла в трубку Риццоли.

Доктор Уэлливер передала мне, что ты получила мое сообщение. Серьезное совпадение, верно? Еще двое детей, похожих на Тедди Клока. Что ты думаешь об этом?

Думаю, что у нас здесь проблема. Кто-то только что пытался напасть на Тедди.

Опять?

Преступник даже забрался в дом. К счастью, здесь оказалась я.

Ты в порядке? А мальчик?

Все нормально, только преступник сбежал. Теперь нам придется искать более безопасное место для парнишки.

Я знаю одно безопасное место. Здесь.

В комнату вошел криминалист, и, пока они с Фростом обсуждали отпечатки пальцев на подоконнике и двери черного хода, Джейн молчала. Нападение потрясло ее. Теперь она подозревала всех, даже специалистов, с которыми работала. Если за мной никто не ехал, значит, о местонахождении Тедди кто-то проговорился. Человек, который прямо сейчас, возможно, работает на месте происшествия.

Джейн вошла в ванную и, закрыв дверь, продолжила беседу.

Расскажи мне, какая там ситуация, — попросила она. — Там все защищено?

Место изолированное. Сюда ведет всего одна дорога и заканчивается она закрытыми воротами. На всей протяженности пути — датчики движения.

А что вокруг вас?

Двенадцать тысяч гектаров частного леса. Конечно, кто-то может сюда забрести, но ему придется попасть в само здание. Здесь массивная дверь

с кодовым замком. Все окна достаточно высоко от земли. И потом, здесь есть сотрудники.

Сборище учителей? Ода, это успокаивает.

Здесь есть лесник, он защищает территорию и он вооружен. Школа вполне автономна, у них есть собственные ферма и источник энергии.

И все-таки речь идет об учителях. А не о телохранителях.

Джейн, все они — члены Общества Мефисто.

Эта фраза заставила Риццоли умолкнуть. Странноватая группка Энтони Сансоне отслеживала насильственные преступления по всему миру, отыскивала данные о почерках убийц, пытаясь обнаружить доказательства, что зло реально. Что оно угрожает всему человечеству.

Ты никогда не говорила, что этой школой управляют они.

А я и не знала, пока не приехала сюда.

Они создатели теории заговора. Им за каждым углом чудятся страшилища.

Возможно, в данном случае в этом есть смысл.

Только не надо изрекать библейские истины. Пожалуйста, только не ты.

Я сейчас не о демонах. Просто происходит нечто, не поддающееся объяснению, нечто, объединяющее этих детей. Школьный психолог отказывается рассказать все подробно, ссылаясь на врачебную тайну. Однако Лили Соул поведала мне о Клэр и Уилле достаточно, чтобы понять: эти преступления похожи. Возможно, «Вечерня» — единственное место, где эти трое детей окажутся в безопасности.

Школа, которой руководит организация параноиков.

Это делает их идеальными опекунами. Они выбрали это уединенное место, потому что могут защитить его.

В дверь ванной постучали.

Риццоли! — позвал Фрост. — Соцработник приехала забрать мальчика.

Никому его не отдавай!

Что я должен ей сказать?

Погоди, я выйду через минуту. — Джейн снова сосредоточила внимание на телефоне. — Маура, я не очень уверена, что Сансоне и его окружению можно доверять.

Ты ведь знаешь, что он ни разу не бросал нас в сложных ситуациях. К тому же, у этих людей куда больше ресурсов, чем у Бостонского полицейского управления, даже если оно все соберет воедино.

Да и утечки информации там не будет, решила Джейн. Вряд ли найдется место, где можно надежнее спрятать мальчика от этого мира.

Как туда добраться? — спросила она.

Найти дорогу непросто. Мне придется сбросить тебе по почте объяснения.

Сбрось. Поговорим позже. — Джейн нажала на отбой и вышла из ванной.

В гостиной рядом с Фростом ее ожидала соцработница.

Детектив Риццоли, — начала она. — Мы нашли новое размещение для…

Я договорилась о другом месте для Тедди, — сообщила Джейн.

Соцработница нахмурилась.

Но я думала, что мы сами разместим его.

Возможно, сегодня вечером Тедди был целью нападения. А это значит, что возможны и другие попытки. Вы ведь не хотите, чтобы убили другую приемную семью, верно?

Женщина прижала руку ко рту.

О боже! Неужели вы правда считаете…

Вот именно. — Джейн поглядела на Фроста. — Удостоверься, пожалуйста, что семейство Иниго отправится сегодня в какое-нибудь безопасное место, ладно? А я заберу Тедди.

— Куда?

Я позвоню тебе позже. А сейчас я пойду наверх, чтобы собрать его сумку. Потом мы с ним слиняем отсюда.

Хотя бы намекни мне, куда.

Джейн посмотрела на соцработницу, которая наблюдала за ними, открыв рот.

Чем меньше людей знает, тем это безопаснее, — сказала она, а про себя добавила: «Для нас обоих».

Джейн ехала на рассвет, в северном направлении, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида. На заднем сиденье всю дорогу спал Тедди. Они ненадолго заехали к ней домой, где Риццоли сунула в дорожную сумку необходимую одежду и туалетные принадлежности, а затем продолжили путь. Габриэль хотел, чтобы Джейн сначала как следует выспалась и выехала уже при свете дня, однако Риццоли стремилась побыстрее увезти Тедди из Бостона.

И конечно же, она ни за что в жизни не позволила бы мальчику остаться в ее квартире и вообще — поблизости от ее семьи. Джейн видела, что случилось с людьми, давшими Тедди приют. Казалось, смерть ходила за ним по пятам, размахивая косой и убивая всех, кто оказывался рядом. Ей не хотелось, чтобы эта коса замахнулась на двух людей, которые были для нее дороже всего на свете.

Поэтому она запихнула мальчика в машину, сунула в багажник свои вещи, и в полвторого ночи они уже покидали северные окраины Бостона. Уезжали прочь от ее семьи.

В этот поздний час машин на дороге было немного, и Джейн приметила только несколько передних фар ехавших за ней автомобилей. Она следила за их продвижением. Сразу после Согуса от нее отстали элегантные галогеновые фары. Еще через сорок километров их примеру последовали фары внедорожника. Когда Джейн переехала мост Киттери и оказалась на территории штата Мэн, было уже почти три часа ночи, и машин позади не осталось вовсе, однако Джейн не прекращала поглядывать в зеркало, не прекращала искать преследователя.

«Убийца был там, в доме», — стучало у нее в голове. Джейн видела отпечатки его ботинок внизу, знала, что он прошел по первому этажу, но с верхней части лестницы не увидела даже его тени. Сколько она просидела на корточках, ожидая, что преступник появится на ступенях? Когда адреналин затопит твои вены, когда ты вот-вот столкнешься лицом к лицу с собственной смертью, даже шестьдесят секунд могут показаться вечностью. Риццоли не сомневалась, что просидела там пять минут, а может, и дольше. Этого времени было достаточно, чтобы убийца обыскал первый этаж и переключил свое внимание на второй. Но он этого не сделал. Что остановило его? Неужели почувствовал, что на верхней площадке лестницы его ждет полицейская? Неужели понял, что

ситуация изменилась не в его пользу, что теперь простая расправа превратится для него в битву с не менее опасным противником?

Через плечо Джейн бросила взгляд на мальчика. Тедди свернулся калачиком, словно эмбрион, крепко прижав к туловищу тонкие ручки и ножки. Как большинство других детей, он спал крепко, и, судя по всему, вчерашние ужасы не врывались в его сны.

Когда, пробиваясь сквозь редеющие облака, на небе появилось солнце, Джейн все еще сидела за рулем. Она опустила окно и вдохнула запах влажной земли, увидела пар над разогретым на солнце асфальтом. Она сделала всего лишь одну остановку, чтобы заправиться, выпить кофе и зайти в туалет. Тедди все это время спал.

Даже несмотря на кофеиновую встряску, Джейн постоянно сражалась со сном, изо всех сил стараясь сосредоточиться на финальном отрезке дороги. Она так измучилась, что забыла позвонить и предупредить о своем приезде, как советовала ей Маура. Когда Риццоли вспомнила об этом и достала телефон, сотовый сигнал уже пропал, и она не сумела известить сотрудников школы о своем прибытии.

Впрочем, это уже не имело значения — кто-то ждал ее у запертых ворот. Огромный, словно медведь, мужчина закрывал въезд; он выглядел крайне угрожающе в своих вылинявших джинсах и походных сапогах. С его кожаного пояса свисал огромный охотничий нож с жуткими зазубринами, блестевшими на утреннем солнце. Джейн затормозила прямо перед ним, однако человек не поморщился и не отступил, он по-прежнему стоял, скрестив руки на груди, неподвижный, словно скала.

Объясните цель вашего визита, мэм, — потребовал незнакомец.

Джейн, нахмурившись, поглядела на блочный лук и колчан со

стрелами, висевший на плече у мужчины, и задумалась: а вдруг она свернула куда-то не туда? Вдруг оказалась на землях деревенских бандитов? Но тут она взглянула вверх, на арку из кованого железа, и увидела надпись: «Вечерня».

Я детектив Риццоли. В школе меня ждут.

Незнакомец подкрался к пассажирскому окну и поглядел на спящего мальчика.

Это юный господин Клок?

Да. Я привезла его в школу.

Тедди наконец-то зашевелился на заднем сиденье. Заметив глядевшего на него дикаря, мальчик испуганно взвизгнул.

Спокойно, сынок, — голос великана звучал удивительно нежно для такого свирепого с виду человека. — Меня зовут Роман, я школьный лесничий. Приглядываю за этой чащей. И за тобой тоже пригляжу.

Вас надо называть господин Роман? — поинтересовалась Джейн.

Можно просто Роман, — прорычал великан, распахивая ворота. — Проедете пять километров и окажетесь у озера. Замок прямо за ним. Они ожидают вас. — Мужчина махнул рукой, давая сигнал проезжать. — Двигайтесь медленно, не сбейте волка.

Джейн подумала, что лесничий имеет в виду пса по имени Волк, принадлежавшего Джулиану Перкинсу. Но, проехав всего сто метров и свернув на лесной дороге, Риццоли резко затормозила, потому что волк — настоящий волк — вместе с двумя волчатами, чьи шкурки ярко переливались на солнце, медленно двинулся ей наперерез.

Где это мы? — удивленно пробормотал Тедди.

Не в городе, ясное дело. — Риццоли проводила взглядом волчье трио. — Представляю себе газетный заголовок, — пробурчала она. — «Бостонского полицейского сожрали волки».

Они не едят людей.

Ты это точно знаешь, да?

Их здесь наверняка подкармливают.

Наверняка?

Наверняка.

Это не очень-то успокаивает. — Джейн повела машину дальше, размышляя, какие еще сюрпризы могут поджидать ее в лесу. Медведи. Пумы. Единороги. В этом диком месте, в этой непроходимой чаще, казалось, могло появиться все что угодно.

Теперь сидевший позади Тедди окончательно взбодрился и стал пристально глядеть в окно — так, будто окружающее его увлекало. Может быть, здесь, в непроходимых лесах, мальчику было самое место. Здесь Джейн впервые услышала от него куда больше, чем два коротких предложения.

А здесь есть другие ребята? — спросил он.

Конечно, это же школа.

Но ведь сейчас лето. Разве они не разъехались на каникулы?

Это школа-интернат. Некоторые ребята живут здесь весь год.

У них разве нет родных?

Джейн немного помолчала.

Не у всех.

Так значит, они все время здесь живут?

Риццоли бросила взгляд через плечо, но мальчик не смотрел на нее; он был сосредоточен на густой зеленой завесе, которая закрывала весь обзор за окном.

По-моему, здесь неплохое место, красивое, — сказала она. — Как думаешь?

Да, — ответил парнишка. И добавил тихо: — Мне кажется, здесь он меня не отыщет.

12

Клэр первая заметила приезд новенького. Из окна на лестнице она проследила, как хэтчбек проехал в каменную арку школьных ворот и остановился во дворе. Из него показался водитель — крепкая женщина с непослушными темными волосами, одетая в синие джинсы и ветровку. Она остановилась и потянулась, словно вела машину очень долго, а потом подошла к багажнику и вынула из него два небольших чемоданчика.

Распахнулась задняя пассажирская дверь, и из салона выбрался еще кто-то. Мальчик.

Клэр прижалась к стеклу, чтобы как следует разглядеть его, и увидела яйцевидную голову со светло-каштановыми волосами и чубчиком сверху. Паренек напомнил ей Пиноккио — ножки и ручки, словно деревянные, передвигались какими-то механическими рывками. Прищурившись, парнишка поглядел вверх на здание, и его лицо показалось Клэр таким бледным, что она подумала: наверное, так выглядят вампиры. Или люди, которых слишком долго держали взаперти в подвале.

Эй, смотрите-ка, Ночная Вошка.

Знакомое оскорбление заставило Клэр напрячься. Обернувшись, она увидела, что Брайана и ее воображалы-подружки торопятся вниз по лестнице на завтрак. Эта троица — золотые девочки, команда принцесс с блестящими волосами и безупречными зубами.

Что там такого интересного на улице? — поинтересовалась одна из принцесс.

Может, она выискивает новое место для сегодняшней охоты на личинок.

Эй, Брайана, погляди-ка, — сказала другая принцесса, — Это новый парень, о котором мы слышали.

Отодвинув Клэр в сторону, три девчонки столпились у окна.

Это ему-то четырнадцать? — поразилась Брайана.

Вы о нем слышали? — спросила Клэр.

Брайана не обратила на нее внимания.

Какая тростинка! Он выглядит лет на десять.

Во двор из здания школы вышли директор Баум и доктор Айлз, чтобы поприветствовать прибывших. По тому, как здоровались женщины, было понятно, что они уже знакомы.

Он похож на насекомое, — заявила одна из принцесс. — На ужасного богомола.

Рассмеявшись, Брайана поглядела на Клэр.

Эй, Ночная Вошка, похоже, только что приехал твой новый парень.

Спустя полчаса Клэр еще раз увидела его на завтраке. Мальчика посадили за стол рядом с Джулианом — там ели старшие ребята. Видимо, поэтому новичка и посадили там, чтобы в день приезда кто-то за ним приглядывал. Он казался потрясенным и немного испуганным, словно только что приземлился на чужой планете. Каким-то образом паренек почувствовал, что Клэр смотрит на него, и, обернувшись, пристально уставился на девочку. Он смотрел на нее долго, словно, кроме нее, его никто не интересовал. Словно заметил другую такую же неудачницу, как и он сам. Настойчивый звон бокала для воды, по которому стучали чайной ложкой, заставил всех переключить внимание на учительский стол. Громко скрипнув стулом, директор Баум поднялся со своего места.

— Доброе утро, студенты, — начал он. — Не сомневаюсь, что вы заметили: у нас появился новый ученик. С завтрашнего дня он начнет ходить на занятия. — Директор жестом указал на Пиноккио, который вспыхнул от внезапного пристального внимания. — Надеюсь, вы окажете ему теплый прием. А еще я надеюсь, что вы помните, каково вам было в момент приезда и попытаетесь сделать так, чтобы Тедди прекрасно провел свой первый день в нашей школе.

Тедди — без фамилии. Клэр удивилась, что директор Баум опустил такую важную деталь. Девочка стала изучать новенького еще внимательнее, так же, как он наблюдал за ней, и заметила, что губы парнишки изогнулись в улыбке, но такой неуверенной, что Клэр даже засомневалась, видела ли она ее. Клэр удивилась: почему из всех девочек, сидевших в зале, он сосредоточился именно на ней?

Три принцессы были куда красивей, да и сидели ближе к нему. Ведь я просто школьная чудачка — девочка, которая вечно говорит что- нибудь не то. Девочка с дырой в голове. «Так почему же ты смотришь на меня?» — мысленно поразилась Клэр.

От этого она чувствовала и неудобство, и приятное волнение.

О-о-о, смотрите. Он глазеет на нее. — Брайана подкралась к столу Клэр и зашептала ей на ухо: — Похоже, господин Палочник воспылал страстью к Ночной Вошке.

Оставь меня в покое.

Может, у вас родятся хорошенькие маленькие жучата.

Не произнеся ни слова, Клэр взяла в руку стакан с апельсиновым соком и выплеснула его на Брайану. Сок оставил пятна на джинсах со стразами и новеньких балетках ее врагини.

Вы видели это? — заголосила Брайана. — Вы видели, что она сделала со мной?

Не обращая внимания на яростные взвизгивания, Клэр поднялась и направилась к выходу. По пути девочка заметила широкую улыбку на прыщеватом лице Уилла Яблонски; он с хитрым видом показал ей большой палец. Ну вот, этот — точно чудак, такой же, как она. Возможно, именно поэтому Уилл всегда так хорошо к ней относился. В этой школе уродов, где никто не слышит твоих криков, чудакам приходится держаться вместе.

Новый мальчик тоже не сводил с нее глаз. Тедди Без Фамилии. Клэр чувствовала, как он провожает ее взглядом.

Но поговорить с ним она смогла только следующим вечером. По четвергам Клэр работала в конюшне, и сегодня она чистила Пухлого Безумца, одну из четырех лошадей, принадлежавших «Вечерне». Из всех обязанностей, которыми обычно загружали студентов, только эта не вызывала у Клэр протеста, даже несмотря на то, что приходилось убирать стойла и таскать тюки со стружкой. Лошади не жаловались. Они не задавали вопросов. Они просто следили за ней своими кроткими карими глазами и доверчиво позволяли прикасаться к себе. Клэр тоже доверяла им, хотя мускулистый Пухлый Безумец с острыми копытами весил около пятисот килограммов и ему достаточно было просто лечь и повернуться в стойле, чтобы раздавить девочку насмерть. Рядом кудахтали и хлопали крыльями курицы, петух Герман издавал отвратительные хриплые крики, однако Пухлый Безумец стоял себе спокойно и только иногда ржал, одобряя действия Клэр, которая чистила скребком его бока и круп. Поскрипывание резиновых зубьев действовало гипнотически и очень успокаивало. Девочка сосредоточилась на своем занятии и даже не сразу поняла, что кто-то стоит у нее за спиной. Только выпрямившись, она внезапно заметила Тедди, который смотрел на нее через дверь стойла. Клэр так испугалась, что чуть было не уронила скребок.

Что ты здесь делаешь? — рявкнула она. Не самое ласковое приветствие.

Извини! Я просто хотел… мне сказали, что я могу… — Мальчик бросил взгляд через плечо, словно надеясь, что его кто-нибудь спасет. — Я люблю животных, — наконец выговорил он. — Доктор Уэлливер сказала мне, что здесь есть лошади.

А еще коровы и овцы. И эти тупоголовые курицы. — Клэр бросила скребок в висевшее тут же ведро, и он с громким стуком упал на дно. Звук получился очень резким, словно девочка злилась, но она не была злой. Просто она не любила неожиданностей. Тедди уже попятился назад от двери стойла.

Эй! — окликнула Клэр, пытаясь сгладить ситуацию. — Ты хочешь его погладить? Его зовут Пухлый Безумец.

Он кусается?

Не-а, он всего-навсего большой ребенок. — Клэр ласково потрепала коня по шее. — Правда ведь, Пухлик?

Тедди осторожно открыл дверь стойла и вошел внутрь. Пока он поглаживал коня, Клэр снова достала скребок и принялась чистить животное. Некоторое время они не произносили ни слова, просто молча стояли, вдыхая аромат свежей сосновой стружки и теплый запах лошади.

Меня зовут Клэр Уорд, — представилась девочка.

А меня — Тедди.

Ну да, я слышала это за завтраком.

Мальчик коснулся лошадиной морды, и Безумец внезапно тряхнул головой. Вздрогнув, Тедди поправил очки на переносице. Даже во мраке стойла Клэр видела, насколько он бледный и худой; казалось, его запястья тонки, словно тощие веточки. Однако глаза паренька привлекали внимание — большие, с длинными ресницами, — создавалось ощущение, что мальчик умел рассматривать все одновременно.

Сколько тебе лет? — поинтересовалась Клэр.

Четырнадцать.

Правда?

А почему ты удивляешься?

Потому что я на год младше тебя. А ты кажешься таким… — Она хотела сказать «маленьким», но в последний момент на ум пришло более приятное слово. — Застенчивым. — Она бросила на него взгляд поверх лошадиной спины. — А у тебя есть фамилия?

Детектив Риццоли просила никому ее не называть.

Ты имеешь в виду женщину, которая привезла тебя сюда? Она детектив?

— Да.

Собравшись с силами, Тедди снова дотронулся до лошадиной морды, и на этот раз Безумец, тихо заржав, принял ласку.

Клэр прекратила чистить коня и переключила все свое внимание на мальчика.

И что же случилось с тобой?

Те дли не ответил, а просто посмотрел на нее своими огромными прозрачными глазами.

Здесь разговоры об этом в порядке вещей, — подбодрила Клэр. — Все это обсуждают. В этой школе хотят, чтобы ты выставлял свою боль напоказ.

Так обычно советуют психотерапевты.

Да, знаю. Мне тоже приходится с ней разговаривать.

А тебе-то зачем нужен психолог?

Клэр опустила скребок.

Затем, что у меня дыра в голове. Когда мне было одиннадцать, кто-то убил моих маму и папу. А потом выстрелил мне в голову. — Девочка повернулась к Тедди. — Поэтому-то я и хожу к психологу. Я должна справляться с травмой. Даже несмотря на то, что я ничего не помню. Ничегошеньки.

Они поймали его? Человека, который в тебя стрелял?

Нет, он до сих пор на свободе. Возможно, он меня ищет.

Откуда ты знаешь?

Просто в прошлом месяце это случилось снова. Убили моих приемных родителей, и поэтому я оказалась здесь. Потому что здесь безопасно.

Меня тоже привезли сюда поэтому, — тихо произнес он.

Клэр пристально поглядела на него уже по-новому, понимая паренька гораздо больше, и увидела трагедию, написанную на этих бледных щеках, в этих светлых глазах.

Тогда ты попал, куда надо, — проговорила она. — Это единственная школа для таких детей, как мы.

Ты хочешь сказать, что все ребята здесь...

Ты сам узнаешь, — ответила Клэр, — если, конечно, побудешь здесь подольше.

Свет, попадавший в стойло благодаря низкой двери, куда-то пропал.

Вот ты где, Тедди. А я искала тебя, — сказала детектив Риццоли. Заметив Клэр, она улыбнулась. — Уже заводишь друзей?

Да, мэм, — ответил Тедди.

Мне не хочется мешать, но доктор Уэлливер должна поговорить с тобой прямо сейчас.

Мальчик поглядел на Клэр, и девочка ответила на его немой вопрос, беззвучно пошевелив губами: «Психолог».

Она хочет задать тебе всего несколько вопросов. Познакомиться с тобой поближе. — Детектив Риццоли открыла дверь стойла. — Пойдем.

Тедди вышел, закрыв за собой дверь. Обернувшись, он прошептал Клэр:

Я Тедди Клок.

Он и выглядит, как Тедди Клок, подумала Клэр, наблюдая за тем, как удаляется парнишка. Выйдя из стойла, она покатила прочь тачку, наполненную грязной подстилкой для лошадей, что лежала на полу. В сарае надоедливый петух снова докучал своим соседям, гоняясь за осажденной курицей и клюя ее. Даже курицы могут проявлять жестокость. Они такие же подлые, как мы, решила Клэр. Нападают друг на друга и даже убивают друг друга. Внезапно девочка пришла в ярость, увидев, как несчастная курица сжимается от нападок петуха Германа.

Оставь ее в локое! — Клэр хотела было ударить птицу, но Герман, хлопая крыльям, удачно увернулся и с пронзительным криком ринулся прочь. — Петух-подонок! — заорала она. Обернувшись, девочка заметила одну из принцесс в загоне для скота; та смеялась над ней. — Чего тебе? — рявкнула Клэр.

Это всего-навсего петух. Что у тебя за проблема, тормозила?

Будто бы кому-то есть до этого дело, — пробормотала Клэр, уходя прочь.

Пока все не разладилось, операция шла идеально. Когда разражается катастрофа, обычно можно, оглянувшись назад, точно указать, в какой именно момент она началась, в какой именно момент одно неудачное событие повлекло за собой целую серию других, в конце концов приведших к беде. Как говорится в пословице, не было гвоздя, подкова пропала, и это правда: мелочь, на которую не обратили должного внимания, способна погубить лошадь, солдата и целое сражение.

Но в тот июньский вечер в Риме, когда цель нападения была у нас под носом, казалось, что победа уже в кармане.

Внутри «Ла Нонны» Икар и его окружение доедали десерты. Когда они в конце концов вышли на улицу — сначала телохранители, затем Икар, его жена и сыновья, — мы были в полной боевой готовности. Плотный ужин с прекрасным вином в тот вечер смягчили Икара, и он не стал внимательно оглядывать окрестности, а просто направился к своей машине. Он помог своей жене Люсии и двум сыновьям сесть в «Вольво», затем скользнул за руль. Телохранители уселись в «БМВ», стоявший прямо за ним.

Икар первым отъехал от тротуара на дорогу.

В тот же момент его место занял грузовик с овощами и фруктами, который стал чуть косо, чтобы заблокировать «БМВ». Телохранители вышли на улицу и принялись орать на водителя, чтобы тот отогнал машину, однако он не обратил на них внимания и как ни в чем не бывало понес ящик с репчатым луком на кухню «Ла Нонны».

Именно в этот момент телохранители поняли, что им порезали шины и они сидят на мели. Засада. Икар сразу же понял, в чем дело, и отреагировал именно так, как мы думали.

Он газанул и с ревом помчался прочь, торопясь укрыться в безопасности своего дома на холме.

Мы ехали прямо за ним. Второй автомобиль с двумя другими членами нашей команды ожидал его на дороге, через сто метров от нас. Он занял место прямо перед машиной Икара, и теперь «Вольво» был зажат между двумя автомобилями.

Взбираясь на холм, дорога, в которой было немало резких поворотов, сузилась. Приближался слепой поворот, и первая машина затормозила, чтобы задержать «Вольво». Мы планировали, что это заставит «Вольво» остановиться, что мы вытащим Икара из машины и засунем в наш автомобиль. Однако Икар поймал нас врасплох: он не замедлил ход. Он отчаянно надавил на газ и проскользнул мимо первой машины буквально в сантиметре от нее.

Мы все слишком поздно заметили приближающийся грузовик.

Икар в отчаянии резко подал вправо, и «Вольво» натолкнулся на дорожное ограждение. Машина отскочила в сторону, ее занесло.

Грузовик ударился ей в бок и смял пассажирские дверцы.

Еще до того как я выбрался из машины, я понял: жена Икара погибла. Я первым дернул дверцу Икаровой машины и первым увидел кровавое месиво. Изломанное тело Люсии. Изуродованное лицо десятилетнего мальчика. И малыша Карло — он был еще в сознании, но уже умирал. Карло поднял на меня глаза, и я прочитал в них вопрос. Вопрос, на который я по-прежнему силюсь найти ответ: за что?

Мы выволокли Икара из «Вольво». В отличие от своих родных он был жив и оказывал сопротивление. Через несколько секунд мы связали его по рукам и ногам. Мы бросили его на заднее сиденье моей машины и накрыли сверху одеялом.

Незадачливый водитель грузовика, растерянный, потрясенный столкновением, так и не понял, что произошло. Позже он рассказал полиции, что какие-то добрые самаритяне остановились, спасли водителя «Вольво» и, наверное, отвезли его в больницу. Однако на самом деле мы направились к частной взлетной полосе, располагавшейся в семидесяти семи километрах оттуда, где нас ожидал заранее заказанный и уже готовый к рейсу самолет.

Мы закончили дело, ради которого приехали, однако все должно было завершиться иначе, трое невинных людей не должны были умереть. Обычно мы обмывали успешные операции, выпивая по бокальчику виски и хлопая друг друга по ладоням. Однако в тот вечер все были подавлены. Озабочены возможными последствиями.

Мы даже и представить не могли, какими ужасными они будут.

13

Ветер бился в окна кабинета доктора Анны Уэлливер, и отсюда, из высокой башни, Джейн видела, как с гор скатываются черные облака, неумолимо приближаясь к замку. Собиралась летняя гроза, порывы ветра заставляли Джейн нервничать. Они с Маурой наблюдали за тем, как доктор Уэлливер ставит на поднос чашки и блюдца. Вид на улицу был пугающим, зато внутри башни располагалось уютное помещение с диваном в цветочек, ароматическими палочками и хрустальными шарами, висящими в оконных проемах; тихое прибежище, где травмированный ребенок может свернуться калачиком в просторном кресле и поделиться своими самыми большими страхами. От аромата ладана комната больше походила на гостиную какой- нибудь эксцентричной дамы, играющей роль Матушки-Земли, чем на кабинет врача, однако доктор Уэлливер с ее седыми волосами, бабушкиными платьями и ортопедическими туфлями как раз таки и была эксцентриком.

У меня было примерно сорок восемь часов, чтобы понаблюдать за мальчиком, — сказала доктор Уэлливер. — И, надо сказать, у меня есть опасения.

Электрический чайник на приставном столике зашипел, забурлил, и женщина поднялась, чтобы налить кипящую воду в фарфоровый заварочный чайник.

Что за проблемы вы увидели? — поинтересовалась Джейн.

Внешне он вроде бы замечательно осваивается. Похоже, первый день занятий пришелся ему по душе. Госпожа Дюплесси говорит, что Тедди читает куда более серьезную литературу, чем полагается в его возрасте. Господин Роман убедил его выпустить пару стрел на занятиях по стрельбе из лука. А вчера вечером я обнаружила его в компьютерном зале за просмотром роликов на Ютьюбе.

Джейн поглядела на Мауру.

Здесь нельзя звонить по мобильному, но можно висеть в Сети?

Против века цифровых технологий не попрешь, — усмехнувшись, заметила доктор Уэлливер. Она тяжело уселась в кресло, и ее платье, словно палатка, вздулось на пухлом теле. — Конечно, мы блокируем неподобающие сайты, и наши студенты знают, что нельзя сообщать любые личные данные. Местонахождение, имена. В целях безопасности.

Особенно в случае с этими детьми, — заметила Маура.

Я пыталась сказать, — снова заговорила доктор Уэлливер, — что Тедди, чисто внешне, прекрасно адаптируется в новом окружении. Похоже, он даже кое с кем подружился.

Так в чем же проблема? — не унималась Джейн.

В ходе нашей с ним вчерашней беседы я обнаружила, что многого о своей родной семье он не помнит или не хочет помнить.

Вы ведь знаете, есть причина, почему он не может помнить ту ночь, когда они погибли.

Я знаю, что членов его семьи убили на борту парусного судна у острова Сент-Томас. Я в курсе, что там был взрыв, отчего Тедди потерял сознание. Но я невольно задаюсь вопросом: только ли этот взрыв виноват в провалах его памяти? Когда я спрашиваю его о родных, он постоянно уходит от ответа. Уклоняется. Говорит, что голоден или хочет в туалет. То и дело он упоминает своих родственников, используя

настоящее время. Он просто-напросто не хочет справиться со своей утратой.

Ему было всего двенадцать, — сказала Маура. — Совсем еще ребенок.

Прошло два года. Достаточно времени, чтобы осознать свою утрату, так же, как это сделали другие наши студенты. С Тедди придется серьезно поработать. Вывести его из этой стадии отрицания. Чтобы он смирился с потерей семьи. — Женщина поглядела на Джейн. — Хорошо, что вы привезли его сюда, детектив. Надеюсь, вы его здесь и оставите.

Это была мера крайней необходимости, — объяснила Джейн. — Не мне решать, где он останется надолго.

Вчера вечером школьный совет «Вечерни» единогласно постановил принять Тедди, все расходы оплачены. Пожалуйста, сообщите об этом администрации штата Массачусетс. Мы хотим оказать помощь.

А знаете, как вы в самом деле можете оказать помощь? — спросила Джейн. — Расскажите мне о двух других студентах. Клэр Уорд и Уилле Яблонски.

Уэлливер поднялась, чтобы разлить травяной чай, который заваривался в чайнике. Она молча наполнила чашки гостий, а затем, вернувшись на место, размешала в своей чашке несколько ложек сахара с горкой.

Щекотливое это дело, — наконец проговорила она, — раскрывать секретную информацию о наших студентах.

У меня тоже щекотливое дело, — возразила Джейн. — Я пытаюсь уберечь Тедди от смерти.

С чего вы взяли, что эти трое детей как-то связаны?

Жутковатое совпадение, — ответила за подругу Маура. — Я именно потому и позвонила Джейн, что здесь слишком много параллелей. Три совершенно разных семейства — Уорды, Яблонски и Клоки — были убиты в один год. Более того, в течение одной недели. Теперь, спустя два года, их дети, оставшиеся в живых, снова подверглись нападениям. С интервалом в несколько недель.

Да, я соглашусь — это действительно странно.

Это куда больше, чем просто странность, — возразила Джейн.

Но всего-навсего совпадение.

Джейн подалась вперед, чтобы заглянуть в глаза доктору Уэлливер.

Почему вы так запросто отметаете вероятность, что связь существует?

Потому что эти семьи погибли в совершенно разных местах. Родные Тедди Клока умерли на паруснике у Сент-Томаса. Родителей Клэр застрелили в Лондоне.

А родителей Уилла? Семью Яблонски?

Они погибли во время крушения частного самолета, в Мэриленде.

Джейн нахмурилась.

Я считала, что их убили. А это больше похоже на несчастный случай.

Отвернувшись, доктор Уэлливер поглядела на стеклянную дверь, которая выходила на крышу; там ветер носил дождевую пыль.

Вероятно, я и так очень многое вам рассказала. Это мои пациенты, и они доверяют мне свои тайны. Я связана правилами конфиденциальности.

А знаете, — ответила Джейн, — ведь я могу просто поднять телефонную трубку и позвонить в правоохранительные органы. Я могу сама узнать все подробности. Так почему бы вам не упростить мне жизнь и не рассказать обо всем? Эта авиакатастрофа была несчастным случаем?

Некоторое время доктор Уэлливер молчала, взвешивая свой ответ.

Нет, она не была несчастным случаем, — наконец ответила психолог. — НКБП[7] заключил, что это была диверсия. Но опять же, никаких очевидных связей с двумя другими семьями не просматривается. Если не считать характера смертей.

Простите, что я говорю это, — возразила Джейн, — но делать подобные выводы — моя работа, а не ваша. Скорее всего это совпадение, но я обязана воспринимать ситуацию так, будто все три истории связаны. Ведь если я что-нибудь упущу, могут погибнуть три ребенка.

Отставив в сторону чашку, Уэлливер некоторое время изучающе глядела на Джейн, словно пытаясь оценить ее решимость. В конце концов она поднялась и, шаркая, направилась к шкафу с папками, где отыскала какую-то карту.

Самолет с семейством Яблонски упал вскоре после взлета, — сказала она. — Как раз в этот момент им управлял Нил Яблонски. На борту были только он и его супруга. Поначалу сочли, что это несчастный случай. —

Психолог принесла папку к столу и передала Джейн. — А потом НКБП обнаружил на останках следы взрывчатых веществ. Следователи пытались найти мотив, отыскать хоть какую- то причину, почему покушались именно на эту семейную пару. Ответа так и не обнаружилось. К счастью, их сын Уилл в тот день не был на борту родительского самолета. Он решил провести выходные с дядей и тетей и заняться выполнением научного проекта.

Открыв папку, Джейн внимательно изучила форму школы «Вечерня» для поступающих.

«Четырнадцатилетний белый юноша; родных в живых не осталось. Направлен штатом Нью-Гэмпшир после пожара подозрительного происхождения, погубившего его тетку и дядю, Брайана и Линн Темплов, которые выполняли функции опекунов после смерти родителей юноши, случившейся два года назад...»

Джейн прочитала следующий абзац и подняла глаза на Уэлливер, добавлявшую в свою чашку с травяным чаем уже четвертую ложку сахара.

Этого парнишку некоторое время подозревали в том поджоге, в Нью-Гэмпшире?

Полиции пришлось рассмотреть и эту версию, поскольку Уилл был единственным, кто выжил после пожара. Мальчик сказал им, что стоял на улице и смотрел в телескоп, когда дом взорвался. Проезжавшая мимо автомобилистка увидела языки пламени и остановилась помочь. Именно она и привезла мальчика в больницу.

Мальчик случайно оказался на улице, потому что смотрел в телескоп?

И отец, и дядя Уилла — ученые из НАСА. Оба работали в Центре космических полетов имени Годдарда в Мэриленде. Нет ничего удивительного в том, что Уилл увлекается астрономией.

Значит, этот парнишка ботан, — поняла Джейн.

Можно и так сказать. Именно поэтому полиция считала его подозреваемым, пусть даже недолго, потому что он, конечно же, в состоянии соорудить бомбу. Только у него не было мотива для этого.

Или его не обнаружили.

Если верить моим наблюдениям, Уилл очень послушный мальчик и легко обучаемый, особенно хорошо у него идет математика. Никакой агрессии я в нем не увидела. Общаться ему несколько затруднительно. В

Нью-Гэмпшире дядя и тетя обучали его на дому, так что он мало общался со сверстниками. Вероятно, это одна из причин, почему ему трудно заводить друзей.

Из-за чего он обучался на дому? — поинтересовалась Маура.

В Мэриленде у него были проблемы. Бедного мальчика обзывали, над ним издевались.

Почему?

Из-за его веса. — Доктор Уэлливер оглядела свою собственную дородную фигуру, лишь частично замаскированную платьем просторного кроя, какие она обычно носила. — Я сама большую часть жизни боролась с избыточным весом и знаю, что это такое, когда тебя высмеивают. Дети способны проявлять особую жестокость, сосредотачиваясь лишь на том, что Уилл большой и несколько неуклюжий. Мы всегда вмешиваемся, если над нашими студентами издеваются, но мы не всеведущи. Несмотря на разнообразные насмешки, Уилл всегда весел и добродушен. Проявляет доброту к младшим. Ему можно доверять, и он никогда не влипает в неприятности. — Доктор Уэлливер немного помолчала. — В отличие от девочки.

Клэр Уорд, — догадалась Джейн.

Уэлливер вздохнула.

Наша маленькая ночная странница. — Психолог с усилием поднялась из кресла и снова отправилась к шкафу, чтобы отыскать карту Клэр. — Зато этот ребенок — наша постоянная головная боль. В большинстве случаев сложности связаны с неврологическими проблемами.

Что вы имеете в виду под неврологическими проблемами?

Выпрямившись, Уэлливер поглядела на Джейн.

В тот вечер в Лондоне, когда на ее родителей напали, Клэр была с ними. Каждому из них выстрелили в голову. И только Клэр выжила.

Откуда-то издалека раздались раскаты грома, небо зловеще потемнело. Бросив взгляд на свое предплечье, Джейн увидела, как волоски на нем встали дыбом — будто бы ее кожи коснулся ледяной ветер.

Уэлливер положила перед Риццоли папку Клэр.

Это случилось, когда их семейство направлялось к машине после ужина в ресторане. Отец Клэр, Эрскин Уорд, сотрудник дипломатической

службы, работавший в Лондоне, Риме и Вашингтоне. Мать, Изабель, домохозяйка. Поскольку Эрскин работал в посольстве США, было подозрение, будто он стал жертвой террористического акта, но в итоге полиция заключила, что это сорвавшееся вооруженное ограбление. Клэр не смогла помочь следствию, потому что не помнила нападения. Она вспоминает только, как очнулась в больнице после операции.

Если учесть, что этой девочке выстрелили в голову, сейчас она кажется удивительно нормальной, — заметила Джейн.

На первый взгляд она действительно совершенно нормальна. — Уэлливер поглядела на Мауру. — Даже вы не сразу заметили дефекты, верно, доктор Айлз?

Нет, — призналась Маура. — Они едва уловимы.

Когда в ее голову выпустили пулю, — снова заговорила Уэлливер, — это привело к так называемому диасхизу. По-гречески это означает «раскалывание». В одиннадцатилетнем возрасте ее мозг все еще оставался относительно пластичным, а потому большинство функций восстановились. Ее речевые и двигательные функции фактически в норме, как и память. Если не считать того лондонского вечера. До нападения она прекрасно училась, даже считалась одаренной. А теперь, боюсь, ей никогда не стать первой ученицей.

Но ведь она в состоянии вести нормальную жизнь? — спросила Джейн.

Не совсем. Как большинство пациентов с травмами мозга, она импульсивна. Лезет на рожон. Говорит что-то, не думая о последствиях.

Типичная характеристика подростка.

Доктор Уэлливер понимающе усмехнулась.

Верно. Подростковый мозг — сам по себе диагноз. Но я не думаю, что Клэр с возрастом изменится. Ей всегда будет сложно контролировать свои импульсы. Она выходит из себя, может ляпнуть первое, что пришло в голову. Из-за этого уже возникали проблемы. Она постоянно враждует с одной здешней девочкой. Все началось с обзывательств и гадких записок. Дошло до подножек и пинков. А затем до порчи одежды и подкладывания червей в кровать.

Напоминает меня и моих братьев, — заметила Джейн.

Однако вы, я надеюсь, переросли это. А Клэр всегда будет прыгать, даже не поглядев, что внизу. Это особенно опасно, учитывая ее другую неврологическую проблему.

Это какую же?

У нее полностью нарушен цикл сна и бодрствования. Такое случается со многими пациентами, перенесшими травмы головы, однако, как правило, их мучает чрезмерная сонливость. Они спят больше обычного. У Клэр по какой-то причине результат оказался парадоксальным. Она беспокойна, особенно по ночам, когда, судя по всему, ее состояние обостряется. Похоже, ей необходимо всего лишь четыре часа сна в сутки.

В день приезда, — сказала Маура, — я видела ее в саду. Время было далеко за полночь.

Уэлливер кивнула.

В это время она особенно активна. Словно ночное существо. Мы называем ее нашей полуночной бродягой.

И вы позволяете ей просто так бродить в темноте? — поразилась Джейн.

Когда она еще жила в Итаке, ее приемные родители так и не смогли покончить с этим. Они пытались лечить девочку, запирали двери, угрожали наказанием. Всю оставшуюся жизнь такое поведение будет преобладать в жизни Клэр, и ей придется научиться справляться с этим. Здесь не тюрьма, и мы решили, что не будем обращаться с ней как с заключенной.

И что, поэтому надо разрешать ей бегать в одиночку по ночам?

К счастью, в лесах Мэна не так уж много серьезных опасностей. Здесь нет ни ядовитых змей, ни крупных хищников, а наши черные медведи боятся нас куда больше, чем мы их. Самая серьезная опасность — наступить на дикобраза или заработать растяжение лодыжки, угодив ногой в нору какого-нибудь зверька. Такова натура Клэр, и ей придется жить с этим заболеванием. Честно говоря, бродить по лесу куда безопасней для нее, чем по любому большому городу.

С этим заявлением Джейн никак не могла поспорить — уж она-то прекрасно знала, где обитают самые опасные хищники.

А когда она закончит «Вечерню»? Что будет с ней после этого?

Когда настанет время заканчивать учебу, ей придется самой принимать решения. А пока мы обучаем ее науке выживания. Это наша цель, детектив. Именно потому и существует наша школа — чтобы дети сумели найти свое место в мире. В том мире, который не был добр к ним. — Уэлливер указала на шкаф с папками. — У нас десятки студентов, подобных Клэр; иные были так травмированы, что с трудом говорили,

когда только прибыли сюда. Или с криками просыпались по ночам. Но дети быстро оправляются. Если им правильно помочь, они способны вернуться в норму.

Джейн открыла папку с делом Клэр. Как и в случае с Уиллом, в нем содержалась первичная психологическая оценка доктора Уэлливер. Джейн перелистнула страницу, чтобы ознакомиться с заключением полицейских следователей Итаки.

Как получилось, что Клэр стала жить именно в этой семье, у супругов Бакли?

Боб и Барбара Бакли были друзьями родителей Клэр, и в завещании мама и папа девочки назначили их опекунами своей дочери. Собственных детей у Бакли не было. Когда супруги взяли Клэр к себе, у них появилось много проблем.

Внимательно проглядев краткий полицейский отчет о гибели супругов Бакли, Джейн подняла глаза на Мауру.

Кто-то протаранил их машину. И убил обоих выстрелами в голову.

Разумеется, это походило на целенаправленное убийство, — подтвердила Уэлливер. — Но у супругов Бакли не было врагов, что делает вероятной возможность нападения именно на Клэр, так как она тоже сидела в машине.

И как же тогда девочка выжила? — удивилась Джейн.

Доктор Уэлливер пожала плечами.

Божий промысел.

Прошу прощения?

Спросите у Клэр, и она расскажет, как на самом деле все случилось. Она не могла выбраться из машины. Услышала выстрелы. И увидела убийцу, который стоял совсем рядом. Но тут появился кто- то совсем другой. Клэр описывает ее как ангела. Некая женщина, которая помогла девочке выбраться из машины и забрала с собой.

Полиция говорила с этой женщиной? Она-то видела убийцу?

К сожалению, женщина исчезла сразу после прибытия полиции. Никто, кроме Клэр, ее не видел.

Может быть, ее и не существовало, — предположила Маура. — Может, она была лишь в воображении Клэр?

Доктор Уэлливер кивнула.

У полиции были сомнения по поводу таинственной женщины. Однако они нисколько не сомневались, что это была расправа. Именно поэтому Клэр привезли в «Вечерню».

Джейн закрыла папку и поглядела на психолога.

Тут возникает другой вопрос. Как именно это произошло?

Ее направили к нам.

Уверена, штат Нью-Йорк в состоянии присмотреть за своими детишками. Зачем направлять ее в «Вечерню»? И как здесь оказался Уилл Яблонски из Нью-Гэмпшира?

Доктор Уэлливер не смотрела на Джейн, вместо этого она сосредоточила свое внимание на одном из кристаллов, висевших на окне. В солнечный день этот кусочек кварца наверняка сеял по комнате радуги, но сегодняшним серым утром он казался нейтральным и не хвастался волшебством преломления света.

У «Вечерни» есть определенная репутация, — проговорила доктор Уэлливер. — Многим здешним детям мы предоставляем возможность учиться и проживать у нас совершенно бесплатно для администрации их родных штатов. Правоохранительные организации всей страны знают о том, как мы здесь работаем.

Потому что Общество Мефисто повсюду, — поняла Джейн. — Так же, как ваши шпионы.

Уэлливер поймала взгляд Риццоли.

Мы с вами на одной стороне баррикад, — спокойно заверила она. — Никогда не сомневайтесь в этом.

Меня напрягают только теории заговоров.

Можем мы хотя бы договориться о том, что безвинным необходима защита? Что пострадавшим нужно помочь выкарабкаться? В «Вечерне» мы делаем и то, и то. Да, мы отслеживаем преступления по всему миру. Как и другие ученые, мы ищем в них сходство. Мы ведь и сами пострадали, но решили нанести ответный удар.

В дверь постучали, и все три женщины обернулись как раз в тот момент, когда в помещение заглянул невысокий худощавый азиатский мальчик.

Доктор Уэлливер приветствовала его материнской улыбкой.

Здравствуй, Бруно. Ты чего-то хотел?

Мы нашли кое-что в лесу. На дереве, — выпалил мальчик.

В лесу полно деревьев. Что такого особенного в вашем?

Мы даже не знаем, что это значит, а девчонки… Они все орут… — Бруно сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и Джейн вдруг заметила, что мальчика трясет. — Господин Роман говорит, что вы должны прийти туда прямо сейчас.

Доктор Уэлливер в тревоге поднялась с места.

Проводи нас.

14

Вслед за мальчиком женщины шумно прошествовали вниз по трем лестничным пролетам. На улице ветер растрепал Джейн волосы, и она пожалела, что не взяла с собой куртку. Темные тучи, которые из башни казались далекими, теперь висели у них почти над головами. Риццоли слышала поскрипывание и стон деревьев, ощущала в воздухе запах приближающегося дождя. Они направлялись в лес вслед за мальчиком, который предпочитал идти не по протоптанным дорожкам. Заслышав, что столько ног ломают ветки и шуршат прошлогодней листвой, птицы умолкли. По лесу разносились теперь только звуки шагов и шум ветра в ветвях деревьев.

Мы заблудились? — поинтересовалась Джейн.

Нет, просто срезали немного, — ответила доктор Уэлливер. Несмотря на свое объемистое платье, она умудрялась спокойно пробираться по лесу и неуклюже шагать за мальчиком, который напоминал мчавшегося впереди лесного духа.

Лес превращался в чащу, ветви деревьев уже почти полностью закрывали небо. Утро было в самом разгаре, однако здесь, в лесу, дневной свет сменился сумеречным мраком.

Этот парнишка и вправду в курсе, куда идти?

Бруно прекрасно знает дорогу. — Доктор Уэлливер указала на сломанную ветку у них над головами.

Он оставил метки по пути?

Психолог бросила взгляд на Джейн.

Не стоит недооценивать наших студентов.

Замок пропал из виду. Теперь со всех сторон, насколько хватало взгляда, стояли одни лишь деревья. Много ли они прошли — километр, больше? И вот так-то он срезал путь? У Джейн развязались шнурки, она нагнулась, чтобы снова завязать их. Выпрямившись, Джейн увидела, что остальные уже прошли шагов на десять вперед и практически скрылись из виду. Если она останется здесь одна, возможно, ей придется блуждать несколько дней, чтобы выбраться из леса. Риццоли прибавила скорости, чтобы нагнать спутников, и сквозь заросли кустарника пробралась на маленькую полянку, где уже стояли остальные.

Под великолепной ивой расположились профессор Паскантонио и лесник Роман. Неподалеку стояла кучка поеживавшихся на ветру студентов.

...вообще ничего не трогали. Оставили в том же виде, в каком нашли, — говорил Роман доктору Уэлливер. — Будь я проклят, если я знаю, что это означает.

Дурацкая выходка, — фыркнул Паскантонио. — Вот что это такое. Дети вытворяют черт-те что.

Доктор Уэлливер приблизилась к иве и пристально поглядела вверх, на ветви дерева.

Нам известно, кто это сделал?

Никто не сознался, — прорычал Роман.

Все прекрасно знают, кто это сделал, — сказала темноволосая девочка. — Кто же еще? — Шатенка указала на Клэр. — Прошлой ночью она снова выбиралась на улицу. Я видела ее в окно. Это ночное насекомое!

Ничего такого я не делала, — отозвалась Клэр. Она в одиночестве стояла у кромки леса, сложив руки на груди, словно стремилась защититься от обвинений.

Ты ведь была на улице. Не ври.

Брайана, — вмешалась доктор Уэлливер. — Без доказательств мы никого не обвиняем.

Джейн пробралась сквозь сборище студентов и преподавателей в попытке разглядеть, что их привлекло. К нижней ветке ивы были подвешены, словно самодельные рождественские игрушки, три куклы из хвороста и шпагата. Приблизившись на несколько шагов, Джейн поняла, что на одной кукле юбка из коры березы. Женщина. Куклы из хвороста болтались на ветру, словно маленькие жертвы какого-то палача; на всех виднелись брызги, напоминавшие следы крови. Высоко, в кроне ивы, закаркали вороны. Джейн подняла глаза и увидела источник этих брызг — распространяя запах разложения, он висел у Риццоли над головой. Джейн с отвращением попятилась, не отрывая взгляда от тушки, что висела вверху.

Кто обнаружил это? — осведомилась доктор Уэлливер.

Все вместе, — ответил Роман. — Каждые несколько дней я вожу их по этой тропе и показываю, как меняется лес. Первыми их увидели вон те девочки. — Он указал на Брайану и двух других девиц, которые, казалось, все время толклись рядом с ней. — Никогда еще не слышал такого истерического визга. — Вытащив нож, великан обрезал веревку, на которой висела тушка, и мертвый петух плюхнулся на землю. — Будто бы они никогда не ели куриного мяса, — проворчал лесник.

Это Герман, — пробормотал какой-то мальчик. — Германа убили.

И не просто убили, подумала Джейн. Распороли ему брюхо. Вытащили его внутренности и оставили на съедение воронам. Это уже не просто глупая детская выходка, от такого Джейн вдруг начало мутить.

Доктор Уэлливер окинула взглядом студентов, съежившихся под первыми каплями дождя.

Кто-либо знает что-нибудь об этом?

Я не слышала его крика сегодня утром, — сказала одна из девочек. — Герман всегда будит меня по утрам, а сегодня не разбудил.

Я ходил по этой тропе вчера во второй половине дня, — добавил Роман. — Здесь ничего не висело. Наверное, это появилось вечером.

Джейн поглядела на Клэр. Ночная бродяга. Внезапно поймав взгляд Джейн, девочка посмотрела на нее с явным вызовом. Попробуйте-ка доказать, что именно я сделала это!

Дождевые капли уже начали оставлять мокрые пятна на платье доктора Уэлливер, но она лишь оглядела вставших в крут студентов и развела руки, словно стремясь обнять всех, кто нуждается в ласке.

Если кто-то захочет обсудить это со мной чуть позже, мои двери всегда открыты для вас. Обещаю: что бы вы ни сказали мне, это останется между нами. А теперь, — психолог вздохнула, поглядев на падающие с неба капли, — почему бы вам не отправиться в обратный путь?

Студенты начали покидать полянку, но взрослые остались возле ивы. И только когда дети ушли достаточно далеко и уже не могли ее услышать, доктор Уэлливер тихо произнесла:

Это меня очень встревожило.

Маура опустилась на корточки рядом с растерзанным петухом.

У него сломана шея. Видимо, это его и погубило. Но зачем было выпускать ему кишки? Оставлять здесь, чтобы все его увидели? — Она поглядела на доктора Уэлливер. — Это что-то означает.

Означает, что у вас тут есть какой-то больной щенок, — заметила Джейн. Она посмотрела вверх, на фигурки из хвороста. — А это что означает? Какие-то жуткие куклы вуду. Зачем она сделала это?

Она? — удивилась доктор Уэлливер.

Ну конечно, Клэр отрицает это. Но ведь дети постоянно обманывают.

Доктор Уэлливер покачала головой.

Из-за травмы мозга она стала импульсивной. Но из-за нее же девочка практически лишена способности к обману. Клэр говорит только то, что думает, даже несмотря на то, что это доставляет ей массу неприятностей. Она отрицает свою вину, и я ей верю.

Тогда кто же из них сделал это? — спросил Роман.

А с чего вы решили, что это студенты? — прозвучал голос у них за спинами.

Обернувшись, они увидели Джулиана; мальчик стоял у кромки опушки. Он вернулся так тихо, что взрослые не услышали.

Вы почему-то предполагаете, что виноват кто-то из нас, — проговорил Джулиан. — Это несправедливо.

Доктор Паскантонио рассмеялся.

Но, в самом деле, вы же не считаете, что это мог сделать преподаватель?

Помните, сэр, что вы говорили нам о слове «предполагать»? Что оно заставляет нас делать лажу?

Джулиан! — одернула его Маура.

Но профессор говорит именно так.

Куда же вы все-таки клоните, господин Перкинс? — поинтересовался Паскантонио.

Джулиан выпрямился.

Я хочу забрать тело Германа.

Оно уже разлагается, — ответил Роман. Подняв тушку петуха за веревку, на которой она висела, мужчина бросил ее в лес. — Вороны к нему уже приложились, позволь им закончить дело.

Ну хорошо, а кукол из хвороста я могу забрать?

Скорее, я просто сожгу эту чертовщину. Забудь об этом.

Если вы их сожжете, сэр, загадка все равно останется.

Зачем они тебе, Джулиан? — осведомилась Маура.

Потому что сейчас мы все переглядываемся и подозреваем друг друга. Думаем, кто же настолько ненормальный, что способен на это. — Юноша поглядел на доктора Паскантонио. — Это вещественное доказательство, и «Шакалы» могут проанализировать его.

Кто такие «Шакалы»? — спросила Джейн. Она посмотрела на Мауру, но та покачала головой: видимо, доктор Айлз была столь же озадачена, как и Риццоли.

Это криминалистический клуб нашей школы, — объяснила доктор Уэлливер. — Основан много лет назад нашим бывшим студентом Чаком Шакманом.

Поэтому он и называется «Шакалы», — добавил Джулиан.

Я его новый президент. Наш клуб как раз занимается такими вещами. Мы уже изучали брызги крови, следы шин. Мы сможем проанализировать и этот вещдок.

О, я все поняла! — Рассмеявшись, Джейн бросила взгляд на Мауру. — Это новый сериал. «Место преступления. Старшая школа».

Ладно, парень, — согласился Роман. Вытащив свой охотничий нож, лесничий потянулся вверх и срезал кукол с ветки. Затем протянул их Джулиану. — Они твои. Работай.

Спасибо вам, сэр.

Загремел гром. Лесничий поглядел вверх, на небо.

А теперь нам лучше отправиться в замок, — сказал он. — Чую, идет гроза. И никто не знает, куда она может ударить.

15

Это сделала ты?

Клэр ожидала такого вопроса. Когда они еще стояли там, на полянке, и, разинув рты, глядели на то, что свисало с ветвей ивы, девочка поймала взгляд Уилла и прочла этот вопрос в его глазах. Теперь, когда они шагали по тропе в стороне от других ребят, парнишка украдкой приблизился к ней и прошептал:

Они говорят, это сделала ты.

Они идиоты.

Именно это я им и сказал. Но ты ведь правда была на улице вчера ночью.

Я же тебе говорила. Я не сплю. Я не могу спать.

А почему бы тебе в следующий раз не разбудить меня? Мы можем вместе потусоваться.

Клэр остановилась у водотока. Капли дождя плюхались им на лица, отбивая такт по листве.

Ты хочешь тусоваться со мной?

Я смотрел прогноз погоды. Завтра ночью обещают чистое небо. Ты сможешь посмотреть в мой телескоп. Я покажу тебе очень крутые галактики. Уверен, они тебе понравятся.

Ведь ты же меня совсем не знаешь, Уилл.

Я знаю тебя куда лучше, чем ты думаешь.

Ну конечно. Типа, мы лучшие друзья навеки. — Клэр не хотела сарказма, но слова уже вылетели, и она не могла вернуть их, пусть даже ей очень этого хотелось. Она с радостью не говорила бы очень многое из того, что уже сказала.

Девочка прошла еще несколько шагов по тропе и вдруг поняла: Уилла нет рядом. Обернувшись, она увидела, что мальчик остановился и пристально уставился на ручей, туда, где вода плескалась и покрывалась рябью на камнях.

А почему бы и нет? — спокойно спросил он и поглядел на Клэр. — Мы не такие, как все. Мы с тобой оба...

Шизнутые.

Я не это имел в виду.

Ну, я-то точно шизнутая, — не унималась девочка.

Почему ты говоришь так?

Все так говорят, включая моего психотерапевта. Хочешь доказательств? — Клэр схватила Уилла за руку и прижала ее к шраму на своей голове. — Чувствуешь? Там они распиливали мой череп. Из-за этого я не сплю по ночам, словно вампир. Потому что у меня травма черепа.

Мальчик даже не попытался высвободиться, как ожидала Клэр. Его рука задержалась в волосах девочки, пальцы поглаживали шрам, ставший меткой ее чудаковатости. Пусть он толстый и прыщавый, зато у него красивые глаза, внезапно заметила Клэр. Нежные, карие, с длинными ресницами. Уилл продолжал смотреть на нее так, будто пытался догадаться, о чем она думает на самом деле. Пытался понять все то, о чем девочка боялась рассказать ему.

Клэр отпихнула его руку и двинулась прочь. Она так и шла, пока тропа не закончилась у кромки озера. Остановившись там, девочка пристально посмотрела вдаль, поверх воды, растревоженной дождевыми каплями. В надежде, что Уилл пойдет за ней.

А вот и он, остановился прямо рядом с Клэр. С озера подул зябкий ветер, и девочка, задрожав, обхватила себя руками. Казалось, Уилл не замечает холода, несмотря на то что одет в одни джинсы и влажную футболку,

которая подчеркивала все непривлекательные выпуклости его пухлого туловища.

Больно было? — спросил он. — Когда в тебя стреляли?

Клэр машинально подняла руку и дотронулась до места, где была рана. До небольшой вмятины, с появлением которой закончилась ее нормальная жизнь, жизнь девочки, спавшей по ночам и получавшей хорошие оценки. Девочки, которая никогда не говорила то, чего не надо, как раз тогда, когда это совсем ни к чему.

Не знаю, — ответила она. — Последнее, что я помню, — ужин в ресторане с мамой и папой. Они хотели, чтобы я попробовала что- то новое, а меня тянуло на спагетти. Я не унималась, все твердила спагетти да спагетти, и в конце концов мама попросила официанта принести мне то, что я хотела. Это последнее, что я помню. Мама была раздражена моим поведением. Я ее разочаровала. — Клэр провела рукой по лицу и почувствовала на щеках теплые влажные полоски.

На пруду закричала гагара. От этого одинокого нездешнего звука у Клэр к горлу подступил комок.

Я очнулась в больнице, — продолжала она. — Мои мама и папа умерли.

Уилл так нежно дотронулся до нее, что Клэр засомневалась: а вдруг это ей показалось? Он провел пальцами по ее лицу едва ощутимо, словно перышком. Клэр подняла голову, чтобы взглянуть в карие глаза Уилла.

Мне тоже не хватает мамы и папы, — признался он.

Жутковатая школа с жутковатыми детишками, — сказала Джейн. — Каждый из них со странностями.

Женщины сидели в комнате у Мауры, придвинув стулья поближе к очагу, где горел огонь. А за окнами хлестал дождь и ветер сотрясал рамы. Джейн переоделась в сухое, однако казалось, что сырость пронизывает ее до костей и даже языки пламени не в силах дать тепла. Поплотнее укутавшись в свитер, Джейн посмотрела на картину маслом, висевшую над очагом. Это был портрет джентльмена-охотника, гордо стоявшего рядом с убитым оленем; ружье было перекинуто у него через плечо. Мужчины и их трофеи.

Я бы использовала другое слово, — ответила Маура. — Одержимые.

Ты имеешь в виду детей?

Да. Они одержимы преступлением. Насилием. Неудивительно, что они кажутся тебе странными.

Стоит только объединить кучку таких детей, ребят с серьезными эмоциональными проблемами, и это лишь усилит их странности.

Возможно, — согласилась Маура. — Но здесь единственное место, где они могут получить одобрение. От людей, которые их понимают.

Джейн не ожидала, что Маура скажет это. Маура, которая сидела сейчас у огня перед Риццоли, казалась совершенно иной женщиной. Ветер и влага превратили безупречно гладкие черные волосы Мауры в клочки спутанной соломы. Клетчатая фланелевая рубашка была не заправлена в брюки, а отвороты синих джинсов — покрыты пятнами засохшей грязи. Всего несколько дней в Мэне, и доктор Айлз превратилась в совершенно незнакомого для Риццоли человека.

Чуть раньше ты говорила мне, что хочешь забрать Джулиана из этой школы, — напомнила Джейн.

Говорила.

Так что же заставило тебя передумать?

Ты же видишь, как ему здесь нравится. И он отказывается уезжать. Он сам сказал мне это. В шестнадцать лет он уже прекрасно знает, чего хочет. — Отхлебнув чая из своей чашки, Маура поглядела на подругу сквозь завитки пара. — Помнишь, каким он был в Вайоминге? Дикий зверь, постоянно затевавший драки и друживший с одной лишь собакой. А здесь, в «Вечерне», он нашел друзей. Здесь ему самое место.

Потому что все здесь с заскоками.

Маура улыбнулась, глядя на огонь.

Возможно, именно это объединяет нас с Джулианом. Потому что у меня свои заскоки.

В хорошем смысле, — быстро добавила Джейн.

Это какой же такой хороший смысл?

Хм. Упорство. Надежность.

Послушав тебя, можно заключить, что я — немецкая овчарка.

И честность. — Джейн немного помолчала. — Даже если из-за нее можно потерять друзей.

Маура опустила взгляд в чашку.

За этот грех я буду расплачиваться вечно. Так ведь?

Некоторое время женщины молчали, и в комнате были слышны

лишь удары капель в окно и шипение огня. Джейн не могла припомнить, когда в последний раз они сидели вот так вдвоем и спокойно разговаривали. Риццоли уже упаковала свою сумку — сегодня вечером ее ждали в Бостоне, — но она будто бы и не собиралась уезжать. Она осталась сидеть в этом кресле, потому что не знала, когда им снова выпадет такой шанс. Жизнь слишком часто напоминает полосу препятствий. Телефонные звонки, семейные проблемы; другие люди постоянно мешают — и на месте преступления, и в морге. А сегодня, в этот серый день, не было ни звонящих телефонов, ни стука в дверь, но между двумя женщинами повисло молчание, груз недосказанного, скопившийся за последние недели, с тех пор как из- за свидетельских показаний Мауры одного полицейского посадили в тюрьму. Подобное предательство бостонские правоохранители так просто не спускали.

Теперь на месте любого происшествия Мауре приходилось терпеть ледяное безмолвие и враждебные взгляды. На ее лице сейчас отражалось напряжение. При свете, падавшем от камина, глаза казались запавшими, а щеки — осунувшимися.

Графф виновен. — Пальцы Мауры сильнее сжали чашку. — Я и сейчас дала бы такие же показания.

Ну конечно же, дала бы. Ты делаешь это всегда — выкладываешь правду.

Ты так говоришь, будто это дурная привычка. Тик какой-то.

Нет, чтобы сказать правду, необходима смелость. Мне, как твоей подруге, стоило вести себя иначе.

А я-то уж и не думала, что мы с тобой теперь подруги. И вообще, что я способна сохранить хоть каких-нибудь друзей. — Маура пристально поглядела на огонь, словно в языках пламени можно было найти ответы на все вопросы. — Может быть, мне стоит просто взять и остаться здесь. Стать отшельницей, живущей в лесах. Здесь такая красота. Я могла бы провести остаток дней в Мэне.

Но ведь ты живешь в Бостоне.

Похоже, Бостон меня так и не полюбил.

Города не способны любить. Любят только люди.

И только люди способны предать. — Прищурившись, Маура поглядела на огонь.

Такое может произойти в любом месте, Маура.

Бостон суров. Холоден. Перед тем как переехать туда, я слышала о скрытных жителях Новой Англии, но никогда по-настоящему не верила в это. А когда я оказалась в Бостоне, у меня сложилось ощущение, что ради простого знакомства с людьми мне нужно раскалывать лед.

Ты это и про меня тоже?

Маура посмотрела на Джейн.

И про тебя тоже.

А я и знать не знала, что от нас исходит такое. Здесь ведь не солнечная Калифорния.

Маура снова переключила внимание на языки пламени.

Я не должна была уезжать из Сан-Франциско.

Но теперь у тебя есть друзья в Бостоне. У тебя есть я.

Улыбка изогнула краешек рта Мауры.

По тебе я буду скучать.

В Бостоне ли проблема? Или только в одном известном его жителе?

Им не нужно было произносить имя; обе подумали об отце Даниэле Брофи, человеке, который привнес в жизнь Мауры и радость, и печаль. О человеке, который, вероятно, так же глубоко переживал их запретную связь.

В тот самый момент, когда я решаю, что наконец переболела, — призналась Маура, — думаю, что выбралась из своей норы на солнце, я опять вижу его на месте происшествия. И мои раны снова обнажаются.

Трудно избежать встречи, если вы оба работаете на одном и том же месте происшествия.

Маура горько усмехнулась.

Хорошенький способ построить отношения! На месте трагедии!

Вы же расстались, верно?

Да. — Маура умолкла. — И нет.

Но вы не вместе?

И я вижу, как сильно он страдает из-за этого. Боль написана у него на лице.

«И у тебя тоже», — подумала Джейн.

Именно поэтому я должна уехать из Бостона. Вернуться в Калифорнию… Или поехать куда-то еще.

И это все решит?

Возможно.

Вас будут разделять три тысячи километров, но они же будут отделять тебя от всего того, с чем ты сроднилась за последние несколько лет. От твоего дома, коллег. Друзей.

От друга. В единственном числе.

Ты не была на панихиде, которую мы организовали, когда думали, что ты погибла. Когда думали, что это твое тело лежало в том гробу. Маура, зал был полон людей, которые уважают тебя. Которым ты небезразлична. Да, возможно, мы не умеем демонстрировать свои эмоции. Возможно, долгие зимы добавляют нам сварливости. Но мы тоже способны на чувства. Несмотря на то, что живем в Бостоне.

Маура продолжала пристально глядеть в камин; языки пламени медленно умирали, оставляя лишь тлеющие угли.

А я знаю человека, который очень расстроится, узнав, что ты собралась вернуться в Калифорнию, — сказала Джейн. — Он знает, что ты думаешь об этом?

Он?

О господи, не изображай дурочку! Я же видела, как он смотрит на тебя. Именно поэтому Сансоне и Брофи так не любят друг друга. Из-за тебя.

Маура поглядела на Джейн; в ее глазах вспыхнуло удивление.

Энтони Сансоне никогда не входил в список твоих любимцев.

К вопросу о шизанутых. Он ведь еще и член странноватого клуба Мефисто.

Но теперь ты говоришь, что из-за него я должна остаться в Бостоне.

О нем стоит подумать, верно?

Ух ты, как повысилось твое мнение о нем!

По крайней мере он доступен. — «В отличие от Даниэла Брофи», — могла бы добавить Джейн, но в этом не было необходимости. — И он к тебе неравнодушен.

Нет, Джейн. — Маура откинулась на спинку своего кресла. — Равнодушен.

Джейн нахмурилась.

Откуда ты знаешь?

Женщина всегда знает. — Маура снова отвела взгляд; словно мотылек, он стремился вернуться к умирающему пламени. — В тот вечер, когда я приехала сюда, Энтони тоже явился.

И что произошло?

Ничего. На следующее утро мы совещались с преподавателями. А потом он снова уехал, на этот раз в Лондон. Он всего-навсего фантом, то появляющийся, то исчезающий из моей жизни.

Сансоне всегда поступал именно так. И это не означает, что у него нет интереса к тебе.

Прошу тебя, Джейн. Не уговаривай меня на очередной безнадежный роман.

Я всего-навсего пытаюсь уговорить тебя не уезжать из Бостона.

Потому что Энтони настолько хорошая партия?

Нет, потому что ты нужна Бостону. Потому что ты самый толковый медэксперт, с которым мне доводилось работать. А еще — потому что... — Джейн вздохнула. — Я чертовски скучаю по тебе, Маура.

Березовое полено наконец рассыпалось на мелкие кусочки, превратившись в созвездие тлеющих угольков. Только этот звук, а также стук капель за окном нарушали тишину в комнате. Маура сидела неподвижно и спокойно — до такой степени, что Джейн начала сомневаться: расслышала ли ее подруга то, что было сказано. И имеет ли это значение для Мауры? Но тут доктор Айлз посмотрела на Риццоли. В глазах Мауры блеснули слезы, и Джейн поняла: ее слова очень много значили.

Я приму это к сведению, — пообещала Маура.

Да, прими, пожалуйста. — Джейн снова поглядела на часы. — Мне нужно ехать.

Тебе обязательно выезжать сегодня?

Я хочу хорошенько покопаться в делах Яблонски и Уордов, а это означает, что придется иметь дело с разными штатами и конторами. К тому же придется возиться в одиночку, поскольку Кроу не хочет напрасно тратить на это рабочую силу.

У детектива Кроу отчаянно не хватает воображения.

Ты тоже это заметила? — Джейн поднялась. — Я буду звонить каждый день, чтобы убедиться в безопасности Тедди. Сообщи мне, если возникнут какие-либо проблемы.

Расслабься, Джейн. Для него здесь самое безопасное место.

Риццоли вспомнила въезд, закрытый воротами, обособленность

этой территории. Сто двадцать один квадратный километр диких лесов. И подумала о тех, кто неусыпно охранял все это, об Обществе Мефисто. Есть ли место безопаснее для ребенка, которого преследуют, чем рядом с людьми, знающими, насколько опасным бывает мир?

Я довольна тем, что увидела, — проговорила она. — Встретимся в Бостоне.

По пути к выходу из замка Джейн задержалась, чтобы еще раз проведать Тедди. Он был на занятии, и Риццоли не стала его беспокоить, просто понаблюдала с порога классной комнаты за тем, как Лили Соул, взмахивая руками и подскакивая, демонстрировала преимущества испанского меча, которым пользовались римские легионеры. Тедди был увлечен — его тело подалось вперед, словно он стремился спрыгнуть с места и включиться в бой. Лили заметила Джейн и кивнула, словно говоря: «Он будет в порядке. Все под контролем».

Только этого Джейн и надо было.

Оказавшись на улице, Риццоли спешно добежала под дождем до своей машины, сунула дорожную сумку на заднее сиденье и уселась за руль. Отирая мокрое лицо, она залезла в карман за четырехзначным кодом охранной системы, без которого нельзя было выехать за ворота.

«Все под контролем», — вспомнила она.

Но, выезжая из двора через арку, вдали, в лесу, Джейн заметила нечто, привлекшее ее внимание. Среди деревьев стоял какой-то человек. Он находился так далеко, что Риццоли не смогла различить его лица, только фигуру. Его одежда была пестрой, серо-коричневой, как и стволы окружавших его деревьев.

Дорога уводила ее как раз в сторону незнакомца, так что по пути Джейн поглядывала на человека, удивляясь его статичной позе. Затем дорога ненадолго вильнула в сторону, лишив ее обзора, а когда заросли снова появились в поле зрения, там уже никого не было. Джейн увидела лишь обрубок мертвого дуба, испещренный лишайником и издолбленный дятлами.

Риццоли остановилась на обочине дороги и опустила окно машины. Поглядела, как дождь стучит по листве и ветки дергаются на ветру. Никто не наблюдал за ней из лесу, только мертвый обрубок дерева прикидывался опасным.

«Все под контролем», — снова вспомнила она.

Тем не менее Джейн не могла расслабиться, даже миновав ворота и направившись по лесу в южную сторону, к ферме. Возможно, всему виной был неослабевающий дождь и темные облака, низко повисшие над горизонтом. А может, одинокая дорога с заброшенными домами, у которых были заколочены окна, а веранды давно прогнулись. Казалось, здесь случился конец света, а она единственная осталась в живых.

Звонок телефона развеял эту иллюзию. Я снова вернулась в цивилизацию, подумала Джейн, отыскивая в сумочке мобильник. Сигнал был слабым, его едва хватало для разговора, но Джейн сумела различить прерывавшийся голос Фроста.

По твоему последнему имейлу… говорил с ПУ Хиллсборо…

Хиллсборо? Это насчет тетки и дяди Уилла Яблонски?

…говорит, что это странно… хочет обсудить…

Фрост! Фрост!

И вдруг его голос зазвучал очень четко и ясно. Наконец-то случилось чудо и появился хороший мобильный сигнал.

Он понятия не имеет, что все это значит.

Ты говорил с полицейским из Хиллсборо?

Да. С неким детективом Дэвидом Дж. Уайменом. Он сказал, что это дело с самого начала показалось ему странным. Я сообщил ему о Клэр Уорд, и детектив реально оживился. Он не знал о других детях. Тебе нужно потолковать с ним.

Ты можешь подъехать ко мне в Нью-Гэмпшир? — спросила Джейн.

Последовала пауза, Фрост понизил голос.

Не получится. Кроу хочет, чтобы мы сосредоточились на поисках Андреса Сапаты. Я сегодня в засаде. У квартиры домработницы.

Кроу до сих пор считает, что мотивом было ограбление?

По бумагам, Сапата — отличный вариант. Уже совершал ограбления в Колумбии. У него был доступ и возможности. И на кухонной двери есть отпечатки его пальцев.

Кое-что не дает мне покоя, Фрост. Эти трое ребятишек.

Слушай, раньше завтрашнего дня тебя здесь никто не ждет. У тебя есть время для небольшого обходного маневра.

Джейн собиралась приехать домой на ужин с Габриэлем, поцеловать на ночь Реджину. Но теперь, кажется, ей придется ехать в Нью- Гэмпшир.

Ни слова не говори Кроу.

Я и не собирался.

И вот еще что. Пробей ПЗНП[8] по массовым семейным убийствам. Особенно по тому году, когда погибли Уорды, Яблонски и Клоки.

С чем мы работаем, как ты думаешь?

Не знаю. — Джейн поглядела вперед, на блестевшую от дождя дорогу. — Но как бы там ни было, это дело начинает пугать меня.

16

Когда Джейн затормозила на подъездной аллее, дождь уже перестал, но гнетущие серые тучи продолжали висеть над головой, а с деревьев по-прежнему капало. Другие машины поблизости не стояли. Риццоли выбралась из своей и направилась к тому, что когда- то представляло собой фермерский домик дяди и тети Уилла, Линн и Брайана Темплов. В десятке метров от нее стоял нетронутый сарай, но сам дом представлял собой лишь кучку обгоревших балок. Джейн постояла возле этих останков и, слушая доносившийся со всех сторон звук капающей воды, почти ощутила запах гари, до сих пор исходивший от углей.

По гравию зашуршали чьи-то шины. Обернувшись, Риццоли увидела темно-синий внедорожник, остановившийся позади ее «Субару». Выбравшийся из автомобиля мужчина был в желтом дождевике, который висел на его дюжей фигуре, словно четырехместная палатка. Казалось, у него все огромное — и лысая голова, и мясистые кисти рук; пусть Джейн не боялась этого человека, в здешних глухих местах она особенно остро ощущала его физическое превосходство.

Детектив Уаймен! — позвала она.

Широкими шагами мужчина двинулся в ее сторону, разбрызгивая лужи сапогами.

А вы, наверное, детектив Риццоли. Хорошо ли доехали из Мэна?

Влажновато было. Спасибо, что встретились со мной. — Джейн бросила взгляд на развалины. — Вы это хотели мне показать?

Я подумал, что сначала нам нужно встретиться здесь, пока еще не стемнело. Чтобы вы смогли осмотреться.

Некоторое время они молча стояли рядом, оглядывая разрушенный дом. На поле, расстилавшемся за ним, вдруг показался олень; он совершенно бесстрашно уставился на людей. Видимо, этот красавец еще не был знаком со звуком переламываемого ружья, с ударами пуль.

Судя по всему, они были вполне законопослушными гражданами, — заметил детектив Уаймен. — Тихими. Содержали свой дом в порядке. Никогда не попадали в поле нашего зрения. — Он умолк и с иронией покачал головой. — Полагаю, это и есть определение законопослушных граждан.

Так значит, лично вы не знали семейство Темплов?

Я слышал, что одна семейная пара снимает старый дом Мак- мюррея, но ни разу не встречался с ними. Похоже, у них не было постоянной работы, так что в городке мало кто с ними познакомился, не считая агента по недвижимости. Ей они сказали, что хотят тихой жизни на природе, там, где их племянник сможет постоянно находиться на свежем воздухе. Работники автозаправки, продавцы из магазинов то и дело видели их, но для всех остальных семейство Темплов оставалось невидимым.

А что же их племянник Уилл? У него ведь наверняка были друзья.

Обучался на дому. Ему так и не представилось случая пообщаться с местными ребятишками. Кроме того, у меня создалось впечатление, что он в некотором смысле отличается от них.

Что вы имеете в виду?

Ну, вроде большой и неуклюжий. Настоящий ботан, если вы понимаете, о чем я. В ту ночь, когда все произошло, он, по его собственным словам, стоял на этом поле. — Уаймен указал на пастбище, где лениво бродил одинокий олень. — Расположил свой дорогущий телескоп и смотрел на звезды, или что-то в этом роде. Ах, да, я только что вспомнил: он искал кометы. — Уаймен усмехнулся. — Так вот, у меня двое своих подростков. Субботним вечером им и в голову не пришло бы стоять в поле без всякого телевизора и Фейсбука.

Значит, Уилл просто так стоял на поле в одиночестве и смотрел в небо. И тут дом взорвался.

Что-то в этом духе. Я предположил, что это просто несчастный случай. Камин, бытовой газ или нечто подобное. Потом начальник пожарной службы все проверил и обнаружил следы поджога. Вот тогда-то мы и заявили в главный криминальный отдел штата. Все это есть в моем отчете. Я привез вам один экземпляр. Он в машине.

А их племянник, Уилл? Что вы думаете о нем? Ну, то есть, кроме того, что он ботан?

Я, конечно же, пристально изучил этого парнишку. Поразмышлял о том, были ли у него конфликты с тетей и дядей, хотел ли он вырваться из-под их контроля. Но у нас нет сомнений: мальчишка не мог сделать ничего подобного.

Вы же только что сказали: он умник. Он вполне мог узнать, как сделать бомбу.

Да, но не такую.

А что в ней особенного?

Во-первых, это был семтекс.

Джейн удивилась.

Пластиковая взрывчатка?

Весьма сложное устройство. Если верить ФБР, компоненты французского производства. Четырнадцатилетний парнишка вряд ли стал бы использовать такое, чтобы убить свих тетю и дядю.

Нахмурившись, Джейн поглядела на почерневшие балки. И пришла к единственно возможному выводу: «Это дело рук профессионала».

Расскажите мне о семействе Темплов, — попросила Риццоли.

Они были единственными живыми родственниками мальчика. Линн Темпл — сестра его мамы. Работала библиотекаршей неподалеку от Балтимора. Брайан Темпл был физиком, служил в НАСА- Годдард в Гринбелте, штат Мэриленд, там же трудился и отец Уилла, Нил Яблонски. Мужчины были друзьями и коллегами, обе семейные пары тесно общались. После того как родители парнишки погибли в авиакатастрофе, Линн и Брайан стали опекунами Уилла. Что произошло после этого — загадка.

Что вы имеете в виду?

Спустя несколько дней после гибели родителей Уилла Линн и Брайан уволились со своих мест работы. Раз, — и Брайан ушел со своей службы в НАСА, где проработал двадцать лет. Они собрали вещи, сдали мебель на хранение и уехали из Балтимора. А через несколько месяцев поселились здесь.

И не работали? На что же они жили?

Еще один хороший вопрос. После смерти Темплов на их банковском счету осталась сумма в пятьсот тысяч долларов. Что ж, я знать не знаю, как платят в НАСА, но заначка неплохая, даже для физика.

Смеркалось. Из леса вышли еще два оленя, самка и самец, но эти животные вели себя осмотрительно — внимательно наблюдали за людьми, осторожно, шаг за шагом, выходя в поле. Вот наступит сезон

охоты, и эта мера станет дополнительной гарантией безопасности, способом сохранить жизнь. «Но если вы попадетесь на глаза охотнику, — подумала Джейн, — вас ничто уже не спасет».

От чего убегали Темплы? — спросила она.

Не знаю. Ясно одно: они действительно убегали. Возможно, знали что-то о той авиакатастрофе.

Почему же тогда не обратиться в полицию?

Понятия не имею. Полицейский из Мэриленда, с которым я говорил, тот, что расследовал гибель семейства Яблонски, судя по голосу, потрясен не меньше моего.

А Уилл знает, почему тетка и дядя перевезли его сюда?

Они сказали ему, что Балтимор опасный город, а им хотелось бы жить в каком-нибудь более спокойном месте. Вот и все.

И вот чем это закончилось, — проговорила Джейн, думая о рухнувших балках и жгучих языках пламени. Жуткая смерть у кромки тихого леса.

Да в том-то и дело, что этот городок действительно безопасен, — заметил Уаймен. — У нас есть алкоголики, садящиеся за руль, подростки, вытворяющие черт-те что. Порой случаются ограбления со взломом, или какие-нибудь супруги друг с другом грызутся. Вот и все, что можно найти в наших полицейских бумагах. Но это... — Полицейский покачал головой. — Мне никогда не доводилось сталкиваться с подобным. И надеюсь, больше не доведется.

На поле появилось еще несколько силуэтов. Целое стадо оленей беззвучно двигалось сквозь сумерки. Для городской девчонки вроде Джейн это зрелище казалось волшебством. Здесь, где даже дикие олени чувствовали себя в безопасности, семейству Темплов, должно быть, показалось, что подходящее убежище найдено. Место, где можно осесть, оставаясь неизвестными и незаметными.

То, что парнишка выжил, — просто везение, — проговорил Уаймен.

А вы уверены, что это только везение?

Я же говорю, совсем недолго я и вправду считал его подозреваемым. Вынужден был, это же часть привычной работы. Но парнишка на самом деле был потрясен. Мы обнаружили его телескоп

в поле — прибор по-прежнему стоял на том самом месте, где, по словам мальчика, он его оставил. В тот вечер небо было кристально- чистым, именно в такие вечера люди расчехляют телескопы. К тому же мальчишка прилично опалился, пытаясь спасти дядю и тетю.

Насколько я понимаю, в больницу его доставила проезжавшая мимо мотоциклистка.

Уаймен кивнул.

Женщина проезжала мимо и увидела языки пламени. Она отвезла его в неотложку.

Обернувшись, Джейн поглядела на дорогу.

Последний дом, который я видела, находится примерно в полутора километрах отсюда. Эта женщина живет где-то поблизости?

Не думаю.

Вы не знаете?

Нам не удалось поговорить с ней. Она оставила мальчика у врачей и уехала. Продиктовала медсестре свой номер, но тут возникла какая-то путаница. Когда мы позвонили туда, в Нью-Джерси, трубку снял какой-то парень. Он не имел ни малейшего понятия, о чем мы толкуем. В тот момент мы вовсе не считали, что это преступление. Думали, это несчастный случай, так что охота за свидетелями не была для нас первоочередной задачей. Только позже, после того как стало известно о семтексе, мы поняли, что имеем дело с убийством.

Возможно, она что-то видела в тот вечер. Может, даже проезжала мимо убийцы.

Нам так и не удалось отыскать ее. И парнишка, и медсестра неотложки описывают ее как худую блондинку лет сорока. Это описание подходит к той женщине, которую мы видели на записи с камеры видеонаблюдения больницы. — Уаймен поглядел вверх. Принялся накрапывать слабый дождик. — Так что эта загадка по- прежнему остается загадкой. Вся история напоминает айсберг — из воды видна только небольшая часть. А то, что в глубине, нам увидеть не удается. — Детектив натянул на голову капюшон, чтобы защититься от дождя. — У меня в машине папка для вас. Почему бы вам не проглядеть документы? Позвоните, если будут вопросы.

Джейн взяла из рук детектива толстую пачку документов.

Если честно, у меня уже есть вопрос. Почему Уилл оказался в «Вечерне»?

Я думал, вы как раз оттуда едете. Разве они вам не объяснили?

Школьный психолог сказала, что Уилл был направлен туда агентством вашего штата.

Его направили в эту школу чертовски быстро, на моей памяти такое впервые. На следующий день после пожара, когда парнишка был еще в больнице, мне позвонили из администрации губернатора. Они поместили мальчика под особую охрану. Потом прибыл какой- то тип в машине без всяких отметок, сгреб парнишку в охапку и был таков.

Какой-то тип?

Высокий темноволосый мужик. Одетый во все черное, как вампир.

Весь в черном. «Энтони Сансоне», — поняла Джейн.

17

— Итак, я объявляю это заседание «Шакалов» открытым, — провозгласил Джулиан.

Маура наблюдала за тем, как шестеро парнишек заняли свои места в кабинете химии. Поскольку все они в обеденном зале сидели за одним столом с Джулианом, Маура уже выучила их имена. Во втором ряду устроился Бруно Чинн, который, казалось, ни минуты не мог усидеть спокойно и даже сейчас ерзал и дергался на своем стуле. Зато Артур Тумз, сидевший рядом с ним, хранил неподвижность; опаленные руки он положил на стол перед собой. Шрамы на кистях мальчика, как объяснили Мауре, появились в результате пожара, который устроил его собственный отец. У двери расположился Лестер Гримметт, парнишка, одержимый идеей быстрых путей для побега. Быстрый побег через окно однажды спас ему жизнь, так что теперь он всегда-всегда выбирал места, расположенные поблизости от выхода. А в первом ряду сидели два новых члена «Шакалов», Уилл Яблонски и Тедди Клок. Их истории Маура знала даже слишком хорошо.

Шесть мальчишек — шесть трагедий, подумала Маура. Однако жизнь продолжается, вот они сидят — лишь некоторые со шрамами, но все сильно пострадавшие. Этот клуб — способ пережить потери, дурные воспоминания; способ заставить даже этих беспомощных детей чувствовать себя бойцами.

Правда, для борцов с преступностью они выглядели достаточно бледно.

Только Джулиан выделялся — высокий, внушительный президент клуба, он и выглядел соответственно. Хотя Джейн отнеслась к «Шакалам» презрительно, как к подражанию сериалу «Место преступления», было ясно, что Джулиан серьезно относится к роли президента клуба. И все остальные мальчишки, собравшиеся в зале, также были серьезны.

Сегодня, Шакалы, среди нас человек, по-настоящему участвующий в расследовании преступлений, — объявил Джулиан. — Доктор Айлз работает в Бостонском бюро криминологической экспертизы, там она проводит вскрытия. Она врач. Патологоанатом. Ученая. И... — парнишка с гордостью поглядел на Мауру, — она мой друг.

«Мой друг». Два простых слова, но для них обоих в этих словах заключался глубокий смысл. Маура с улыбкой поднялась и обратилась к членам клуба с тем же уважением, с каким они глядели на нее.

Спасибо за представление, Джулиан. Как уже было сказано, я патолог. Работаю с мертвыми. Изучаю человеческие останки на секционном столе и рассматриваю ткани под микроскопом, чтобы понять причину смерти людей. Наступила ли она в результате прогрессировавшей болезни. Или ее причиной стали травмы, токсины. Яды. Поскольку у меня медицинское образование, я могу проконсультировать вас на тему... — Маура осеклась, заметив какое-то движение в коридоре. Там мелькнула копна светлых волос. — Клэр! — позвала доктор Айлз. — Хочешь к нам?

Все мальчишки тут же обернулись на дверь. Клэр не удалось ускользнуть незамеченной, поэтому она пожала плечами — так, будто ей в любом случае нечем было бы заняться. Девочка шагнула прямиком к первому ряду и безразлично плюхнулась рядом с Уиллом. Парнишки стали пялиться на экзотическое существо, только что забредшее в их владения. Клэр Уорд и вправду странная девочка, подумала Маура. Светлые, почти белые волосы и бесцветные ресницы делали девочку какой-то потусторонней, похожей на лесную нимфу. Однако скучающее выражение лица и сутулые плечи выдавали типичного американского подростка.

Клэр оглядела безмолвных мальчишек.

Парни, вы хоть что-то делаете на этих своих заседаниях или просто глазеете друг на друга?

Мы как раз собирались обсудить то, что обнаружили на иве, — сказал Джулиан.

Я не имею к этому никакого отношения. Несмотря на все разговоры.

Мы рассматриваем вещественные доказательства, Клэр. Обращаем внимание только на них. — Парнишка поглядел на Мауру. — Я думал, раз уж вы специализируетесь на медицине, вы можете начать с рассказа о причине смерти.

Маура нахмурилась.

О причине смерти?

Петуха! — выкрикнул Бруно. — Нам уже известно, что это было убийство. Или убой — как там говорят о птице? Но как именно он умер?

Маура оглядела лица смотревших на нее ребят. Они не шутят, решила доктор Айлз. Они и вправду относятся к этой истории как к убийству, которое нужно расследовать.

Вы ведь осматривали его, — напомнил Артур, — верно?

Лишь мельком, — призналась Маура. — До того как господин Роман выкинул останки. И лишь в том, что касается положения его шеи. Я бы сказала: она явно сломана.

И что же — смерть наступила от удушения или от повреждения спинного мозга?

Доктор Айлз только что сказала, что шея была сломана, — напомнил Бруно. — Я бы назвал этот случай неврологическим, а не сосудистым.

А что там с оценкой времени смерти? — поинтересовался Лестер. — Вы знаете, когда наступила смерть?

Маура переводила взгляд с лица на лицо, поражаясь такому количеству вопросов.

Время смерти — всегда очень непростой вопрос, если не было свидетелей. В случае с людьми мы опираемся на несколько показателей. Температура тела, трупное окоченение, трупные пятна…

Вы когда-нибудь пробовали делать биохимический анализ стекловидного тела птичьего глаза? — осведомился Бруно.

Маура пристально поглядела на парнишку.

Нет. Нет, не могу такого сказать. Признаюсь, в куриной патологии я не очень разбираюсь.

Ну, в таком случае мы хотя бы знаем причину смерти. Но зачем было разрезать его? Зачем было выпускать ему кишки и вешать на дерево?

«На полянке я задала тот же самый вопрос», — вспомнила Маура.

Этот вопрос останется в деле, — объявил Джулиан. — А пока займемся материальными доказательствами. Я вернулся в лес и попытался отыскать тело, но, думаю, его утащил какой-нибудь падаль- щик, поэтому мы не сможем изучить останки. Я также пытался найти следы обуви возле курятника, но, увы, дождь смыл практически все. Так что, полагаю, пора перейти к тому, что отыскали вы, ребята. — Он поглядел на Бруно. — Хочешь быть следующим?

Бруно направился в переднюю часть класса, а Маура опустилась на свое место, ощущая себя ученицей, которая не сделала домашнее задание. Она даже не представляла, что расскажет этот юркий, дерганый, невысокий Бруно. Он натянул латексные перчатки и засунул руку в пакет из коричневой бумаги. Оттуда показались три куклы из хвороста, по-прежнему висевшие в своих веревочных петлях. Мальчик положил их на лабораторный стол из нержавеющей стали. Какие же они банальные, подумала Маура, поглядев на них еще раз. В ярком флуоресцентном освещении класса рыжевато-коричневые пятна казались брызгами грязи, а вовсе не следами крови. Когда куклы качались на ветру, свисая с ивовых ветвей, они казались жуткими. Теперь они утратили свою силу, превратившись всего лишь в то, чем и были на самом деле, — связки хвороста.

Перед нами вещественные доказательства А, Б и В, — заявил Бруно. — Фигурки человечков, один из которых, похоже, женского пола, а два других — мужского. Они сплетены из различных веток и коры при помощи шпагата. Я рассматривал именно шпагат. Убежден, что он сделан из джута. Я также обнаружил образцы этого же самого шпагата в конюшне, там им связывают охапки сена, которым кормят лошадей. — Запустив руку в карман, парнишка выудил образец веревки. — Видите? Такая же. Из нашей конюшни! — Он сел на свое место.

Артур, ты следующий? — спросил Джулиан.

Я идентифицировал хворостинки, — объяснил Артур, поднявшись. — С юбкой из коры все было просто. Это береза бумажная, американская белая береза. Вычислить хворостинки оказалось сложнее. Получилось, что здесь два вида. Судя по гладкой зеленой коре и остреньким почкам, я заключил, что это «фраксинус нигра», черный ясень. Другие хворостинки мне удалось идентифицировать из-за сердцевины, напоминающей звездочку. Полагаю, это тополь бальзамический. Все эти деревья растут у реки.

Отличная работа, — похвалил Джулиан.

Пристально глядя на Артура, который возвращался на свое место, Маура подумала: «Этот пятнадцатилетний парнишка знает о деревьях куда больше, чем когда-либо узнаю я». Оказалось, что «Место преступления. Старшая школа» гораздо более серьезная затея, чем представлялось сначала.

Лестер поднялся со своего стула, но в переднюю часть класса не пошел. Он остался прямо возле выхода — там мальчик чувствовал себя в безопасности.

Я ознакомился с веревкой, при помощи которой жертву подвесили на ту высокую ветвь. Мне пришлось вернуться и забраться на дерево, чтобы достать этот экземпляр, поскольку жертву — Германа — в лесу нам найти не удалось.

И что же ты узнал об этой веревке? — поинтересовался Джулиан.

Это белый нейлоновый плетеный шнур диаметром шесть миллиметров. Многофункциональный, хорошей прочности. Не гниет и не плесневеет. — Лестер немного помолчал. — Я обыскал всю округу, чтобы обнаружить источник. И нашел в сарае целую катушку этой веревки. — Мальчик сел на свое место.

Итак, мы установили, что все материалы, необходимые для изготовления кукол, можно обнаружить прямо здесь, на территории школы. Хворостины. Шпагат. Веревка. — Джулиан окинул взглядом класс. — Теперь нам предстоит самое сложное — ответить на вопрос, заданный Лестером чуть раньше: зачем? Зачем кому-то понадобилось убить петуха, разрезать ему живот и выпустить кишки? Зачем нужно было вешать его у той тропы, по которой мы ходим каждый день? Там, где мы наверняка заметим его? — Парнишка ожидал ответа.

Кто-то решил привлечь внимание, — предположил Артур.

А может, он ненавидит петухов? — заметил Бруно, многозначительно поглядев на Клэр.

Это какой-то религиозный обряд, — предложил свою теорию Уилл. — Как в сантерии. Они ведь убивают куриц, верно?

Какой-то психопат убивает животных ради развлечения, — высказал предположение Лестер. — Вероятно, ему это нравится. Может, он ловит от этого кайф, что означает: он сделает это снова. — Лестер умолк. — В следующий раз, возможно, он убьет уже не курицу.

Последняя фраза погрузила класс в молчание.

Тишину прервал Тедди.

Думаю, он хотел что-то этим сказать, — проговорил мальчик.

Что именно? — поинтересовался Джулиан.

Хотел о чем-то сообщить. Пытался предупредить. — Голос Тедди опустился до шепота. — Разве никто больше не задается вопросом, почему кукол три?

Маура поглядела на кукол из хвороста. А затем перевела взгляд на Клэр, сидевшую в первом ряду, между Уиллом и Тедди.

«Один женского пола, а два других — мужского», — вспомнила она слова Бруно.

18

Что-то я путаюсь в географии, Риццоли, так что тут мне понадобится твоя помощь, — сказал детектив Кроу. — Когда я проверял последний раз, Нью-Гэмпшир к нам не относился.

Джейн окинула взглядом детективов, собравшихся за столом на рабочее совещание. Прямо напротив нее сидели Фрост и Мур, однако ни тот, ни другой, казалось, этим утром не собирались сражаться с Кроу. И вообще, похоже, все члены команды устали от конфликтов. Кроу всех под себя подмял, и только она одна готова была схлестнуться с ним. Кажется, только Риццоли и получала удовольствие от убийственного, затяжного боя.

Я только что перечислила все параллели с делом Акерманов, — ответила она. — Супруги Яблонски погибли два года назад от взрыва бомбы, в своем самолете.

Который разбился в Мэриленде, — заметил Кроу.

А еще два года назад были застрелены родители Клэр Уорд…

В Лондоне, — рассмеялся Кроу. — Ради всего святого, это произошло в другой стране.

…и оба эти события произошли на той же неделе, когда было совершено нападение на семью Тедди Клока возле Сент-Томаса. Три семьи, Кроу. Все они убиты с интервалом в несколько дней. Прошло два года, и единственные уцелевшие члены этих семейств снова пережили

нападения. Такое впечатление, словно кто-то стремится стереть с лица земли целые династии. А эти трое ребятишек должны умереть последними.

Чего ты добиваешься, Риццоли? Хочешь полететь в Мэриленд и возглавить тамошнее расследование?

Для начала неплохо было бы слетать в Мэриленд.

А потом куда, в Лондон? Бостонское ПУ будет в восторге, когда придется все это оплатить. Да, не забудь о Сент-Томасе. Кто-то ведь должен проверить и это происшествие.

Фрост поднял руку.

В Сент-Томас поеду я.

Я не напрашиваюсь на увеселительные поездки в Лондон и Сент-Томас, — возразила Джейн. — Я просто хочу немножко поработать с этим. Думаю, что здесь есть связь, которую мы пока не видим. Нечто, объединяющее семейства Уордов, Яблонски и Клоков.

Грандиозный международный заговор, — сыронизировал Кроу. — Точно.

Эти связи требуют более детального рассмотрения.

Нет. Мы по-прежнему концентрируемся на Андресе Сапате. Он вдруг куда-то исчез, а по мне, это указывает на его вину. — Кроу поглядел на Фроста. — Что у нас есть по его телефонным разговорам?

Фрост покачал головой.

Он не говорил по мобильному телефону с того момента, как убили Акерманов. Думаю, он избавился от него или уже укатил в Колумбию. Звонки Марии не показались мне подозрительными.

В таком случае она общается с ним каким-то иным способом. По электронной почте. Через посредника. Так что переходим на друзей ее друзей. Какие-нибудь сведения после сегодняшних новостей поступали?

Мур кивнул.

Мы пытаемся проверять все звонки от населения.

Вы ведь знаете, как говорил мастер Йода. «Не пытайтесь делать. Делайте». — Кроу поглядел на часы и резко поднялся, поправляя галстук. — Меня ждет репортер, — пояснил он и вышел из зала.

Как думаете, не пора ли расширить этот дверной проем? — спросила Джейн. — А то ведь у него так башка раздуется, что он не будет проходить в дверь.

Думаю, уже поздно, — ответил Мур. Даже он, известный своим легендарным терпением, собирал бумаги и засовывал их в портфель с выражением отвращения на лице. Последнее время он много говорил об отставке; возможно, именно это дело заставит его хлопнуть дверью.

Что ты думаешь о Сапате? — поинтересовалась у него Джейн.

У Андреса Сапаты есть все, что Кроу предпочитает видеть в подозреваемом. Доступ, возможность ограбить, послужной список. И никакого вида на жительство.

Не похоже, чтобы он убедил тебя в своей правоте.

Но и достаточных оснований опровергнуть это у меня нет. Так что пока мы ищем Сапату.

Захлопнув портфель, Мур поплелся к двери походкой усталого бюрократа.

Бог мой, — проговорила Джейн, обращаясь к Фросту. — Что это с ним?

Да ты просто не представляешь, что тут творилось последние несколько дней, — отозвался Фрост. — Тебе не пришлось наслаждаться обществом Кроу.

Джейн продолжала сидеть, постукивая ручкой по папкам, которые принесла на совещание. Она подумала о тех долгих часах, что потратила на изучение материалов по семействам Уордов и Яблонски.

Фрост, скажи же мне, что я права. Что во всем этом есть нечто странное.

Странное действительно есть.

Спасибо.

Но это еще не означает, что существует связь и с нашим делом. Я провел поиск в ПЗНП. Поглядел на список сотен истребленных семей по всей

стране. Должен с огорчением заявить, что у наших трех семейств слишком много собратьев по несчастью.

Но эти три семьи выделяет то, что на них нападали по два раза. Словно старуха с косой не желает успокоиться, пока не доведет дело до конца. Как это объяснить?

Не каждое сумасшествие можно объяснить. Иногда это просто так, и точка.

Мне этот ответ не нравится. Подобные вещи я говорю своему ребенку.

И Реджина не против, верно?

Но это не означает, что я не против.

У Джейн зазвонил мобильный. Она увидела на дисплее имя Кроу и застонала. Закатила глаза, посмотрела на Фроста и ответила:

Риццоли.

Сапату видели на квартире в Роксбери. Сначала там выследили Марию, а потом и этот чертов дебил появился. Подъезжайте сюда, мы заходим.

Десять минут спустя Джейн и Фрост, затормозив у ограды из сетки-рабицы, вылезли из машины. Кроу уже прохаживался неподалеку с важным видом, словно генерал Макартур[9], наставляющий свои войска — детективов Арбато, Мура и двух патрульных полицейских.

Главный вход за углом, — пояснил Арбато, указывая на четырехэтажное многоквартирное здание из красного кирпича. — Кахилл наблюдает за парадной дверью. Но подозреваемый пока не выходил.

Мы уверены, что это Сапата? — спросил Мур.

Если это не он, значит, у него есть двойник. Мария вышла из автобуса в двух кварталах отсюда и направилась прямиком к этому дому. Через полчаса Сапата по той вон парковке вошел в здание.

У вас есть список жителей? — осведомилась Джейн.

Да, в доме двадцать четыре квартиры, две из них пустуют.

Латиноамериканские имена есть? — поинтересовался Кроу. — Этих нужно проверить в первую очередь.

Вот так создается психологический портрет преступника! — рассмеялся один из патрульных.

А ты подай на меня в суд.

Можно мне взглянуть на этот список? — попросил Фрост и начал просматривать фамилии. — Здесь проживает некто Филбрук.

Да уж, действительно латиноамериканец! — сказал патрульный.

У Мари есть сестра. — Фрост оторвал глаза от списка. — Она замужем за Филбруком.

Ну, значит, нашли, — обрадовался Кроу. — Какая квартира?

Здесь написано двести десять.

Это наверняка задняя часть здания, — проговорил Арбато. — Для входа внутрь нужно набрать один-два-семь.

Арбато! — рявкнул Кроу. — Ты и эти двое полицейских остаетесь на выходах. А все остальные — за мной.

Любой, кто заметил бы, как Кроу, Мур, Фрост и Джейн направлялись к главному входу в дом, мог понять: сейчас что-то произойдет. Но жители квартиры 210, окна которой выходили на другую сторону, были слепы к приближающейся опасности. У входа Кроу набрал клавиши с цифрами 1, 2, 7, и замок, звякнув, открылся. Когда Джейн вслед за ним вошла в здание, ее сердце громко билось, а руки начали потеть. Все может пройти легко, а может превратиться в кровавый кошмар. Поэтому сейчас, возможно, последнее мгновение, когда она еще способна слышать, как ее ботинки ступают по обшарпанным ступеням, ощущать тяжесть «Глока» в своих руках. Чуть впереди виднелась спина Фроста; под рубашкой на его спине выпирал кевларовый жилет. Все эти детали она подмечала моментально, на раз-два, с десяток мелочей за мгновение.

Они добрались до второго этажа. Квартира 210 находилась дальше по коридору. Дверь у нее за спиной внезапно открылась, и Джейн развернулась, выкинув вперед оружие. На нее смотрела молодая женщина, сжимавшая в руках младенца. Темные глаза незнакомки расширились от ужаса.

Не выходить! — зашипела Джейн. В ту же секунду женщина, отступив назад, захлопнула дверь.

Кроу уже стоял возле квартиры 210. Он помешкал, оглядывая свою команду.

Риццоли, — прошептал он. — Твой выход. Проведи нас в эту квартиру.

Джейн знала, почему Кроу выбрал ее. Женское лицо и женский голос пугают куда меньше. Она сделала глубокий вдох и нажала на кнопку дверного звонка. Приблизилась к глазку, чтобы полностью закрыть собой обзор. К сожалению, при таком раскладе тем, кто находится внутри, куда проще разнести ей голову. По ту сторону глазка она заметила движение — на Джейн кто-то смотрел.

Дверь распахнулась. На пороге возникла латиноамериканка — круглолицая женщина лет сорока, настолько сильно походившая на домработницу семейства Акерманов, что Джейн сразу поняла: перед ней сестра Марии.

Госпожа Филбрук? — осведомилась Риццоли.

Женщина заметила, что в коридоре стоят еще несколько детективов и закричала:

Мария!

Вперед, вперед! — рявкнул Кроу, протискиваясь мимо Джейн и врываясь в квартиру.

И тут началось — все одновременно. Детективы носились по квартире. Сестра Марии кричала по-испански и рыдала. Пробегая в располагавшуюся рядом комнату, Джейн мельком заметила покрытый пятнами ковер, полосатый диван, манеж.

«Дети, — поняла она. — В этой квартире есть дети».

Джейн рванула в спальню; тамошние шторы создавали такой густой полумрак, что она не сразу разглядела силуэты съежившихся в уголке фигур. Женщина прижимала к себе двух малышей; она обхватила их так, словно собиралась своей собственной плотью оградить их от беды.

«Мария», — узнала Джейн.

Чьи-то шаги застучали по металлу.

Риццоли нырнула в соседний дверной проем, во вторую спальню; там Мур силился открыть окно, выходившее на пожарную лестницу.

А Сапата? — спросила Джейн.

Помчался вверх по лестнице!

«Почему вверх?» — удивилась про себя Риццоли.

Она высунула голову в окно — Арбато и Кахилл, стоявшие в проулке внизу, уже выхватили оружие. Поглядев вверх, Джейн увидела троих коллег, гнавшихся по лестнице за подозреваемым. Она помчалась назад — пробежала по квартире и оказалась у лестничного колодца. Если Сапата добрался-таки до крыши, она сможет перехватить его здесь. Джейн понеслась, перепрыгивая через две ступени зараз. На бегу она заметила, как дверь резко распахнулась, а потом снова захлопнулась, и помчалась вверх по последнему пролету с бешено бьющимся сердцем и часто вздымающейся грудью.

Рванув через чердачную дверь на крышу, Риццоли оказалась в ярком свете дня и увидела, как Сапата, перевалив через парапет, приземлился на крышу обеими ногами.

Стоять! — заорала Джейн. — Полиция!

Сапата остановился, уставившись на нее. В руках у подозреваемого ничего не было. На Сапате были вылинявшие джинсы и мятая рубашка с порванным рукавом. Несколько секунд они пробыли на крыше вдвоем. Риццоли заметила отчаяние в глазах латиноамериканца, проследила за тем, как оно сменилось мрачной решимостью.

Руки вверх! — заорал Кроу в тот момент, когда они с Фростом оказались на крыше.

Сапате некуда было бежать. Одна полицейская стояла перед ним, за спиной — еще двое, и все вооружены. Джейн заметила, что у Са- паты трясутся ноги — так, словно он вот-вот упадет на колени и сдастся. Подозреваемый поразил ее следующим шагом.

Он прыгнул влево и помчался к краю крыши. В сторону узкого проулка между двумя зданиями. Только по-настоящему чемпионский прыжок помог бы человеку преодолеть это расстояние.

И все же он прыгнул, бросившись с кромки крыши к соседнему зданию. На какое-то мгновение показалось, что он повис в воздухе, его тело изогнулось в ласточкином прыжке, который чуть было не перенес его через бездну.

Джейн подобралась к краю крыши. И увидела, что Сапата отчаянно цепляется за водосточную трубу соседнего здания и болтает ногами на высоте четвертого этажа.

Боже, да он рехнулся! — воскликнул Фрост.

Арбато, бегите к соседнему зданию! — скомандовал Кроу сверху. Двое полицейских помчались на другую сторону проулка.

Все еще вися на водосточной трубе, Сапата попытался подтянуться, зацепиться ногами за стену и оттолкнуться. Он взмахнул одной ногой, но не достал до верха. Взмахнул другой. И как раз в тот момент, когда его ступня в ботинке оказалась на крыше, водосточная труба оторвалась от нее.

Джейн закрыла глаза, но это не помогло ей отгородиться от звуков: треска рухнувшего металла и удара, с которым тело Сапаты грохнулось на тротуар.

Откуда-то донесся женский вопль.

19

Мария Салазар, ссутулившись и опустив голову, сидела за столом в комнате допросов. Из ее глаз лились слезы. Наверное, в молодости она слыла невероятной красавицей. И теперь, в свои сорок четыре года, она была по-прежнему красива. Однако, смотря из другой комнаты, сквозь прозрачное зеркало, Джейн видела седые корни в волосах Марии; руки, которыми женщина опиралась на стол, до локтей были полными, но мускулистыми от долгих лет работы по дому. Сколько обид накопилось в ней, пока она терла, скребла и мела полы в чужих домах? Неужели, вытирая пыль с антикварной мебели Акерманов или водя пылесосом по их персидскому ковру, она никогда не задумывалась, что одна лишь их картина, одно лишь изумрудное ожерелье из шкатулки госпожи Акерман способны прекратить ее финансовые муки?

Ни разу, — простонала Мария в соседней комнате. — Я ни разу не украла.

Кроу, который в этот раз играл роль злого полицейского в противовес доброму полицейскому Муру, наклонился поближе к женщине и, не скрывая агрессии, оскалился.

Ты отключила охранную систему для своего дружка.

Нет.

Оставила кухонную дверь открытой.

Нет.

Обеспечила себе железное алиби, приглядывая за детьми сестры, а тем временем Андрее проник в дом Акерманов. В ту ночь он хотел их просто ограбить или планировал убийство с самого начала?

Андрее никогда и пальцем никого не тронул!

Отпечатки его пальцев есть на кухонной двери. Они есть внутри кухни. — Кроу еще больше подался вперед, и Мария отшатнулась. Джейн почти жалела бедную женщину, поскольку знала: мало что может быть отвратительней Даррена Кроу, который рычит тебе прямо в лицо. — Он был в доме, Мария. Просто зашел туда через дверь кухни.

Он принес мой мобильный! В то утро я оставила его дома, поэтому Андрее входить в дом.

И оставил отпечатки пальцев на кухне?

Я наливать ему кофе. Я мыть плиту, а он сидит минутку.

И госпожу Акерман это не настораживает? Чужой человек на ее кухне?

Она не возражать. Госпожа Акерман всегда добрый ко мне.

Да ладно! Неужели Акерманы не были такими же засранцами, как и все остальные богачи? Почти ничего не платили тебе за то, что ты, стоя на коленях, драила их туалеты?

Нет, они относиться ко мне хорошо.

У них была куча денег, а ты посмотри на себя, Мария. С трудом оплачиваешь счета. Это ведь так несправедливо. Ты заслуживаешь большего, верно?

Она покачала головой.

Вы все придумывать. Это неправда.

Правда в том, что в Колумбии у Андреса была судимость. Контрабанда наркотиков. Кража.

Но он никогда никого не убивал.

Всегда бывает первый раз. Наверное, это соблазнительно, когда речь идет о таких богачах, как Акерманы. И у них столько хороших вещиц — иди и бери. — Из коробки, которую он прихватил с собой в комнату для

допросов, Кроу вынул пакетик с вещдоком. — Мы нашли это в твоей квартире, Мария. Чудесные жемчужные серьги. На какие деньги ты их купила?

Госпожа Акерман подарила их мне. На Рождество.

Подарила тебе? Нуда, конечно.

Подарила.

Они стоят около пятисот долларов. Хорошенькая премия.

Они надоесть ей. И она сказала, я могу их взять.

А может, она вдруг обнаружила, что ты украла их? Может, именно поэтому Андресу пришлось убить их? Чтобы они замолчали и ты не попала в тюрьму?

Мария подняла голову; ее припухшие глаза были влажными, а лицо раскраснелось от ярости.

Да вы дьявол!

Я всего-навсего стараюсь сохранять порядок в городе.

Придумывая ложь? Вы не знаете меня. Не знаете Андреса.

Я знаю, что он совершал преступления. Знаю, что он бегал от нас. А это говорит о его вине.

Он боялся.

Чего?

Колумбии. Он не мог вернуться в Колумбию. Его убили бы там.

Значит, он решил умереть здесь?

Мария уронила лицо на руки.

Он хотел жить, — зарыдала она. — Хотел, чтобы его оставили в покое.

Скажи правду, Мария.

Это и есть правда.

Скажи правду или... — Кроу осекся, когда Мур тронул его за плечо.

Двое мужчин не обменялись ни словом, однако Джейн видела, как они поглядели друг на друга. Видела, что Мур неодобрительно покачал головой, а Кроу ответил на это свирепым взглядом.

Внезапно Кроу выпрямился.

Подумай хорошенько, Мария, — заключил он и вышел из комнаты.

Черт! — пробормотал Фрост, стоявший за спиной у Джейн. — Вот уж точно говнюк на стероидах.

Сквозь зеркальное стекло Джейн наблюдала за сидевшими в другой комнате Марией и Муром. Он не утешал ее ни жестом, ни словом, а она продолжала рыдать, обхватив себя руками, словно пытаясь сдержать вздрагивания собственного тела.

Здесь недостаточно доказательств, — сказала Джейн.

А как же пальчики на кухонной двери? — отозвался Фрост. — И то, что он бегал от нас?

Уймись. Ты говоришь, как Кроу.

И еще серьги. Кто станет дарить домработнице такую дорогую вещь?

Может быть, это правда. Возможно, госпожа Акерман была щедрой женщиной. Мы не сможем доказать обратное. И потом, вспомни их дом, вспомни все те вещи, которые мог бы украсть Сапа- та, будь это настоящее ограбление. Даже шкатулку с драгоценностями никто не тронул.

Его спугнули. И он сбежал, так и не успев ничего прихватить.

Разве это звучит правдоподобно? Такое должно тебя настораживать. Уж меня-то это точно настораживает.

В соседней комнате Мария медленно поднялась на ноги, опираясь на руку Мура.

Мура это тоже настораживает, — заметила Джейн, наблюдая, как детектив провожает женщину к двери.

Проблема в том, что тебе больше не от чего оттолкнуться. Только нехорошие ощущения.

Ощущений, конечно, было недостаточно, но Джейн не могла игнорировать их. Они — привет от подсознания, как бы говорящего тебе:

что-то упущено, некая важная подробность, способная изменить ход расследования.

Способная изменить чью-то жизнь.

У Джейн зазвонил телефон. Когда она увидела на дисплее имя абонента, у нее снова возникло недоброе чувство.

Фрэнки, — вздохнув, ответила она в трубку.

Я дважды звонил тебе, но ты не отозвалась.

Я была занята.

«Преследовала подозреваемого. Видела, как погиб человек», — мысленно прибавила Риццоли.

Ага, ну да, только теперь уже поздно. Тут такое!

Что происходит?

Мы у мамы, и только что приехал Корсак.

«Мы»? Ты хочешь сказать, что и папа там?

Да. И все орут друг на друга.

Боже мой, Фрэнки. Ты должен разнять папу и Корсака. И вытащить кого-нибудь из них на улицу.

Джейн, клянусь, они убьют друг друга.

Хорошо, хорошо, я сейчас приеду. — Риццоли повесила трубку.

Не забывай. Нет ничего опасней, чем семейный конфликт, — напомнил Фрост, который, кажется, даже и не собирался предлагать помощь.

Остается только надеяться, что мне не придется вызывать адвоката.

Для папы?

Для себя. После того как я убью его.

20

Выходя из машины, Джейн уже слышала крики. Она промчалась мимо трех хорошо знакомых ей машин, которые были припаркованы под очень странными углами возле дома ее мамы, и заколотила во входную

дверь. Потом постучала еще раз, потому что никто не ответил; видимо, они оглохли от собственного шума.

Ну, наконец-то прибыла полиция, — сказал дребезжащий голос у нее за спиной.

Обернувшись, Джейн увидела соседку Анжелы, госпожу Камин- ски, которая стояла на тротуаре возле дома. Эта женщина выглядела древней старухой уже двадцать лет назад, и два десятилетия ничего не изменили: казалось, она так и застыла навеки со своей хмурой физиономией.

Соседи совсем от рук отбились, — сообщила госпожа Каминс- ки. — Сплошное распутство с какими-то чужими мужиками.

Прошу прощения? — возмутилась Джейн.

Твоя мать раньше была приличной. Добропорядочной замужней женщиной.

Папа ушел от нее.

И что, из-за этого можно сорваться с цепи?

Это кто сорвался с цепи? Моя мама?

Входная дверь отворилась.

Слава богу, ты приехала! — воскликнул Корсак. — Двое на одного! — Он схватил Джейн за руку. — Скорее, помоги мне!

Видишь? — проговорила госпожа Камински, указывая на Корсака. — Это о нем я тебе толкую.

Вслед за Корсаком Джейн вошла в дом, с радостью закрыв дверь, чтобы не чувствовать осуждающего взгляда соседки.

Что ты имеешь в виду — двое на одного?

Я тут в гордом одиночестве. Твой папа и Фрэнки изо всех сил пытаются уговорить твою маму бросить меня.

И что она говорит?

Кто же знает, как она поступит? Такое ощущение, что она в любой момент может сломаться.

Для начала самое лучшее — выставить всех этих парней из дома, решила Джейн, направляясь в сторону кухни, откуда доносились голоса. Разумеется, эта битва не могла происходить ни в каком другом месте — только на кухне, где острые ножи всегда под рукой.

Ты как будто побывала у инопланетян и теперь не можешь мыслить самостоятельно, — сказал отец Джейн.

Мам, мы тебя не узнаем, — вторил Фрэнки.

Я просто хочу снова получить свою Анжелу. Чтобы все было по-прежнему: я и моя жена.

Сидевшая у стола Анжела схватилась за голову так, будто стремилась отгородиться от атаковавших ее голосов.

Папа, Фрэнки, — попросила Джейн. — Оставьте ее в покое.

Анжела в отчаянии воззрилась на дочь.

Что мне делать, Джейни? Они совершенно сбивают меня с толку.

Нечего сбиваться с толку, — снова завелся Фрэнк. — Мы женаты, и дело с концом.

На прошлой неделе вы еще разводились, — напомнил Корсак.

Это было недоразумение.

И звали это недоразумение Сэнди, — пробормотала Анжела.

Она для меня ничего не значит!

А я вот слышал совершенно другое, — возразил Корсак.

К тебе это не имеет никакого отношения, — заметил брат Джейн. — Почему ты до сих пор здесь, засранец?

Потому что я люблю эту женщину, ясно? После того как твой папаша ушел от нее, рядом был именно я. Именно благодаря мне она снова стала смеяться. — Корсак собственническим жестом положил руку на плечо Анжелы. — Твоему папаше нужно двигать отсюда.

Не трожь мою жену! — Ударив Корсака по руке, Фрэнк отвел ее от Анжелы.

Ты что, ударил меня? — рассвирепел Корсак.

Ты имел в виду тот легкий шлепок? — Фрэнк изо всей силы ударил Корсака по руке. — Или вот эяго?

Папа, перестань, — попросила Джейн.

Лицо Корсака приобрело опасный красный оттенок. Обеими руками он толкнул Фрэнка Риццоли на рабочий кухонный столик.

А это уже нападение на полицейского.

Брат Джейн встал между двумя старшими мужчинами.

Эй. Эй!

Ты уже не полицейский! — заорал Фрэнк-старший. — И ничего удивительного: толстая жопа, и сердечко пошаливает.

Папа, — взмолилась Джейн, убирая подальше от отца деревянную подставку с кухонными ножами. — Прекрати. Прекратите оба!

Корсак поправил воротник своей рубашки.

Ради Анжелы я готов не обращать внимания на все то, что сейчас произошло. Только не надо думать, что я когда-нибудь это забуду.

Проваливай из моего дома, говнюк! — заявил Фрэнк-старший.

Из твоего дома? Ты ушел от нее, — заметил Корсак. — Поэтому теперь это дом Анжелы.

Последние двадцать лет я выплачиваю за него кредит. И что, ты до сих пор считаешь, что можешь покушаться на мою собственность?

Собственность? — Анжела внезапно выпрямилась, словно кто- то вонзил копье ей в спину. — Собственность? Вот что я для тебя, Фрэнк?

Мам, — возразил Фрэнки, — папа не это имел в виду.

Именно это он и имел в виду.

Нет, не это, — ответил Фрэнк. — Я просто хотел сказать...

Анжела смерила его тысячевольтным взглядом.

Я не собственность. Я сама по себе.

Скажи ему, малышка, — подбодрил Анжелу Корсак.

А ты заткнись! — в один голос рявкнули Фрэнк и Фрэнки.

Я хочу, чтобы вы ушли отсюда, — проговорила Анжела, поднимаясь со своего места у стола, — настоящая валькирия, готовая к бою. — Вон! — скомандовала она.

Фрэнк и Корсак обменялись неуверенными взглядами.

Ну, вы слышали, что она сказала, — пробормотал Корсак.

Я имела в виду вас обоих. Всех вас, — уточнила Анжела.

Корсак потрясенно покачал головой.

НоАнжи...

У меня от ваших криков и драк голова болит. Это моя кухня, мой дом, и я хочу, чтобы они снова стали моими. Немедленно.

Мам, да это же чудесная идея, — похвалил Фрэнки. — Чудесная идея. — Он похлопал отца по спине. — Пойдем, папа. Дадим маме время, и она придет в себя.

Это не поможет в случае с твоим отцом, — отозвалась Анжела. Она оглядела незваных гостей, собравшихся у нее на кухне. — Ну, чего же вы ждете?

Он уйдет первым, — потребовал Фрэнк, глядя на Корсака.

А почему это я?

Мама, мы все уходим, — успокоила ее Джейн. Схватив Корсака за руку, она потянула его к входной двери. — Фрэнки, уведи папу.

Только не ты, Джейн, — возразила Анжела. — Ты можешь остаться.

Но ты ведь сказала...

Я хотела, чтобы ушли мужчины. Это от них у меня разболелась голова. А ты должна остаться, чтобы мы смогли поговорить.

Проследи за ней, Джейни, — велел Фрэнк, и Джейн ясно почувствовала нотку угрозы в его голосе. — Помни, мы семья. Это невозможно изменить.

Иногда я жалею об этом, подумала Риццоли, когда мужчины уходили с кухни, оставляя после себя такой явный шлейф враждебности, что,

казалось, можно было вдохнуть ее запах. Джейн не решилась не только заговорить, но даже пошевелить хоть мышцей, пока не услышала, как хлопнула входная дверь, а затем — как одновременно взревели двигатели всех трех машин. Она с облегчением выдохнула, поставила подставку с ножами на ее привычное место на разделочном столе и поглядела на маму. Странный, однако, поворот событий. Казалось, именно Фрэнки всегда был предметом самой большой материнской гордости; ее сын — морской пехотинец — не мог быть неправ, даже когда он мучил своих брата и сестру.

Но сегодня Анжела попросила остаться не Фрэнки, а Джейн, и теперь, когда они остались одни, Риццоли некоторое время пристально разглядывала маму. Лицо Анжелы до сих пор было раскрасневшимся после вспышки гнева. С этими розовыми щеками и огоньками в глазах она не походила ни на чью собственность. Она выглядела женщиной, которая должна сжимать в руках копье и боевой топор, пуская пар из ноздрей. Однако, когда до них донесся шум уезжающих машин, эта воительница несколько поникла, снова превратившись в усталую женщину средних лет. Анжела тяжело опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Мам! — окликнула Джейн.

Я всего лишь хотела снова ощутить любовь. Снова почувствовать, что живу.

«Живу»? Что ты имеешь в виду? Ты разве не чувствуешь себя живой?

Я чувствую себя невидимкой, вот кем я себя чувствую. Каждый раз я ставила перед твоим отцом ужин. А потом смотрела, как он заглатывает его. И даже ни разу не похвалил. Мне казалось, что так и должно быть, когда ты замужем тридцать пять лет. Откуда мне было знать, что случается иначе? Я решила: всё. Мои дети выросли, у меня есть дом с прекрасным участком. Кто я такая, чтобы жаловаться?

Я не знала, что ты была несчастна, мам.

А я и не была. Я просто... — Анжела пожала плечами. — Существовала. Дышала. Вот ты. Ты недавно замужем. Вы с Габриэлем, наверное, и не знаете, о чем я толкую и, надеюсь, никогда не узнаете. Ужасно думать, что твои лучшие годы остались в прошлом. Он заставил меня почувствовать это.

Но ты ведь так расстроилась, когда он ушел.

Конечно, я расстроилась! Он ушел от меня к другой женщине!

Значит… тебе он был не нужен. Но и ей он не должен был достаться.

Почему это так сложно понять?

Джейн пожала плечами.

Думаю, я это понимаю.

А все-таки пожалеть пришлось именно ей. Шлюшке. — Анжела громко и цинично хихикнула.

Думаю, они оба жалеют. Именно поэтому папа хочет вернуться домой. Полагаю, он уже опоздал?

У Анжелы дрогнула губа, и она опустила взгляд на стол, где лежали ее руки. Десятилетия стряпни, ожоги от кипящего масла и порезы от кухонных ножей усеяли эти руки боевыми шрамами.

Я не знаю, — пробормотала она.

Ты же только что рассказала мне, что была несчастна.

Была. А потом появился Винс, и я почувствовала себя другим человеком. Молодой женщиной. Мы делали всякие глупости, такое, что я даже представить себе не могла. Например, стреляли из пистолета. Купались голышом.

Без подробностей, мам.

«Их слишком уж много», — подумала Джейн.

Мы ходим с ним на танцы, Джейни. Ты можешь припомнить, когда твой папа последний раз водил меня на танцы?

Нет.

И я не могу. В том-то и дело.

Ну хорошо, — вздохнула Джейн. — С этим мы справимся. Решение за тобой, и, каким бы оно ни было, я его поддержу.

«Даже если это означает, что мне придется надеть на свадьбу розовое клоунское платье».

То-то и оно, Джейни. Я не могу принять решение.

Ты же только что сказала мне, как счастлива с Винсом.

Но Фрэнки произнес волшебное слово. Семья. — Анжела подняла измученный взгляд. — Это кое-что да значит. Столько лет вместе. У нас появились ты и твои братья. У нас с твоим отцом есть прошлое, и от этого никуда не денешься.

Так значит, прошлое важнее того, что делает тебя счастливой?

Он твой отец, Джейн. Неужели для тебя это так мало значит?

Сбитая с толку Риццоли покачала головой.

Я тут ни при чем. Дело в тебе и в том, чего ты хочешь.

А вдруг то, что я хочу, заставляет меня чувствовать вину? Вдруг, выйдя замуж за Винса, я всю жизнь буду сожалеть, что не дала нашей семье второго шанса? Тот же Фрэнки никогда не простит меня. А ведь есть же еще отец Фланнаган и все его прихожане. И соседи...

О соседях забудь.

«Это гиблое дело».

Так что, видишь, тут есть о чем подумать. Куда проще быть потерпевшей, чтобы все говорили: «Давай, девочка, вперед!» Теперь все повернулось иначе — сейчас именно я разрушаю семью. Знаешь, как это тяжело для меня? Быть блудницей?

Лучше уж яркой блудницей, подумала Джейн, чем замученной серой женой. Она потянулась через стол, чтобы коснуться маминого плеча.

Ты заслужила счастье, вот что я скажу. Не позволяй отцу Флан- нагану, госпоже Камински или Фрэнки склонить тебя к тому, чего ты не хочешь.

Я бы с радостью была такой, как ты, уверенной в себе. Гляжу вот на тебя и думаю: как мне удалось вырастить такую сильную дочь? Женщину, которая готовит завтрак, кормит ребенка, а потом ловит преступников?

Я сильная, потому что ты сделала меня такой, мама.

Анжела рассмеялась. Провела рукой по глазам.

Да уж, точно. Посмотри на меня — болтаю всякие глупости. Разрываюсь между любовником и семьей.

Член семьи, сидящий перед тобой, хочет, чтобы ты прекратила беспокоиться о нас.

Это невозможно. Когда говорят, что семья — твои плоть и кровь, подразумевают именно это. Потерять Фрэнки из-за развода — это словно лишиться руки. Когда теряешь свою семью, лишаешься всего.

Эти слова эхом звучали в голове у Джейн, когда она тем же вечером ехала домой. Мама была права: потерял семью — потерял все. Ей доводилось видеть, что происходит с людьми, у которых убили мужей, жен или детей. Доводилось видеть, как обессмысливаются жизни, как сильно стареют люди всего за одну ночь. Как бы она ни пыталась утешить их, как бы ни обещала найти виновного, Джейн не знала — а может, и не хотела знать, — как глубоки их страдания. Понять такое может только тот, кто пережил подобное.

Именно поэтому и существует «Вечерня». Место, где можно залечить свои раны среди тех, кто тебя понимает.

Утром Джейн уже говорила с Маурой, но не сообщила ей о судьбе Сапаты. Поскольку главный подозреваемый погиб и Тедди предположительно вне опасности, пора принимать решение: стоит ли вернуть мальчика в Бостон? Риццоли остановилась на парковке возле своего дома и уже собралась было набрать мобильный номер Мауры, как вдруг вспомнила, что «Вечерня» находится вне зоны действия сети. Просмотрев журнал вызовов в своем телефоне, Джейн отыскала-таки стационарный номер, с которого последний раз звонила Маура, и набрала его.

Прозвучали пять длинных гудков, а затем дрожащий голос произнес:

«Вечерня».

Доктор Уэлливер, это вы? С вами говорит детектив Риццоли. — Джейн немного подождала ответа. — Алло, вы слушаете?

Да. Да. — Раздался потрясенный смешок. — Бог мой, они такие красивые!

Кто красивый?

Я никогда не видела таких птиц. А небо — оно такого странного цвета...

Э-э-э... доктор Уэлливер! Можно мне поговорить с доктором Айлз?

Я не знаю, где она.

Вы не могли бы попросить ее перезвонить мне? Вы ведь увидите ее за ужином, верно?

Я туда не пойду. Сегодня вкус у еды какой-то подозрительный. Ой! Ой! — Доктор Уэлливер взвизгнула от восторга. — Если бы вы только могли видеть этих птиц! Они так близко, я могу до них дотронуться!

Джейн услышала, как психолог положила трубку на стол, а затем звук удаляющихся шагов.

Доктор Уэлливер! Алло!

Ответа не последовало.

Джейн нахмурилась и, обрывая связь, подумала: какие такие птицы, интересно, заворожили эту женщину? Она вдруг представила себе, как над лесами Мэна летают птеродактили.

Казалось, в мире, который представляет собой «Вечерня», возможно все.

21

«Куриная убийца».

Пусть никто еще не бросил ей это в лицо, но Клэр прекрасно понимала, о чем, наклоняясь друг к другу, шепчутся студенты за соседними столами. «Это она». Все знали, что несколько дней назад возле конюшни Клэр хотела ударить Германа. И теперь она стала главной подозреваемой. Суд сплетников уже вынес приговор и осудил ее.

Клэр наколола на вилку кочанчик брюссельской капусты; на вкус он оказался горьким, словно ее обида, но девочка все равно съела его — машинально прожевала, пытаясь не обращать внимания на шепот и пристальные взгляды. Как обычно, заводилой была Брайана, пользуясь поддержкой своих принцесс. Единственным существом, отнесшимся к Клэр с явной симпатией, оказался пес Волк; он поднялся со своего обычного места у ног Джулиана и помчался к девочке. Клэр сунула ему под стол кусочек мяса и сморгнула слезы, когда пес с благодарностью лизнул ей руку. Собаки гораздо добрее людей. Они принимают тебя такой, какая ты есть. Клэр протянула руку и взлохматила густую шерсть Волка. По крайней мере пес всегда будет с ней дружить.

Можно сесть к тебе?

Клэр посмотрела вверх и увидела Тедди с подносом.

Пожалуйста. Только ты ведь знаешь, что произойдет, если ты сядешь.

Что?

Ты уже никогда не будешь крутым.

А я им никогда и не был.

Мальчик сел, и Клэр увидела на его тарелке вареную картошку, брюссельскую капусту и лимскую фасоль.

Ты что, вегетарианец?

У меня аллергия.

На что?

На рыбу. Креветки. Яйца. — Он загибал пальцы, оглашая список аллергенов. — Пшеницу. Арахис. Помидоры. И возможно — только я пока не уверен, — клубнику.

Боже мой, как же ты еще не помер с голоду?

Я плотоядный, как и ты.

Клэр поглядела на бледное лицо Тедди, на ручки-спички и подумала: «Вряд ли мне доводилось видеть мальчишек, которых с таким же трудом можно назвать плотоядными, как тебя».

Я люблю мясо. Вчера ел курицу. — Он умолк, и его щеки внезапно порозовели. — Прости, — пробормотал Тедди.

Я не убивала Германа. Несмотря на то, что все они говорят обо мне.

Не все говорят это.

Клэр со звоном бросила вилку на стол.

Я не дура, Тедди.

Уилл верит тебе. А Джулиан говорит, что хороший детектив должен избегать поспешных выводов.

Клэр поглядела на соседний стол и заметила презрительную усмешку Брайаны.

Уж она меня точно не защищает.

Это из-за Джулиана?

Девочка посмотрела на Тедди.

Чего?

Вы с Брайаной поэтому друг друга ненавидите? Из-за того, что вам обеим нравится Джулиан?

Понятия не имею, о чем ты.

Брайана говорит, что ты в него влюблена. — Тедди поглядел на Волка; тот помахивал хвостом, надеясь получить еще кусочек мяса. — И именно поэтому ты возишься с его собакой — чтобы ему понравиться.

Неужели так все и думают? Внезапно Клэр пнула Волка и рявкнула:

Отстань от меня, глупый пес!

Эти слова услышали все сидевшие в обеденном зале, и все обернулись, когда Клэр встала.

Почему ты уходишь? — удивился Тедди.

Клэр ничего не ответила. Просто вышла из зала, а затем и из здания.

На улице еще не стемнело по-настоящему, только наступили длинные летние сумерки. В небе кругами носились ласточки. Клэр двинулась по мощеной тропинке вокруг здания, без особого энтузиазма отыскивая во тьме огоньки светляков. Сверчки трещали так громко, что поначалу Клэр не услышала доносившегося сверху шума. Потом что-то упало вниз и грохнулось прямо ей под ноги. Обломок шифера.

«Он мог бы упасть мне на голову!» — испугалась девочка.

Поглядев вверх, Клэр заметила фигуру на краю крыши. Силуэт выделялся на фоне вечернего неба: руки были раскинуты в стороны, словно крылья, будто бы человек собрался лететь.

«Нет!» — хотела крикнуть девочка, но из ее глотки не вырвалось ни слова. «Нет!»

Фигура прыгнула. Ласточки продолжали кружиться и парить в темнеющем небе, а вот человеческое тело стремительно падало вниз, словно проклятая птица, лишенная крыльев.

Когда Клэр снова открыла глаза, она увидела темную лужу, растекавшуюся по мощеной тропе, — разрастающийся нимб вокруг разбитой головы доктора Анны Уэлливер.

Главным судмедэкспертом штата Мэн был доктор Далджит Сингх, с которым Маура познакомилась как-то много лет назад на конференции по судебной экспертизе. С тех пор у них было заведено ужинать вместе во время каждой конференции, обсуждать старые дела, над которыми они работали, показывать друг другу семейные или отпускные фотографии. Но из белого внедорожника с табличкой судмедэксперта вышел вовсе не он, а какая-то молодая женщина, одетая, словно только из похода, в сапоги, брюки с большими карманами и флисовую куртку. С уверенным видом человека, который не в первый раз оказался на месте чьей-то смерти, она прошествовала мимо полицейских машин штата Мэн и направилась прямиком к Мауре.

Я доктор Эмма Оуэн. А вы доктор Айлз, верно?

Угадали, — ответила Маура, и медэксперты автоматически пожали друг другу руки. Маура не привыкла так приветствовать других женщин, особенно в этом случае — новая знакомая выглядела выпускницей колледжа, а вовсе не специалистом по судебной патологии.

На самом деле я ничего не угадывала. Я видела вашу фотографию в статье, которую вы написали для «Журнала судебной медицины». Далджит постоянно рассказывает о вас, так что мне кажется, будто мы с вами уже давно знакомы.

Как поживает Далджит?

На этой неделе он на Аляске, в отпуске. Иначе сам приехал бы.

Да и я вообще-то в отпуске, — иронично усмехнувшись, заметила Маура.

Наверное, это достает. Приезжаешь в Мэн, — и опять мертвецы. — Доктор Оуэн вытащила из карманов бахилы и, балансируя сначала на одной ноге, затем на другой, с грацией танцовщицы натянула их на свои сапоги. Как и многие другие молодые женщины-врачи, меняющие ныне облик профессии, доктор Оуэн казалась умной, физически крепкой и уверенной в себе.

Детектив Холланд уже проинформировал меня по телефону. Вы это могли предвидеть? Замечали какие-нибудь признаки суицидальных мыслей, депрессии?

Нет. Я потрясена не меньше других. Доктор Уэлливер казалась мне совершенно нормальной. Единственная сегодняшняя странность в том, что она не пришла на ужин.

А когда вы видели ее последний раз?

В обед. Полагаю, с последним студентом она беседовала в час дня. С тех пор ее никто не видел. До того момента, пока она не прыгнула.

Есть ли у вас какие-нибудь теории? Идеи, почему она это сделала?

Абсолютно никаких. Мы все поражены.

Что ж, — вздохнула молодая женщина, — если даже такой спец, как доктор Айлз, не в курсе, мы столкнулись с настоящей загадкой. — Она натянула на руки латексные перчатки. — Детектив Холланд сказал, что была свидетельница.

Одна из студенток видела, как это случилось.

О Боже. Теперь ребенку будут сниться кошмары.

«Да у Клэр Уорд их и так предостаточно», — подумала Маура.

Доктор Оуэн поглядела вверх на здание. Залитые светом окна выделялись на фоне тьмы.

Ух ты, раньше я здесь не бывала. Даже и не знала, что эта школа существует. Она похожа на замок.

Построена в девятнадцатом веке. Это поместье железнодорожного магната. Если судить по готической архитектуре, думаю, он считал себя особой королевской крови.

Вы знаете, откуда она прыгнула?

С мостика. Он ведет от башенки, где расположен кабинет доктора Уэлливер.

Доктор Оуэн поглядела на башенку — там, в кабинете психолога, все еще горел свет.

Похоже, здесь метров двадцать, может, больше. Как думаете, доктор Айлз?

Соглашусь с вами.

Когда женщины двинулись по тропинке вокруг здания, Маура размышляла: с каких это пор она стала выступать в роли Главного Специалиста? Этот статус становился тем более очевидным, когда младшая коллега обращалась к ней «доктор Айлз». Прямо перед ними вспыхнули фонарики двух детективов из полиции Мэна. Лежавшее у их ног тело покоилось под пластиковым покрывалом.

Добрый вечер, джентльмены, — поприветствовала их доктор Оуэн.

Ну что, разве психологи не всегда так и поступают? — поинтересовался один из детективов.

Она была психологом?

Да, доктор Уэлливер действительно была школьным психологом, — подтвердила Маура.

Детектив хмыкнул.

Ну я же говорю, — сказал он. — Такое впечатление, что люди именно потому и выбирают эту профессию.

Доктор Оуэн подняла покрывало, и детективы направили лучи обоих фонариков вниз, чтобы осветить тело. Анна Уэлливер лежала на спине, яркий свет падал прямо на лицо. Волосы разлеглись вокруг ее головы, словно серое проволочное гнездо. Маура посмотрела вверх, на окна студенческих комнат третьего этажа, и увидела силуэты студентов — ребята глазели вниз на то, что не было предназначено для детских глаз.

Доктор Айлз, — доктор Оуэн протянула Мауре перчатки. — Если вы захотите присоединиться ко мне.

Это предложение не показалось Мауре привлекательным, однако она натянула перчатки и опустилась на корточки рядом со своей младшей коллегой. Женщины вместе прощупали череп, осмотрели конечности, отметили явные трещины.

Нам всего только и нужно знать: это случайность или самоубийство, — сказал один из детективов.

Вы уже исключили убийство, верно? — поинтересовалась доктор Оуэн.

Он кивнул.

Мы говорили со свидетельницей. Тринадцатилетней девочкой по имени Клэр Уорд. Когда все это случилось, она была на улице, стояла прямо вот здесь, но на крыше никого, кроме погибшей, не видела. Девочка говорит, что женщина расставила руки и бросилась вниз. — Детектив указал вверх, на ярко освещенную башенку. — Дверь, ведущая в ее кабинет, была широко открыта. Никаких следов борьбы мы не заметили. Она вышла на кровельный мостик, перелезла через перила и прыгнула.

Зачем?

Детектив пожал плечами.

Пусть психологи в этом разбираются. Те, кто еще не прыгнул.

Доктор Оуэн выпрямилась быстро, а Маура поднималась куда

медленнее, ощущая свой возраст; правое колено одеревенело от многолетней работы в саду, от четырех десятилетий неизбежного износа сухожилий и хрящей. Еще одно скрипучее напоминание о том, что новое поколение уже ждет своего часа.

Значит, если основываться на словах свидетельницы, — подытожила доктор Оуэн, — эта смерть вряд ли была случайной.

Ну, если только она случайно перелезла через перила и случайно бросилась с крыши.

Хорошо. — Доктор Оуэн стянула с рук перчатки. — Вынуждена согласиться. Характер смерти — самоубийство.

Только вот никто этого не ожидал, — возразила Маура. — На это вообще ничего не указывало.

В темноте трудно было разглядеть выражения лиц полицейских, но Маура прекрасно представила, как оба мужчины закатили глаза.

Вам нужна посмертная записка? — осведомился один.

Мне нужна причина. Я знала эту женщину.

Жены считают, что знают своих мужей. А родители — что знают своих детей.

Да, я не раз слышала подобное после самоубийств. «Ничто на это не указывало». И прекрасно знаю: родственники часто теряются в догадках. Но тут... — Маура осеклась, чувствуя, что за ней наблюдают три пары глаз, ждут, как известный бостонский судмедэксперт обоснует нечто совершенно нелогичное — интуицию. — Поймите, доктор Уэлливер работала с пострадавшими детьми. Помогала им восстановиться после тяжелых эмоциональных травм. Это было делом всей ее жизни, так зачем же травмировать их еще больше таким зрелищем? Такой нарочитой смертью?

Вы знаете ответ?

Нет, не знаю. И никто из ее коллег этого не знает. Ни члены преподавательского состава, ни другие служащие школы.

А родственники? — осведомилась доктор Оуэн. — Может, кто- то знает больше коллег?

Она вдова. Если верить директору Бауму, у нее нет родственников.

Тогда, боюсь, мы ничего не узнаем, — заключила доктор Оуэн. — Но вскрытие я проведу, хотя причина смерти и кажется очевидной.

Маура бросила взгляд вниз, на тело, и подумала: установить причину смерти будет легко. Разрезать кожу, осмотреть изувеченные органы и разбитые кости, — и все будет ясно. Ее тревожило то, что многие вопросы оставались без ответа. Мотивы, скрытые муки, заставляющие людей убивать своих собратьев и лишать жизни самих себя.

Когда последняя машина, принадлежавшая правоохранительным органам, покинула двор, Маура направилась наверх, в комнату отдыха преподавателей, где уже собралась большая часть сотрудников школы. В камине горел огонь, но свет в помещении так и не зажгли, словно в этот трагический вечер он казался для присутствующих невыносимым. Маура опустилась в обитое бархатом кресло и стала наблюдать, как отсветы огня играют на лицах людей. Она услышала тихое звяканье — это Готфрид налил бокал бренди. Он без слов поставил его на стол перед Маурой, предположив, что и ей не мешало бы выпить. Маура кивнула и с благодарностью отхлебнула немного.

Кто-то из нас должен догадываться, почему она сделала это, — проговорила Лили. — Наверняка что-то произошло, что-то, что мы не сочли значимым.

Мы не можем посмотреть ее почту, — сказал Готфрид, — потому что я не знаю пароля Анны. Однако полиция просмотрела ее личные вещи в поисках посмертной записки и ничего не обнаружила.

Я разговаривал с поваром и садовникам, но и они не заметили ничего необычного, никаких признаков, что Анна самоубийца.

Сегодня утром я видела, как она срезала в саду розы, чтобы украсить свой рабочий стол, — сказала Лили. — Разве женщины, собирающиеся покончить с собой, делают такое?

Нам-то откуда знать? — пробормотал доктор Паскантонио. — Это ведь она была психологом.

Готфрид оглядел коллег, собравшихся в комнате.

Все вы говорили со студентами. У них есть предположения?

Нет, — ответила Карла Дюплесси, преподавательница литературы. — Сегодня Анна провела четыре сеанса со студентами. Последним у нее был Артур Тумз, в час дня. Он говорит, что Анна показалась ему немного рассеянной, да и только. Дети ошеломлены не меньше нашего. Если вы считаете, что это трудно для нас, вообразите, насколько тяжело им. Анна заботилась об их эмоциональных потребностях, но теперь оказывается, что именно она отличалась хрупкой психикой. Студенты задумываются: а можно ли рассчитывать на нас? Достаточно ли сильны взрослые и сумеют ли их поддержать?

Именно поэтому нам нельзя проявлять слабость. Особенно сейчас. — Мрачные слова донеслись из темного угла зала. Их произнес лесник Роман, единственный, кто не стал баловать себя успокоительной дозой бренди. — Мы должны заниматься своими делами как ни в чем не бывало.

Да это ведь неестественно! — возразила Карла Дюплесси. — Всем понадобится время, чтобы пережить это.

Пережить? Это просто красивое слово, обозначающее хандру и стенания. Женщина покончила жизнь самоубийством — с этим ничего не поделаешь, надо двигаться дальше. — Ворча, Роман поднялся и вышел из помещения; за ним потянулся шлейф хвои и табака.

Вот вам и «милосердья молоко»[10], — прошептала Карла, — Если брать пример с Романа, неудивительно, что студенты убивают петухов.

Однако господин Роман сделал правильное замечание о важности сохранения заведенного порядка, — заметил Готфрид. — Студентам это необходимо. Разумеется, детям потребуется время на оплакивание, но им также необходимо знать, что жизнь идет дальше. — Он посмотрел на Лили. — Мы продолжаем готовиться к экскурсии в Квебек?

Я ничего не отменяла, — ответила она. — Номера в гостинице забронированы, да и дети уже несколько недель только и говорят, что об этой поездке.

Значит, езжайте, как обещали.

Но едут не все, верно? — спросила Маура. — Имея в виду положение Тедди, думаю, ему слишком опасно показываться на людях без охраны.

Детектив Риццоли нам это объяснила, — ответила Лили. — Мальчик останется здесь — мы ведь знаем, что здесь безопасно. Уилл и Клэр тоже останутся. И, конечно же, Джулиан. — Лили улыбнулась. — Он сказал,

что хочет побольше времени провести с вами. А такие слова подростка, доктор Айлз, — это настоящий комплимент.

Но все же что-то в этом не так, — заметила Карла. — Везти их на экскурсию сразу после смерти Анны. Мы должны остаться здесь, в память о ней. И понять, что заставило ее сделать это.

Горе, — тихо вымолвила Лили. — Иногда оно нагоняет тебя. Даже через много лет.

А это случилось когда? — фыркнул Паскантонио. — Двадцать два года назад?

Вы говорите об убийстве мужа Анны? — поинтересовалась Маура.

Кивнув, Паскантонио потянулся к бутылке бренди, чтобы снова наполнить свой бокал.

Она рассказывала мне об этом. Как Фрэнка вытащили из машины. Как его компания оплатила выкуп, но его все равно убили, а через несколько дней выбросили тело. Никого так и не арестовали.

Наверняка это привело ее в ярость, — проговорила Маура. — А сдерживаемая злоба порождает депрессию. Если она носила в себе ярость все эти годы...

Мы все носим ее, — оборвал Мауру Паскантонио. — Именно поэтому мы здесь. Поэтому выбрали такую работу. Злость — топливо, заставляющее нас действовать.

Топливо может быть еще и опасным. Оно взрывается. — Маура оглядела комнату, заполненную людьми, которые были помечены шрамами насилия. — Вы уверены, что сами сможете справиться с этим? Что ваши студенты смогут? Я видела, что повесили на ту иву. Кое-кто здесь уже доказал, что он — или она — способен на убийство.

В зале повисло неловкое молчание — учителя переглядывались.

Это очень беспокоит нас, — признала Готфрид. — Мы с Анной обсуждали это вчера. То, что один из наших студентов, возможно, глубоко болен, вероятно даже...

Психопат, — подсказала Лили.

И вы не догадываетесь о том, кто это? — спросила Маура.

Готфрид покачал головой.

Это больше всего и терзало Анну. То, что она не знала, кто это сделал.

Психопат… Глубоко болен…

Этот разговор продолжал мучить Мауру даже тогда, когда она поднималась наверх, к себе. Она думала о травмированных детях и о том, как насилие может извратить душу. Размышляла, какой ребенок способен ради забавы убить петуха, разрезать его и, выпустив внутренности, повесить на дерево. Маура задумалась — в каком помещении замка спит сейчас этот ребенок?

Вместо того чтобы вернуться в свою комнату, Маура поднялась в башенку. В кабинет Анны. Она уже была в этом помещении чуть раньше вечером, вместе с детективами здешней полиции, так что, зайдя туда на этот раз и включив свет, она не ждала ни сюрпризов, ни новых открытий. Действительно, комната казалась такой же, как во время предыдущего визита. На окнах висели хрустальные шары. Вот остатки ароматических палочек, догоревших до серого пепла. На рабочем столе — стопка личных дел, верхняя папка открыта на полицейском отчете из Сент-Томаса. Дело Тедди Клока. Рядом — ваза с розами, которые Анна срезала утром. Маура попыталась представить, что за мысли вертелись в голове у доктора Уэлливер, когда она перерезала стебли и вдыхала аромат. Сегодня я нюхаю цветы в последний раз? Или же у нее не возникало мыслей о том, что все кончается, она не прощалась с жизнью, а просто, как обычно, вышла утром в сад?

Почему же этот день вдруг обернулся такой трагедией?

Маура обошла комнату в поисках какого-либо следа, признака присутствия Анны. Она не верила в призраки, а те, кто не верят, никогда не встречаются с ними. Но Маура все равно остановилась посреди комнаты, ощущая ароматы роз и ладана, дыша тем же воздухом, которым совсем недавно дышала Анна. Дверь на мостик, через которую Анна вышла на крышу, была теперь закрыта из-за ночной прохлады. На боковом столике стоял поднос с заварочным чайником, фарфоровыми чашками и закрытой сахарницей — в то утро, когда Джейн и Маура приходили сюда вместе, он находился на этом же месте. Чашки были помыты и поставлены одна на другую, а чайник пуст. Прежде чем покончить с жизнью, Анна решила помыть и вытереть чайную посуду. Вероятно, это последняя дань уважения тем, кто будет убираться, когда все случится.

Тогда почему же она выбрала такой ужасный способ умереть? Уход из жизни, оставивший кровавые пятна на тропинке и жуткие следы в памяти студентов и коллег?

Для нас это полная бессмыслица. Верно?

Обернувшись, Маура увидела, что в дверном проеме стоит Джулиан. У его ног, как обычно, сидела собака. Волк, как и его хозяин, выглядел подавленным. На пса словно давила печаль.

А я думала, ты пошел спать, — призналась Маура.

Я не могу заснуть. Решил поговорить с вами, но вас в комнате не оказалось.

Маура вздохнула.

Я тоже не могу заснуть.

Парнишка топтался на пороге, словно зайти в кабинет Анны означало продемонстрировать неуважение к погибшей.

Она никогда не забывала поздравлять нас с днем рождения, — вспомнил Джулиан. — Мы спускались к завтраку, и нас всегда поджидал небольшой забавный подарок. Например, бейсболка «Янкиз» для мальчишки — любителя бейсбола. Или маленький хрустальный лебедь для девочки, которая носит брекеты. Она как-то сделала мне подарок без всякого дня рождения. Компас. Чтобы я всегда знал, куда иду, и всегда помнил, где я был. — Голос парнишки снизился до шепота. — Это всегда происходит с теми, кто мне дорог.

Что происходит?

Они уходят от меня.

Умирают — вот, что он имел в виду. Так оно и было. Все его родные погибли прошлой зимой, и Джулиан остался один-одинешенек в этом мире.

«Кроме меня, — подумала Маура. — У него по-прежнему есть я».

Она притянула его к себе и обняла. Джулиан оказался единственным парнишкой, к которому она относилась как к сыну, однако во многом они все еще были очень далеки друг от друга. Паренек неподвижно стоял в ее объятиях — этакая деревянная статуя, прижатая к женщине, которая тоже не умела показывать свои чувства. К сожалению, в этом отношении они были очень похожи — оба жаждали подобных отношений, но боялись открыться. В конце концов Маура почувствовала, как напряжение покинуло Джулиана, и он ответил на ее объятия, приник к ней.

Я не оставлю тебя, Крыс, — пообещала Маура. — Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Люди постоянно говорят это. Но случается разное.

Со мной ничего не случится.

Вы ведь знаете, что такое нельзя обещать. — Джулиан отстранился от Мауры и повернулся к рабочему столу доктора Уэлливер. — Она вот говорила, что мы можем рассчитывать на нее. И смотрите, что произошло. — Парнишка дотронулся до стоявших в вазе цветов. Один розовый лепесток упал, порхнув, словно умирающая бабочка. — Почему она так поступила?

Порой ответы не находятся. Я слишком часто сталкиваюсь с этим вопросом во время работы. Родственники пытаются понять, почему их близкие совершают самоубийства.

И что вы им говорите?

Чтобы они никогда не кляли себя. Никогда не чувствовали себя виноватыми. Потому что мы в ответе только за то, что совершаем сами. А не за то, что делает кто-то другой.

Маура не поняла, почему, услышав ее ответ, парнишка опустил голову. Он провел рукой по глазам быстро и смущенно, и после этого на его лице осталась блестящая полоска.

Крыс, что с тобой? — удивилась она.

А я чувствую себя виноватым.

Никто не знает, почему она сделала это.

Не из-за доктора Уэлливер.

А из-за кого?

Из-за Кэрри. — Парнишка посмотрел на Мауру. — На следующей неделе у нее день рождения.

Его умершая сестра. Прошлой зимой девочка вместе с мамой погибла в далекой вайомингской долине. Джулиан редко говорил о своей семье, редко рассказывал, что происходило в течение тех безнадежных недель, когда они с Маурой боролись за жизнь. Она считала, что тогдашние муки остались для него в прошлом, но, разумеется, это не так. «Джулиан куда

больше похож на меня, чем я полагала, — подумала Маура. — Мы оба прячем наши печали от окружающих».

Я должен был спасти ее, — сказал парнишка.

Как бы ты это сделал? Мама не позволила бы ей уйти.

Я должен был заставить ее уйти. Я же был единственным мужчиной в семье. Моей обязанностью было оберегать ее.

Такая обязанность никогда не должна лежать на плечах шестнадцатилетнего мальчишки, подумала Маура. Пусть ростом он был со взрослого мужчину, пусть его плечи были широки, но на лице Крыса Маура видела мальчишеские слезы. Утерев их рукавом, он поискал взглядом салфетки.

Маура отправилась в туалет, примыкавший к кабинету, и отмотала кусок туалетной бумаги. Отрывая бумагу, она заметила какой-то блеск: на туалетном сиденье были раскиданы мерцающие частички, похожие на песчинки. Маура дотронулась до сиденья и внимательно посмотрела на приставшие к пальцам белые гранулы. Заметила, что на кафельном полу лежат такие же блестящие песчинки.

В туалет что-то спустили.

Маура вернулась в кабинет и посмотрела на поднос на приставном столике. Вспомнила, как Анна заваривала в фарфоровом чайнике чай с бергамотом и разливала его в три чашки. Припомнила, как доктор Уэлливер добавила три щедрые ложки сахара в свою порцию чая — такую блажь Маура не могла не заметить. Она подняла крышку сахарницы. Та оказалась пустой.

Зачем Анне понадобилось спускать сахар в туалет?

На рабочем столе Анны зазвонил телефон. От этого звука вздрогнули оба — и Маура, и Джулиан. Они поглядели друг на друга — обоих потрясло, что кто-то звонит покойнице.

Маура сняла трубку.

Школа «Вечерня». Доктор Айлз слушает.

Ты так и не перезвонила мне, — сказала Джейн Риццоли.

А должна была?

Я уже много часов назад попросила доктора Уэлливер передать тебе мою просьбу. Решила набрать снова, пока еще не совсем поздно.

Ты говорила с Анной? Когда?

Около пяти или полшестого.

Джейн, случилось нечто ужасное и...

С Тедди все в порядке? — перебила ее Джейн.

Да. Да, он в порядке.

Тогда что произошло?

Анна Уэлливер умерла. Похоже на самоубийство. Она спрыгнула с крыши.

Повисло долгое молчание. Маура слышала, как на заднем плане работает телевизор, течет вода и звенит посуда. Звуки дома, внезапно заставившие ее заскучать по собственному жилищу, собственной кухне.

Боже мой, — наконец проговорила Джейн.

Маура посмотрела на сахарницу. Представила, как Анна высыпает ее содержимое в унитаз и возвращается обратно в кабинет. Затем открывает дверь на крышу и выходит на улицу, чтобы совершить краткую прогулку в вечность.

С чего ей было совершать самоубийство? — удивилась Джейн.

Маура по-прежнему не отрывала взгляд от пустой сахарницы.

Я не уверена, что Анна его совершила, — ответила она.

22

Вы уверены, что хотите присутствовать при этом, доктор Айлз?

Они стояли в приемной морга в окружении шкафов, где хранились марлевые повязки, перчатки и бахилы. Маура облачилась во врачебный костюм-двойку, взятый из раздевалки, и теперь прятала волосы под бумажную шапочку.

Я пришлю вам окончательный отчет, — пообещала доктор Оуэн, — и закажу всесторонний токсикологический анализ, как вы советовали. Разумеется, вы вполне можете остаться, но мне кажется...

Я просто понаблюдаю, вмешиваться не стану, — успокоила коллегу Маура. — Это шоу ваше и только ваше.

Лицо доктора Оуэн, увенчанное пышной бумажной шапочкой, вспыхнуло. Даже под резким светом флуоресцентных ламп кожа на этом молодом лице выглядела на зависть гладкой; его обладательнице не надо было пользоваться маскирующими кремами и пудрами, теми, что уже начали занимать свои места в туалетном шкафчике Мауры.

Я не это имела в виду, — смутилась доктор Оуэн. — Я просто подумала о том, что вы лично знали ее. И поэтому вам наверняка очень сложно...

Через смотровое окно Маура наблюдала за тем, как дюжий молодой человек, ассистент доктора Оуэн, готовил поднос с инструментами. На столе лежало тело Анны Уэлливер, все еще одетое. Сколько трупов я разрезала, вдруг задумалась Маура, сколько раз отделяла кожу от черепа? Так много, что даже счет потеряла. Но все это были тела незнакомцев, которых она не знала живыми. А вот Анна была ей знакома. Маура помнила ее голос, улыбку, видела живой блеск ее глаз. Любой патолог постарался бы избежать присутствия на подобном вскрытии, а Маура тут как тут, надевает бахилы, защитные очки и повязку на лицо.

Это мой долг перед ней, — возразила Маура.

Сомневаюсь, что будут сюрпризы. Нам известно, как она умерла.

Но мы не знаем, что к этому привело.

Вскрытие не ответит на этот вопрос.

За час до прыжка она очень странно поговорила по телефону. Сказала детективу Риццоли, что у еды странный вкус. А еще она видела птиц, диковинных птиц, которые летали у нее за окном. Я думаю: уж не галлюцинации ли это?

Вы поэтому попросили токсикологию?

Никаких наркотиков мы у нее не обнаружили, но, возможно, что-то упустили. Или она их спрятала.

Толкнув дверь, женщины вошли в секционный зал, и доктор Оуэн сказала:

Рэнди, у нас сегодня именитая гостья. Доктор Айлз из Бостонского бюро судмедэкспертизы.

Молодой человек равнодушно кивнул и спросил:

Кто будет резать?

Это дело доктора Оуэн, — ответила Маура. — Я просто пришла посмотреть.

Маура привыкла руководить в своем морге, поэтому ей пришлось подавить желание занять обычное место у стола. Вместо этого она отошла в сторону, пока доктор Оуэн и Рэнди расставляли лотки с инструментами и настраивали свет. По правде говоря, ей вовсе не хотелось приближаться, не хотелось смотреть в лицо Анны. Только вчера Маура видела блеск мысли в ее глазах, а сейчас отсутствие этого блеска служило суровым напоминанием о том, что тело — всего-навсего оболочка, и то, из чего состоит душа, — вещь мимолетная и быстро исчезающая. Эмма Оуэн права, подумала Маура. Мне не стоило присутствовать на этом вскрытии.

Маура обратилась к предварительным рентгеновским снимкам, висевшим на негатоскопе. Пока доктор Оуэн и ее ассистент раздевали тело, она сосредоточила внимание на снимках, где не было знакомого лица. Пленки ничем не удивили ее. Вчера вечером при помощи одной лишь пальпации Маура обнаружила вдавленные переломы левой теменной кости, а теперь перед ней было черно-белое свидетельство — тонкая паутинка трещин. Следом она обратила внимание на реберный каркас грудной клетки; даже сквозь смутную тень одежды Маура распознала обширные переломы ребер — со второго по восьмое — с левой стороны. Сила свободного падения повредила и таз, сплющив крестцовое отверстие и раздробив ветвь лобковой кости. Именно этого и следует ожидать, если труп упал с высоты. Еще до того как они вскрыли грудную клетку, Маура могла предсказать, что обнаружится в ее полости, потому что не раз видела результаты свободного падения у других трупов. Падение способно сломать ребра и расплющить таз, однако в конечном счете убивает сила внезапного торможения, которая тянет за собой сердце и легкие, ранит нежные ткани и разрывает магистральные сосуды. Когда вскроют грудную клетку Анны, она скорее всего окажется полной крови.

Черт возьми, откуда у нее такое? — поразился Рэнди.

Доктор Айлз! — позвала доктор Оуэн. — Вы наверняка захотите поглядеть на это.

Маура подошла к столу. Молодые люди расстегнули верхнюю часть платья Анны, но пока не стянули его с бедер. На трупе все еще был

лифчик, практичный бюстгальтер четвертого размера без всяких кружев и рюшей. Все пристально воззрились на обнаженную кожу.

Это самые странные шрамы, какие мне доводилось видеть, — призналась доктор Оуэн.

Потрясенная зрелищем, Маура не могла отвести глаз.

Давайте снимем остальную одежду, — предложила она.

Втроем они быстро сняли лифчик и стащили с бедер платье. Когда

пояс платья оказался на бедрах, Маура вспомнила переломы таза, которые только что видела на рентгеновских снимках, и поморщилась, представляя, как эти костяные фрагменты вдавливаются друг в друга. Припомнила, что как-то раз в отделении неотложной помощи слышала крики молодого человека, который раздробил кости таза во время крушения баржи. Однако Анна уже не чувствовала боли, а потому без звука рассталась со своей одеждой. Теперь она была оголена и беззащитна; ее тело покрывали синяки и неровности, появившиеся в результате переломов ребер, черепа и таза.

Но все трое безотрывно глядели на другие отметины на коже. Они были невидимы для рентгеновского аппарата, а потому проявились только сейчас. Шрамы были разбросаны по передней части туловища Анны — сетка уродливых узлов на груди, животе и даже на плечах. Маура вспомнила скромные свободные и длинные платья, которые Анна надевала даже в жаркие дни; эти наряды были выбраны не в угоду эксцентричному вкусу владелицы, а из соображений маскировки. Она задумалась: сколько же лет назад Анна в последний раз надевала купальник и вообще загорала на пляже? Судя по виду, шрамы были старыми — несмываемый сувенир, оставленный какой- то невообразимой пыткой.

Может, это кожные трансплантаты? — спросил Рэнди.

Никакие это не трансплантаты, — отозвалась доктор Оуэн.

Тогда что это?

Я не знаю. — Доктор Оуэн поглядела на Мауру. — А вы?

Маура не ответила. Она перевела взгляд на нижние конечности.

Потянувшись к свету, доктор Айлз направила его на голени, где кожа была темнее. Толще. И посмотрела на Рэнди.

Нам нужны подробные снимки ног. Особенно больших берцовых костей и обеих лодыжек.

Я уже отснял скелет, — ответил Рэнди. — Пленки висят на не- гатоскопе. На них видны все переломы.

Новые переломы меня не беспокоят. Я ищу старые.

Как они помогут нам установить причину смерти? — удивилась доктор Оуэн.

Тут дело в понимании погибшей. Ее прошлого, ее образа мыслей. Сама она уже ничего не расскажет, а вот ее тело — может.

Маура и доктор Оуэн удалились в приемную, откуда наблюдали через смотровое окно, как Рэнди, теперь облаченный в рентгеноза- щитный фартук, готовит тело для новой серии снимков. «Сколько же шрамов ты скрывала, Анна?» Отметины на коже были явными, а что же с эмоциональными ранами, которые так и не затянулись, над которыми не властны фиброз и коллаген? Может, былые пытки и заставили ее в конце концов выйти на крышу и отдаться на милость земного притяжения и твердой почвы?

Прицепив новую серию снимков к негатоскопу, Рэнди помахал коллегам. Когда Маура и доктор Оуэн снова вошли в секционный зал, он сказал:

Я не вижу никаких других переломов на этих снимках.

Они должны быть старыми, — сказала Маура.

Ни Рубцовых образований, ни деформации. Знаете, уж их-то я могу опознать.

В его голосе сквозило явное раздражение. Маура — незваный гость, надменная специалистка из большого города, сомневающаяся в его компетентности. Она решила не связываться с ассистентом и переключила внимание на снимки. Рэнди говорил сущую правду: на первый взгляд очевидных старых переломов на руках и ногах не было. Маура придвинулась поближе, чтобы тщательней рассмотреть сначала правую большую берцовую кость, а затем и левую. Подозрения у нее вызывала более темная кожа на голенях Анны, и то, что Маура видела сейчас на снимках, подтверждало ее диагноз.

Вы видите это, доктор Оуэн? — Маура указала на очертания большой берцовой кости. — Обратите внимание на наслоение и плотность.

Молодая патолог нахмурилась.

Она толще, я согласна.

Тут есть также эндостальные изменения. Вы их видите? Они весьма знаменательны. — Маура поглядела на Рэнди. — Можно взглянуть теперь на снимки лодыжек?

Чем же они знаменательны? — спросил ассистент, который по-прежнему не доверял специалистке из Бостона.

Это периостит. Воспалительные изменения мембраны, которая покрывает кость. — Маура сняла рентгеновские изображения больших берцовых костей. — Снимки лодыжек, будьте добры.

Поджав губы, Рэнди прикрепил на негатоскоп новые снимки, и то, что Маура увидела на них, развеяло все прежние сомнения. Стоявшая за ее спиной доктор Оуэн встревоженно охнула.

Это классические костные изменения, — проговорила Маура. — До сих пор я видела такие всего дважды. Первый раз у иммигранта из Алжира. А второй — у трупа, который оказался в грузовом самолете, это был мужчина из Южной Америки.

На что вы смотрите? — заинтересовался Рэнди.

На изменения левой пяточной кости, — объяснила доктор Оуэн. И указала на правую пяточную кость.

Они видны и на правой пяточной кости, — сказала Маура. — Деформация возникла в результате многочисленных старых переломов, которые уже зажили.

Так у нее были сломаны обе ступни? — поразился Рэнди.

И многократно. — Маура пристально вгляделась в снимки и даже поежилась, осознавая их значение. — Фалака, — тихо добавила она.

Я читала об этом, — сказала доктор Оуэн. — Но никогда не думала, что увижу такое в Мэне. Маура перевела взгляд на Рэнди.

Ее также называют бастинадо. Удары наносят по подошвам ног, из-за чего ломаются кости, рвутся сухожилия и связки. Эта пытка известна в разных уголках света. Средний Восток. Азия. Южная Америка.

Вы хотите сказать, что кто-то пытал ее?

Маура кивнула.

Указанные мною изменения больших берцовых костей также свидетельствуют о многократных ударах. По голеням били каким-то тяжелым предметом. Возможно, этих ударов было недостаточно для настоящих переломов, однако из-за многочисленных кровоизлияний они оставили постоянные изменения надкостницы.

Маура вернулась к столу, на котором лежало изломанное тело Анны. Теперь она понимала, что означают эти сетки шрамов на груди и животе. Но по-прежнему не понимала, почему они появились у Анны. И когда.

Однако это вовсе не объясняет причину самоубийства, — заметила доктор Оуэн.

Нет, — согласилась Маура. — Но начинаешь задаваться вопросами, верно? А вдруг ее смерть связана с прошлым? С тем, как появились эти шрамы.

Вы начали сомневаться, самоубийство ли это?

Увидев эти изменения, я сомневаюсь во всем. Теперь у нас появилась новая загадка. — Маура поглядела на доктора Оуэн. — Почему пытали Анну Уэлливер?

Тюремная камера делает жалким любого, так же она поступила и с Икаром.

Из-за решетки он казался совсем невысоким и незначительным. Ему пришлось снять свой итальянский костюм и часы «Панерай» и надеть отвратительный оранжевый комбинезон и резиновые шлепки. Его одиночная камера была оборудована умывальником, унитазом и бетонной кроватью-полкой с тонким матрацем, на котором он теперь и сидел.

Знаете, — сказал он, — у каждого человека есть своя цена.

И какова ваша? — спросил я.

Я ее уже заплатил. Потерял все, что у меня было. — Он посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами, такими не похожими на глаза его погибшего сына Карло. — Я говорил о вашей цене.

О моей? Я не продаюсь.

Так значит, вы просто недалекий патриот? Делаете все это из любви к своей стране?

— Да.

Он рассмеялся.

Я уже слышал нечто подобное. Это всего-навсего означает, что другая сторона предложила меньше.

Нет такой суммы, которая заставила бы меня продать свою страну.

Икар посмотрел на меня будто бы с жалостью, словно я слабоумный.

Что ж, ладно. Возвращайтесь в свою страну. Но вы ведь знаете, что вернетесь домой куда беднее, чем надо.

В отличие от некоторых, я по крайней мере могу уехать домой, — поддел его я.

Икар улыбнулся, и от этой улыбки мои руки внезапно похолодели. Я словно бы смотрел в лицо будущему.

Неужели?

23

Джейн вынуждена была признать: Даррен Кроу прекрасно выглядел по телевизору. Риццоли сидела за своим столом в отделе убийств и смотрела интервью по рабочему телевизору, восхищаясь модным костюмом Кроу, его уложенными волосами и ослепительно-белыми зубами. Ей было интересно, как именно он отбеливал их: самостоятельно, с помощью средств, которые покупал в аптеке, или платил специалисту, чтобы тот полировал ему зубы до жемчужного блеска?

Жареный с мясом и сыром и двойной кислой капустой, — объявил Фрост, ставя на стол Джейн пакет с сандвичем. Сам он плюхнулся на стул, стоявший по соседству, и развернул свой обычный обед: индейку на белом хлебе, без зеленого салата.

Смотри, как журналистка пожирает его глазами, — сказала Джейн, указывая на блондинку, которая интервьюировала Кроу. — Клянусь, она вот-вот сорвет с себя пиджачок и закричит: «Возьми меня, полицейский!»

Мне такого никто не скажет, — вздохнул Фрост, смиренно откусывая от своего сандвича.

Он очаровывает народ, словно профи. Ой, смотри, смотри, вот его глубокомысленное выражение.

Я видел, как он в туалете репетировал эту мину.

Глубокомысленную? — Фыркнув, Джейн развернула свой сандвич. — У него никогда глубоких мыслей-то не было. Он глазеет на эту телку так, будто бы размышляет о ее глубокой глотке.

Поедая сандвичи, они смотрели, как Кроу по телевизору описывает захват Сапаты. «Мог бы сдаться, но решил бежать… Мы проявляли сдержанность во всех отношениях… явно действовал, как виновный…»

Внезапно потеряв аппетит, Джейн отложила в сторону свой жареный сандвич.

«Нужно навести порядок с нелегальными иностранцами вроде Сапаты. Я обещаю законопослушным жителям Бостона сделать это».

Чушь какая-то, — возмутилась Риццоли. — Так просто взял, осудил и приговорил Сапату.

Фрост не сказал ни слова, просто продолжил уплетать свой сандвич с индейкой, как будто ничего другого на свете и не существовало. Это раздражало Джейн. Обычно она очень ценила невозмутимость своего напарника. Никаких тебе драм и разборок — просто до ужаса уравновешенный бойскаут, который сейчас напоминал ей жующую корову на пастбище.

Эй! — окликнула она. — Тебя это не бесит?

Барри поглядел на Риццоли и ответил полным индейкой ртом:

Я знаю, что это бесит тебя.

А для тебя это нормально? Закрыть дело, когда у нас нет орудия убийства, когда в вещах Сапаты не обнаружилось ничего, связанного с Акерманами?

Я не сказал, что для меня это нормально.

А этот голливудский полицейский в телевизоре уже закрыл папочку с делом и обвязал ленточкой, словно рождественский подарок. Вонючий подарочек. Это должно бесить тебя.

Наверное.

Тебя вообще хоть что-нибудь бесит?

Фрост откусил еще один кусок сандвича и принялся жевать, обдумывая вопрос.

Ага, — наконец признался он. — Элис.

Как правило, бывшие жены всех бесят.

Ты сама спросила.

Но это дело тоже должно тебя бесить. Или хотя бы досаждать тебе, как нам с Маурой.

При упоминании о Мауре Барри наконец-то отложил сандвич и посмотрел на свою напарницу.

И что же думает доктор Айлз?

То же, что и я, — эти трое детей каким-то образом связаны. Их психолог совсем недавно спрыгнула с крыши, и Маура думает: что такого в этих детях? Почему те, кто оказываются рядом с ними, погибают? Словно на них лежит какое-то заклятие. Где бы они ни появились, обязательно кто-то умирает.

А теперь они оказались в одном и том же месте.

«В "Вечерне"». Джейн вспомнила темный лес, ивы, с которых свисали кровавые украшения. Подумала о замке, где самих жителей обуревали призраки: все они обитали в тени насилия. И Тедди, и Маура находились за запертыми воротами, с детьми, которые прекрасно знали, что такое кровопролитие.

Риццоли!

Джейн вздрогнула. Резко обернувшись в кресле, она увидела, что у нее за спиной стоит лейтенант Маркетг. Она тут же схватила пульт и выключила телевизор.

Здесь что, нечем заняться? — спросил Маркетт. — Вы, что ли, мыльную оперу смотрите?

Эта — всем операм опера, — ответила Джейн. — Детектив Кроу рассказывает законопослушным жителям Бостона о том, как он единолично взял злого гения по фамилии Сапата.

Маркетт поднял голову.

Зайдите ко мне.

Вставая с места, она заметила взгляд Фроста, как бы говоривший: «Ох-хо-хо!», — а затем поспешно замаршировала вслед за лейтенантом в его кабинет. Тот закрыл дверь. Прежде чем сесть, Джейн подождала, когда Маркетт устроится в своем кресле, и постаралась не отвести глаза, пока начальник пристально изучал ее со своего места.

Вы с Кроу никогда не придете к согласию, верно? — спросил Маркетт.

По какому поводу он пожаловался на меня в этот раз?

На отсутствие единого фронта по делу Акерманов. На то, что j вы по-прежнему задаете вопросы о поспешности суждений.j

Виновен по всем пунктам. Разве это не поспешное суждение? — не стала отпираться Риццоли.j

Да, я слышал все ваши возражения. Но, поймите, как это будет \ выглядеть, если пресса разнюхает то, о чем вы толкуете? Представ- j ляете, какой кошмар нас ожидает? К этому делу и так приковано всеобщее внимание. Богатые семьи, погибшие дети — Нэнси Грейс! это обожает. И злодей, которого с радостью станет ненавидеть пол-; Америки, — нелегальный иммигрант. Сапата — идеальный преступник во всех отношениях. Лучше всего, что он мертв и дело закрыто. Сказочный финал.

Но только в том случае, если кошмар — сказка, — заметила она.

Ну ведь братья Гримм и писали такие сказки.

Народ доволен, и я поэтому должна заткнуться и быть довольна. Вы это хотите сказать?

Маркетт откинулся на спинку своего кресла.

Риццоли, порой вы — настоящий геморрой.

Последнее время я постоянно это слышу.

Но именно поэтому вы прекрасный следователь. Вы ищете и находите. Вы копаете там, где никто не решается копать. Я читал ваш отчет по поводу этих трех детей. Семтекс в Нью-Гэмпшире. Взрыв самолета в Мэриленде. Все это выглядит как чертовски большое кладбище. —

Лейтенант умолк и, внимательно глядя на Джейн, постучал пальцами по столу. — Так что продолжайте. Делайте свое дело.

Джейн не очень поняла, что имеет в виду ее начальник.

Свое дело?

Копайте. Официально дело Акерманов закрыто. А неофициально у меня тоже есть сомнения. Но об этом знаете только вы.

Можно подключить Фроста? Он мне понадобится.

Я не могу тратить дополнительные ресурсы. Я даже не уверен, что могу позволить вам тратить на это время.

А почему же позволяете?

Маркетт подался вперед, не сводя глаз с Риццоли.

Слушайте, я с радостью закрыл бы это дело прямо сейчас и назвал его нашей удачей. Мне нужна хорошая статистика. Разумеется, она мне нужна. Но, как и у вас, у меня есть инстинкты. Иногда приходится игнорировать свои ощущения, и, когда оказывается, что всю дорогу мы были правы, мы начинаем винить себя. Не хочу, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь бросил мне в лицо, что я слишком рано закрыл это дело.

Значит, мы прикрываем свои задницы.

А что в этом плохого? — рявкнул лейтенант.

Ничего.

Ну хорошо. — Он снова откинулся на спинку кресла. — Какой у вас план?

Риццоли пришлось поразмыслить над этими словами, прикинуть, какая именно загадка сейчас на первом месте. И Джейн решила: вопрос номер один — это выяснить, что общего у семейств Уордов, Яблонски и Клоков, помимо странности их смертей. Знали ли они друг друга?

«В "Вечерне"». Джейн вспомнила темный лес, ивы, с которых свисали кровавые украшения. Подумала о замке, где самих жителей обуревали призраки: все они обитали в тени насилия. И Тедди, и Маура находились за запертыми воротами, с детьми, которые прекрасно знали, что такое кровопролитие.

Риццоли!

Джейн вздрогнула. Резко обернувшись в кресле, она увидела, что у нее за спиной стоит лейтенант Маркетт. Она тут же схватила пульт и выключила телевизор.

Здесь что, нечем заняться? — спросил Маркетт. — Вы, что ли, мыльную оперу смотрите?

Эта — всем операм опера, — ответила Джейн. — Детектив Кроу рассказывает законопослушным жителям Бостона о том, как он единолично взял злого гения по фамилии Сапата.

Маркетт поднял голову.

Зайдите ко мне.

Вставая с места, она заметила взгляд Фроста, как бы говоривший: «Ох-хо-хо!», — а затем поспешно замаршировала вслед за лейтенантом в его кабинет. Тот закрыл дверь. Прежде чем сесть, Джейн подождала, когда Маркетт устроится в своем кресле, и постаралась не отвести глаза, пока начальник пристально изучал ее со своего места.

Вы с Кроу никогда не придете к согласию, верно? — спросил Маркетт.

По какому поводу он пожаловался на меня в этот раз?

На отсутствие единого фронта по делу Акерманов. На то, что вы по-прежнему задаете вопросы о поспешности суждений.

Виновен по всем пунктам. Разве это не поспешное суждение? — не стала отпираться Риццоли.

Да, я слышал все ваши возражения. Но, поймите, как это будет выглядеть, если пресса разнюхает то, о чем вы толкуете? Представляете, какой кошмар нас ожидает? К этому делу и так приковано всеобщее внимание. Богатые семьи, погибшие дети — Нэнси Грейс это обожает. И злодей, которого с радостью станет ненавидеть полАмерики, — нелегальный иммигрант. Сапата — идеальный преступник во всех отношениях. Лучше всего, что он мертв и дело закрыто. Сказочный финал.

Но только в том случае, если кошмар — сказка, — заметила она.

Ну ведь братья Гримм и писали такие сказки.

Народ доволен, и я поэтому должна заткнуться и быть довольна. Вы это хотите сказать?

Маркетт откинулся на спинку своего кресла.

Риццоли, порой вы — настоящий геморрой.

Последнее время я постоянно это слышу.

Но именно поэтому вы прекрасный следователь. Вы ищете и находите. Вы копаете там, где никто не решается копать. Я читал ваш отчет по поводу этих трех детей. Семтекс в Нью-Гэмпшире. Взрыв самолета в Мэриленде. Все это выглядит как чертовски большое кладбище. — Лейтенант умолк и, внимательно глядя на Джейн, постучал пальцами по столу. — Так что продолжайте. Делайте свое дело.

Джейн не очень поняла, что имеет в виду ее начальник.

Свое дело?

Копайте. Официально дело Акерманов закрыто. А неофициально у меня тоже есть сомнения. Но об этом знаете только вы.

Можно подключить Фроста? Он мне понадобится.

Я не могу тратить дополнительные ресурсы. Я даже не уверен, что могу позволить вам тратить на это время.

А почему же позволяете?

Маркетт подался вперед, не сводя глаз с Риццоли.

Слушайте, я с радостью закрыл бы это дело прямо сейчас и назвал его нашей удачей. Мне нужна хорошая статистика. Разумеется, она мне нужна. Но, как и у вас, у меня есть инстинкты. Иногда приходится игнорировать свои ощущения, и, когда оказывается, что всю дорогу мы были правы, мы начинаем винить себя. Не хочу, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь бросил мне в лицо, что я слишком рано закрыл это дело.

Значит, мы прикрываем свои задницы.

А что в этом плохого? — рявкнул лейтенант.

Ничего.

Ну хорошо. — Он снова откинулся на спинку кресла. — Какой у вас план?

Риццоли пришлось поразмыслить над этими словами, прикинуть, какая именно загадка сейчас на первом месте. И Джейн решила: вопрос номер один — это выяснить, что общего у семейств Уордов, Яблонски и Клоков, помимо странности их смертей. Знали ли они другдруга?

Мне нужно съездить в Мэриленд, — объявила она.

Почему в Мэриденд?

Отец Уилла Яблонски работал в институте Годдарда в НАСА. Равно как и дядя Уилла, Брайан Темпл. Я хочу поговорить с их сослуживцами из НАСА. Возможно, они знают, почему рухнул самолет Яблонски. И почему Брайан с женой так торопились вывезти племянника из Мэриленда в Нью-Гемпшир.

Где и взорвался их фермерский домик.

Джейн кивнула.

Вся эта история начинает казаться весьма серьезной и нехорошей. Именно поэтому мне и хотелось бы привлечь Фроста, чтобы он помог мне разобраться.

Спустя секунду лейтенант кивнул.

Хорошо, Фрост у вас будет. Даю вам три дня.

Мы займемся этим. Спасибо. — Джейн поднялась.

Риццоли?

Да, сэр?

Работайте тихо. Никому в отделе не рассказывайте об этом, особенно Кроу. С точки зрения общественности, дело Акерманов закрыто.

Помнишь старую поговорку — «Не нужно быть ракетным ученым, чтобы понять дважды два»? — сказал Фрост, когда они ехали через кампус Космического центра ГоддаРДа- Так вот сейчас нам придется общаться с настоящими ракетными учеными! Потрясающе! Я имею в виду — посмотри в окно, подумать только, какой уровень интеллекта у тех парней, что бродят вокруг!

И что, от этого мы становимся остолопами?

Им надо столько знать в математике, химии и физике! Я даже представить себе не могу, что значит запустить ракету!

То есть ты хочешь сказать, что никогда не пускал игрушечные ракеты на уксусе и соде?

Ага, ну да. Типа вот так мы и прилетели на Луну.

Джейн заехала на парковку, расположенную перед Исследовательским центром, и они с Фростом прицепили на одежду бэджи посетителей, которые получили при въезде.

Черт, надеюсь, эту штуку можно будет оставить себе, — сказал Фрост, поигрывая своим бэджем. — Ну очень крутой сувенир.

Ты можешь слегка попридержать свой восторг по поводу ракетчиков? Говоришь, как фанат «Звездного пути», и, откровенно говоря, это неудобно.

А я и есть фанат «Звездного пути». — Когда они вышли из машины, Барри поднял руку в приветствии Вулкана: — Да здравствует и...

Не делай этого, пока мы тут, ладно?

Эй, взгляни-ка на это! — Фрост указал на бамперную наклейку одной из припаркованных машин. — «Телепортируй меня, Скотти!»

И что?

А то, что тут мой народ!

Тогда, возможно, они оставят тебя у себя, — пробормотала Джейн, разминая мышцы спины.

Напарники прилетели ранним рейсом из Балтимора. Когда они вошли в здание, Джейн огляделась в поисках кофейного автомата. Но вместо него заметила огромного мужика, топавшего в их сторону.

Вы из Бостона? — осведомился он.

Доктор Бартусек? — спросила Джейн. — Я детектив Риццоли. А это мой напарник, детектив Фрост.

Зовите меня Берт. — Широко улыбаясь, Бартусек схватил Джейн за руку и радостно потряс ее. — Детективы по убийствам из большого города! Не сомневаюсь, у вас, ребята, очень интересная работа.

Но не такая интересная, как у вас, — возразил Фрост.

У меня-то? — фыркнул великан. — Далеко не такая крутая, как поимка убийц.

А мой напарник считает, что куда круче работать в НАСА, — сказала Джейн.

Что ж, сами знаете, всегда лучше там, где нас нет, — усмехнулся Бартусек и, махнув рукой, пригласил детективов пройти по коридору. — Пошли, ребята, посидим в моем кабинете. Высшее начальство полностью освободило меня на время беседы с вами. Потому что иначе быть не может, когда полиция задает вопросы. Если я не отвечу, вы можете арестовать меня!

Когда он вел их по коридору, Джейн казалось, будто она чувствует, как здание сотрясается от каждого его мощного шага.

У меня самого много вопросов, — признался Бартусек. — Мы все, я и мои коллеги, хотим знать, что стряслось с Нилом и Оливией. Вы еще не говорили с детективом Пэррисом?

Мы встретимся с ним сегодня вечером, — ответила Джейн. — Если, конечно, он вовремя вернется из Флориды.

Когда я встречался с Пэррисом, он показался мне толковым детективом. Спросил обо всем, о чем мог. Но мне не кажется, что он доищется правды. — Бартусек поглядел на Джейн. — Не уверен, что и вам это удастся два года спустя.

У вас есть какие-нибудь предположения относительно авиакатастрофы?

Бартусек покачал головой.

Нам никогда и в мысли не приходило, что кому-то понадобится убивать Нила. Хороший парень. Ну очень хороший. Между собой мы много об этом говорили и перебрали все возможные причины. Может, задолжал кому-то денег? Или связался с дурными людьми? А может, имела место страсть?

А что, есть вероятность страсти? — вступил в разговор Фрост. — У него или его жены были интрижки на стороне?

Бартусек остановился у двери, и его мощное тело заняло собой весь дверной проем.

В то время я не думал, что это возможно. Ну, то есть они были такими надежными людьми. Хотя никогда ведь не знаешь, что происходит между супругами, да? — Бартусек печально покачал головой и вошел в свой кабинет.

Там на стенах была развешана целая галерея фотографий, которые изображали разные галактики и туманности, очень похожие на разноцветных амеб.

Ух ты, туманность Конская голова! — воскликнул Фрост, любуясь одной из фотографий.

А вы хорошо знаете ночное небо, детектив.

Джейн посмотрела на своего напарника.

Ты и правда фанат «Звездного пути».

Я же сказал тебе. — Фрост подошел к другой фотографии. — Я вижу тут ваше имя, доктор Бартусек. Это ваш снимок?

Астрофотография — мое хобби. Можно предположить, что, отдав целый день изучению Вселенной, я возвращаюсь домой и начинаю фотографировать птичек и цветочки. Но нет — я продолжаю смотреть на небо. Всегда туда смотрел. — Бартусек с трудом пролез к своему столу и опустился в массивное кресло. Оно ответило громким стоном. — Можете назвать это навязчивой идеей.

Все ракетные ученые такие же? — поинтересовался Фрост.

Ну, вообще говоря, я не совсем ракетный ученый. Это скорее те ребята, которые поджигают запал и — пах! — отправляют людей вверх. Они бы наверняка сказали, что у них прикольная работа.

А ваша работа?

Я астрофизик. В этом здании мы занимаемся исследованиями. Мы с коллегами формулируем научные вопросы и решаем, какие данные необходимы для ответов. Например, нам нужно взять образец пыли с

проходящей мимо кометы или провести широкое исследование неба в инфракрасном диапазоне. Чтобы добыть такие данные, нам нужно запустить в космос специальный телескоп. Вот тут мы и обращаемся к ракетным ученым: они запускают такой телескоп и выводят его на нужную орбиту. Мы ставим задачу. Ракетные инженеры разрабатывают метод ее решения. Если по правде, то мы говорим словно бы на разных языках. Для нас они — головорезы. А мы для них — яйцеголовые.

А кем был Нил Яблонски? — поинтересовалась Джейн.

Нил однозначно был яйцеголовым. Они с зятем Брайаном Темплом слыли здесь самыми светлыми головами. И, наверное, поэтому были друзьями. Настолько близкими, что даже планировали совместное путешествие в Рим в компании с женами. Там Нил впервые встретил Оливию, и они собирались посетить все любимые места.

Вряд ли возможна романтическая поездка, если с вами едет еще одна пара.

Это не просто другая пара. Понимаете, Оливия и Линн были сестрами. Нил и Брайан — лучшими друзьями. Поэтому, когда Линн и Брайан поженились, они — раз! — и превратились в компанию из четырех друзей. Брайану и Нилу все равно нужно было в Рим на какую-то встречу, так что они решили прихватить с собой жен. Черт, Нил просто не мог дождаться этой поездки! Мучил меня постоянными разговорами о пасте! О пицце! О фритто мисто! — Бартусек посмотрел на свой выпирающий живот, и оттуда внезапно послышалось урчание. — Думаю, я набрал вес, даже просто произнеся эти слова.

Но они так и не съездили в Рим?

Бартусек печально покачал головой.

За три недели до предполагаемой поездки Оливия и Нил отправились в свой домик в Чесапике. У них был маленький самолет «Сессна», на котором Нил там летал. Их сын Уилл срочно писал ка-

кую-то работу для школы, поэтому он остался у Темплов. Парнишке повезло — спустя три минуты после взлета «Сессна» воспламенилась и рухнула вниз. Погода была прекрасная, а Нил летал очень осторожно. Мы все сочли, что была какая-то неисправность. Но потом, спустя неделю с небольшим, сюда приехали детектив Пэррис и ФБР и начали задавать разные вопросы. Вот тогда я и понял, что эта катастрофа куда серьезнее, чем мы думали. Пэррис не сказал мне ничего прямо, но через

некоторое время я прочитал об этом в газетах. О том, что крушение самолета было подозрительным. Что на борт «Сессны», возможно, подложили бомбу. Поскольку вы, ребята, спрашиваете об этом, полагаю, так и есть.

Сегодня вечером мы поговорим об этом с детективом Пэрри- сом, — сказала Джейн.

Значит, это не случайность. Верно?

Судя по всему, нет.

Бартусек тяжело откинулся на спинку кресла и покачал головой.

Неудивительно, что Брайан психанул.

Что вы имеете в виду?

На следующий день после крушения самолета Нила Брайан пришел на работу белый как полотно. Собрал свои исследовательские бумаги и сказал, что несколько дней поработает дома, поскольку Линн и его племянник не хотят оставаться одни. Спустя неделю я узнал, что он уволился из НАСА. Это потрясло меня, потому что Брайан любил свою работу. Он проработал здесь двадцать с лишним лет! Я даже представить себе не могу, что заставило его вот так вот собраться и уехать. Он никому из нас не сказал, куда направляется. Я понятия не имел, что он переехал в Нью-Гэмпшир, пока не стало известно, что они с Линн погибли во время пожара.

Так значит, Брайан даже не намекнул вам, почему уезжает из города?

Ни единым словом. Как я уже говорил, он выглядел потрясенным, но тогда мне показалось, что это вполне естественно. Лучший друг и сестра жены погибли, и теперь ему нужно было растить парнишку Нила. — Бартусек умолк на мгновение, его мясистое лицо немного вытянулось от воспоминаний. — Черт, вот не поперло бедному парнишке! Всего в двенадцать лет потерять родителей. — Он покачал головой. — Знаете, я никогда не говорил об этом детективу Пэрри- су, но некоторые из наших полагают, что все это какая-то ошибка.

Возможно, убийца подложил бомбу не в ту «Сессну». На этом поле стоят самолеты нескольких крутых бизнесменов. И политиков тоже. Видит бог, некоторые из нас с удовольствием взорвали бы их самолеты. — Он запнулся. — Я пошутил. Правда. — Он перевел взгляд с одного детектива на другого. — Но, судя по всему, мой юмор вам не понравился.

Мы все время говорим о Ниле, а что же его жена? — спросил Фрост. — Есть ли причины, из-за которых могли бы убить ее?

Оливию? Никаких. Она была милой девицей, только немного скромной. Когда бы я ни встретил ее на вечеринках НАСА, она всегда с потерянным видом стояла где-нибудь в уголке. Я не раз пытался уделить ей внимание, поскольку она не пользовалась успехом. Но, честно признаться, из ее речей не запомнил ничего. У нее была скучная работа — торговый представитель в какой-то фирме, продававшей медицинское оборудование.

Фрост заглянул в блокнот.

«Больничное оборудование Лейдекера».

Да, вот именно. О работе она много не рассказывала. Оживлялась лишь тогда, когда говорила о Уилле. Парнишка вроде как гений, похож на Нила.

Хорошо, давайте вернемся к Нилу, — сдалась Джейн. — У него на работе случались конфликты? Может, он не ладил с какими-нибудь сотрудниками?

Только обычные дела.

А именно?

Ученый предлагает теорию, обозначает некую позицию. Порой, если другие не согласны, он эмоционально привязывается к этой позиции.

А кто не соглашался с Нилом?

Я даже и не припомню, это же было вполне естественно. У них с Брайаном постоянно происходили ожесточенные дебаты, только они никогда не злились друг на друга, понимаете? Скорее, это просто такая игра яйцеголовых. Как только они принимались обсуждать, например, осколочные диски, начиналось — ух! Словно два неугомонных малыша в песочнице, они норовили бросить друг в друга игрушками.

Фрост оторвал взгляд от заметок, которые заносил в свой блокнот.

Осколочные диски? А что это?

Предмет их исследований. Это связано с ядрами межзвездных облаков. Когда они коллапсируют, момент количества движения приводит к тому,

что вокруг новорожденных звезд образуются вращающиеся диски из газа и пыли.

И они из-за этого спорили? — поразилась Джейн.

Эй, мы спорим обо всем. Именно это и делает науку чертовски увлекательной. Конечно, порой дебаты переходят на личности, но мы умеем с этим справляться. Мы уже большие мальчики. — Посмотрев на свой живот, Бартусек иронично усмехнулся и добавил: — Некоторые из нас даже больше остальных.

Какие такие ссоры могут разгореться из-за обломочных дисков?

Из-за осколочных. Как эти кольца из пыли и газа могут трансформироваться в звездные системы с планетами — вопрос неоднозначный. Некоторые говорят, что планеты образуются из-за многочисленных столкновений, но что заставляет осколочные частицы слипаться друг с другом? Каким образом накапливается масса? Как скопище вращающихся частиц можно превратить в Меркурий, Венеру или Землю? На этот вопрос мы пока не нашли ответа. Зато мы знаем, что наша солнечная система — не единственная. Только в этой галактике бессчетное количество планет, и многие находятся в зоне обитаемости.

Фрост, который мог бы запросто сделать себе на лбу татуировку «Фанат "Звездного пути"», от любопытства внезапно подался вперед.

Вы хотите сказать, мы могли бы их колонизировать?

Возможно. Зона обитаемости означает, что там может существовать жизнь в той или иной форме. Во всяком случае, известная нам углеродная жизнь. Данные телескопа «Кеплер» говорят о большом количестве так называемых «обитаемых» планет. Не слишком горячих и не слишком холодных, этаких правильных. На самом деле Нил и Брайан именно поэтому собирались в Рим. Представить свои данные работникам Ватиканской обсерватории.

Фрост удивленно усмехнулся.

В Ватикане есть обсерватория?

Достаточно уважаемая, в составе Папской академии наук. — Бартусек заметил, что Фрост поднял брови. — Да, я понимаю, звучит странно: это ведь та самая церковь, которая нападала на Галилея за его уверенность в том, что Земля обращается вокруг Солнца. Но

в Папской академии трудятся очень известные астрономы. Они страшно хотели ознакомиться с последними исследованиями Нила и Брайана, потому что в них содержатся серьезные выводы. Для Ватикана, естественно.

С чего бы это их исследование так встревожило католическую церковь? — удивилась Джейн.

Потому что речь идет об астробиологии, детектив Риццоли. Изучение жизни во Вселенной. Подумайте об этом. Что будет с местом, которое мы занимаем во Вселенной, если мы обнаружим жизнь на другой планете? Что произойдет с концепцией божественного творения и с фразой «Да будет свет»? Это перевернет самое любимое верование человечества — в то, что мы уникальны. Что нас создал Бог. Свергнет самую главную опору церкви.

Свергнет? Неужели у Яблонски и Темпла на самом деле были такие данные?

В сущности, я не знаю, можно ли считать их доказательством.

Они поделились с вами?

Я видел первоначальный анализ их данных, полученных с помощью инфракрасного и радиотелескопов. Это данные одной из планет, расположенной в той зоне обитаемости, о которой я говорил. На планете обнаружились углекислый газ, вода, озон и азот. Это не просто строительные кирпичики жизни, но также молекулы, указывающие на то, что там происходит фотосинтез.

А это означает, что на планете есть растения, — понял Фрост.

Бартусек кивнул.

Весьма многообещающий результат.

Как так получилось, что я ни разу не слышал об этом? — поразился Фрост. — А как же пресс-конференция, доклад в Белом доме?

Нельзя просто так выйти и заявить о подобном без абсолютной уверенности, иначе будешь выглядеть идиотом. Ясно ведь, что на тебя будут нападать. Что на тебя будут охотиться чокнутые противники всех мастей. Нам понадобится план действий в непредвиденных обстоятельствах, чтобы справиться со всеми психами, которые решат подгонять машины с бомбами к нашим зданиям. — Бартусек умолк, чтобы перевести дух. — Так что — нет. Мы ни о чем не заявляем, пока не появятся доказательства, которые не оставят и тени сомнений. Черт,

некоторые люди поверят только тогда, когда на лужайку перед Белым домом приземлятся инопланетяне собственными персонами. Однако Нил и Брайан считали, что у них достаточно доказательств. На самом деле это одна из последних вещей, которые сказал мне Нил перед смертью.

Джейн пристально поглядела на ученого.

Что у него есть доказательства? Бартусек кивнул.

Доказательства внеземной жизни.

24

По пути в округ Колумбия Джейн и Фрост молчали; оба были потрясены и пытались переварить то, что недавно услышали. После экскурсии в НАСА их ждало куда более скучное путешествие: по весьма будничному шоссе они направлялись в тягомотную поездку — их ждал нудный офис, где Оливия Яблонски трудилась менеджером по продажам медицинского оборудования.

А мне вот интересно: вдруг мы движемся в ложном направлении? — сказал Фрост. — Не думаю, что в Нью-Гэмпшире хотели уничтожить мальчишку.

Джейн поглядела на своего напарника — тот щурился так, словно стремился рассмотреть что-то в тумане.

Ты считаешь, они метили в его дядю, Брайана Темпла?

Эти двое мужчин собирались объявить о невероятном. Нила убирают. Брайан в ужасе бежит с женой и племянником в Нью-Гэм- пшир. Злоумышленники следуют за ним.

Проблема в том, что мы не знаем, кто эти злоумышленники.

Ты же слышала, что сказал Бартусек. Если найдется внеземная жизнь, это потрясет весь мир. Это заставит людей сомневаться во всем том, чему их учили в воскресных школах.

Значит, у нас появился какой-то монах-альбинос, убивающий ученых из НАСА? — Джейн рассмеялась. — Я думала, такое только в кино бывает.

Подумай о том, что религиозные фанатики уже сделали, чтобы защитить свои верования. Ученые, занимающиеся климатом в МТИ[11], постоянно получают угрозы. Если бы объявили такое, все психи точно повылезли

бы. Но это если бы объявили. — Фрост нахмурился. — Интересно, что НАСА ничего не объявило.

Похоже, доказательства пока все же нет.

Действительно ли это так? Или, может быть, для них — и для всех остальных — это просто слишком горячие новости?

«Внеземная жизнь». Риццоли прокручивала вероятность такого развития событий в своей голове, старалась рассмотреть ее со всех углов, взвесить все возможные последствия. Неужели это мотив для убийства? Семейства Яблонски и Темплов умертвили профессионалы, хорошо разбиравшиеся в семтексе.

В этой теории есть один недостаток, — проговорила Джейн. — Она не объясняет смерть семейства Клэр Уорд. Ее отец был дипломатом, работал на Госдеп. Каким образом он был связан с НАСА?

Возможно, эти дела не связаны. Мы соотносим их только потому, что оба ребенка в конце концов оказались в «Вечерне».

Риццоли вздохнула.

Теперь ты заговорил, как Кроу. Разные дети — разные дела. В одной и той же школе они оказались лишь из-за совпадения.

Хотя это интересно...

Что?

Фрост указал на дорожный знак, обозначавший поворот на Вашингтон.

Разве Эрскин Уорд некоторое время не работал в Вашингтоне?

А еще в Риме. И в Лондоне.

По крайней мере географическую связь между Уордами и Яблонски мы нащупали. Они жили в радиусе восьмидесяти километров.

А вот семья Тедди Клока — нет. Николас Клок работал в Род- Айленде.

Ага. — Фрост пожал плечами. — Так может, мы пытаемся объединить совершенно не связанные друг с другом вещи, а потому все усложняем?

Джейн заметила номер дома, который они искали, и свернула на парковку. Это был типичный торговый центр, совершенно неотличимый от тысяч собратьев по всей стране. А может, существует некое

универсальное архитектурное решение для таких сооружений, и его даже изучают в специальных учебных заведениях, а чертежи ксерят и рассылают во все строительные компании Америки? Джейн поставила машину на парковочное место и оглядела привычные вывески. Аптека, магазин одежды больших размеров, товары по одной цене и китайская закусочная. На нее точно можно рассчитывать — китайская закусочная есть в каждом торговом центре.

Я не вижу этого заведения, — сказал Фрост.

Наверняка оно в дальнем конце здания. — Джейн открыла дверцу. — Давай расправим ноги и пройдемся.

Ты уверена, что у нас правильный адрес?

Сегодня утром я подтвердила его у менеджера. Она ждет нас. — Зазвонил ее телефон, и Джейн узнала на дисплее мэрилендский номер детектива, который расследовал дело Яблонски. — Риц- цоли, — сказала она в трубку.

Это детектив Пэррис. Вы приехали в Балтимор? — спросил он.

Мы здесь. Вы по-прежнему можете встретиться с нами вечером?

Да, мэм. Я сейчас в пути, но к ужину должен добраться до города. Вы не против встретиться в мясном ресторане «Длинный Рог» в семь тридцать? Это на парковой автомагистрали Сноуден. К тому времени я уже захочу красного мяса. Я предпочел бы не встречаться с вами дома.

Понимаю. Я тоже не люблю смешивать работу и семью.

Нет, здесь не только семья. Тут еще это дело.

А что с ним не так?

Поговорим об этом позже. Вы привезли своего напарника?

Детектив Фрост здесь, со мной.

Хорошо. Всегда хорошо, когда вас кто-нибудь может прикрыть.

Джейн повесила трубку и поглядела на Фроста.

Это был очень странный звонок.

А что в этом деле не странное? — Барри посмотрел на торговый центр со скучными магазинами и вздохнул. — Из НАСА в такое место. — И снова вздохнул. — Давай работать.

«Больничное оборудование Лейдекера» находилось в самом конце центра, за витриной с инвалидными креслами и четырехопорной тростью. Проходя внутрь, Джейн думала, что увидит демонстрационный зал, заполненный медицинским оборудованием. Вместо этого они с Фростом оказались в офисном помещении, где обнаружились пять рабочих столов, бежевый ковер и две пальмы в кадках. За одним из столов сидела женщина средних лет со светлыми, щедро сбрызнутыми лаком волосами и разговаривала по телефону.

Я позвоню вам позже насчет этого заказа, господин Уиггинс, — сказала она, увидев посетителей. Закончив звонок, женщина улыбнулась незнакомцам. — Чем могу помочь?

Госпожа Микки? Мы детективы Риццоли и Фрост, — представилась Джейн. — Мы разговаривали с вами чуть раньше.

Женщина поднялась, чтобы приветствовать гостей, выставив напоказ свою стройную фигуру в хорошо сшитом брючном костюме.

Прошу вас, зовите меня Кэрол. Я надеюсь, что смогу помочь вам. Знаете, мысли о ней преследуют меня. Каждый раз, когда мой взгляд падает сюда, на ее стол, я вспоминаю о ней.

Джейн оглядела никем не занятые столы.

А здесь ли другие коллеги Оливии? Нам хотелось бы поговорить и с ними тоже.

Боюсь, все остальные сейчас за пределами города, по рабочим делам. Однако я знала Оливию дольше, чем другие здешние сотрудники, так что наверняка смогу ответить на ваши вопросы. Садитесь, пожалуйста.

Пока все усаживались в кресла, Фрост сказал:

Думаю, эти вопросы вам уже задавали раньше.

Да, детектив приходил сюда несколько раз. Я забыла, как его имя.

Пэррис?

Да, он самый. После несчастного случая он являлся сюда и спрашивал... — Она осеклась. — Но теперь, я полагаю, известно, что это вовсе не несчастный случай.

Да, мэм.

Он спрашивал меня, были ли у Оливии враги. Бывшие любовники. Или какие-нибудь недавние любовники.

И вы что-нибудь знаете об этом? — поинтересовалась Джейн.

Кэрол Микки энергично покачала головой, но ни один волос не

пошевелился на ее идеально зафиксированном блондинистом шлеме.

Оливия такой не была.

У многих обычных людей случаются романы, госпожа Микки.

Что ж, она не была такой уж обычной. Она была самым надежным торговым представителем нашей фирмы. Если Оливия говорила, что в среду будет в Лондоне, значит, она действительно в среду была в Лондоне. Клиенты всегда знали, что могут положиться на нее.

А что это за клиенты? — спросил Фрост. — Больницы? Медпункты?

И те, и те. Мы продаем оборудование различным учреждениям по всему миру.

А где все ваши товары? У вас тут почти ничего не выставлено.

Кэрол протянула руку к одному из выдвижных ящиков и, вынув

из него объемистый каталог, тяжело опустила его на стол перед детективами.

Здесь у нас лишь офис сателлитных продаж. В каталоге представлен огромный ассортимент нашей продукции. Она поставляется со складов в Окленде, Атланте, Франкфурте и Сингапуре. И еще из нескольких мест.

Джейн пролистала каталог и увидела больничные койки, инвалидные кресла, стульчаки, носилки. Глянцевый сборник с изображениями вещей, которые, как надеялась Риццоли, ей никогда не понадобятся.

Госпожа Яблонски много ездила?

Все наши торговые представители вынуждены ездить. А здесь — штаб-квартира, где я пытаюсь все контролировать.

И сами вы никуда не ездите?

Кому-то нужно держать оборону. — Кэрол оглядела помещение с бежевым ковром и искусственными пальмами. — Однако порой в этих четырех стенах становится не по себе. Мне стоит оживить интерьер, верно? Например, повесить плакаты, с изображением разных стран. Для разнообразия иногда очень приятно посмотреть на тропический пляж.

А ваши представители ездят в деловые поездки по одному или вместе с коллегами? — поинтересовался Фрост.

Кэрол смерила его удивленным взглядом.

Почему вы спрашиваете?

Я просто подумал: вдруг Оливия особенно близко общалась с кем-нибудь из коллег?

Все пятеро наших представителей ездят в одиночестве. И — нет, никаких непозволительных отношений в этом офисе не было. Ради всего святого, мы же говорим об Оливии! О женщине, которая состояла в счастливом браке и родила сына. Я несколько раз выступала в роли няньки Уилла, а о людях можно многое узнать, только поглядев на детей, которых они воспитали. Уилл — чудесный мальчик, очень вежливый и послушный. Помешан на астрономии, как и его отец. Я благодарю бога за то, что Уилл не сидел в тот день в их самолете. Страшно даже подумать, что всю семью могли стереть с лица земли…

А как насчет тетки и дяди Уилла, семейства Темплов? Вы их тоже знали?

Нет, боюсь, что нет. Я слышала, что они забрали Уилла и уехали куда-то — вероятно, чтобы сбежать от печальных воспоминаний. Чтобы мальчик мог начать все сначала.

Вы ведь знаете, что Линн и Брайан Темплы погибли?

Кэрол уставилась на Джейн.

О боже мой! Как это случилось?

Их фермерский домик в Нью-Гэмпшире сгорел. В тот момент Уилла в доме не было, поэтому он спасся.

Он в порядке? И теперь живет у других родственников?

Мальчик в надежном месте. — Больше Джейн ничего не стала бы говорить.

Новости явно потрясли Кэрол. Она откинулась на спинку своего кресла.

Бедняжка Оливия! Она не сможет увидеть, как мальчик будет расти. Знаете, она ведь была на восемь лет моложе меня, и я никогда не подумала бы, что смогу пережить ее. — Кэрол оглядела помещение так, словно на самом деле увидела его впервые. — И вот прошло два года, но я так ничего и не сделала со своим сверхурочным временем. Сижу в том же самом месте и ровным счетом ничего не изменила. Даже дурацкие искусственные пальмы не убрала.

На ее столе зазвонил телефон. Кэрол сделала глубокий вдох и, отвечая на звонок, с трудом изобразила улыбку на лице, чтобы голос звучал радостно.

О, здравствуйте, господин Дамрош, так приятно снова слышать вас! Да, разумеется, мы сможем обновить ваш заказ. Вам нужно еще несколько товаров или что-то одно? — Кэрол потянулась за ручкой и начала что-то быстро записывать.

У Джейн не было ни малейшего желания слушать ее беседу о тростях и ходунках, поэтому она поднялась со своего места.

Простите, господин Дамрош, вы не могли бы подождать одну минутку? — Кэрол прикрыла трубку рукой и поглядела на Джейн: — Прошу прощения. Вы хотели спросить меня еще о чем-то?

Джейн бросила взгляд на глянцевый каталог, лежавший на столе. Подумала о том, как Оливия Яблонски таскала его с собой из города в город, со встречи на встречу, продавая инвалидные кресла и подкладные судна.

У нас больше нет вопросов, — сказала Риццоли. — Спасибо.

Детектив Пэррис выглядел как человек, обожающий мясо и выпивку. Когда напарники обнаружили его в мясном ресторане «Длинный Рог», он уже потягивал мартини и изучал меню. Его грузная фигура была так плотно втиснута между столом и скамьей, что Джейн, когда они с Фростом садились напротив детектива, жестом предложила ему не вставать с места. Пэррис опустил на стол бокал с мартини и смерил их с Фростом типичным взглядом полицейского. Таким же взглядом оценивала его теперь и Джейн. Пэррису было шестьдесят с небольшим. Очевидно, он находился на пороге пенсии и давно утратил не только молодецкую фигуру, но и большую часть волос. Однако, если судить по пронизывающему взгляду, в его голове по-прежнему жил ум полицейского, и сейчас, прежде чем перейти к разговору, он составлял собственное мнение о Джейн и Фросте.

А я все думал — когда кто-нибудь приедет и начнет расспрашивать об этом деле? — произнесПэррис.

Вот мы и приехали, — ответила Джейн.

Гм. Бостонское ПУ. Никогда не предскажешь, в каком направлении это дело извернется в следующий момент. Вы голодны, ребята?

Да, поели бы, — признался Фрост.

Я целую неделю прожил у своей дочери-веганки в Таллахасси. Так что не сомневайтесь — я пришел сюда не за чертовым салатиком. — Детектив снова взял в руки меню. — Я возьму стейк из филейной вырезки. Шестьсот граммов, с фаршированным картофелем и грибами под сливочно-сырным соусом. Это должно компенсировать недельные страдания на одной брокколи.

Пэррис заказал мясо с кровью и еще один бокал мартини. Недельное пребывание в Таллахасси, решила Джейн, было для детектива настоящей пыткой. Только отхлебнув от второго коктейля, Пэррис, похоже, был готов перейти к делу.

Вы всю папку прочитали? — поинтересовался он.

Все, что вы прислали нам по электронной почте, — ответила Джейн.

Тогда вам известно столько же, сколько мне. На первый взгляд казалось, будто это очередной несчастный случай на маленьком воздушном судне. Одномоторная «Сессна Скайхок» падает вскоре после взлета. Обломки рассыпаются по лесистой местности. Пилота называли настоящим занудой в том, что касалось безопасности, но, знаете, всякое бывает. Почти всегда это чья-то ошибка — пилота или механика. Меня не привлекали к этому делу до тех пор, пока не позвонили из НКБП. В найденных обломках были обнаружены следы проникновения фрагментов, двигавшихся на большой скорости. Это навело экспертов на мысль сделать анализ, чтобы выявить следы взрывчатых веществ. Я не очень разбираюсь в тонкостях химии, но они провели жидкостную хромотографию и масс-спектрометрию. Нашли вещество под названием гексагидро-что-то-там-такое. Оно также называется гексоген.

Циклотриметилентринитрамин, — выговорил Фрост.

В общем, вы читали отчет.

Эта часть меня заинтересовала. Упомянутое вещество используется военными, и оно более мощное, чем тротил. Если смешать его с воском, можно лепить фигурки. Оно — часть семтекса.

Джейн поглядела на своего напарника.

Теперь я знаю, почему ты хотел стать ракетчиком. Чтобы что- нибудь взрывать.

Именно это и произошло с малюсеньким «Скайхоком» Яблон- ски, — сказал Пэррис. — Его взорвали. Гексоген подорвали с помощью дистанционного управления. Не по таймеру и не на определенной высоте. На поле кто-то был; он увидел, что самолет поднялся в воздух, и нажал на кнопку пульта.

Значит, ошибки быть не могло, — поняла Джейн. — Целили не в другой самолет.

Я почти уверен, что убить хотели именно Яблонски. Вероятно, коллеги Нила в НАСА вам ничего такого не говорили. Они отказываются верить, что его кто-то хотел прикончить. А я даже и не пытался их просветить.

Да, именно это мы слышали от доктора Бартусека, — подтвердила Джейн. — Что, должно быть, произошла ошибка. Что у Нила не было врагов.

Враги есть у каждого. Но не у всех они развлекаются с гексо- геном. — Пэррис покачал головой. — Мы говорим о жутком дерьме, о военной взрывчатке. Настолько жутком, что я даже задумывался... — Детектив внезапно осекся, когда официантка принесла их еду.

По сравнению с огромным куском мяса на тарелке Пэрриса двухсотграммовое филе Джейн и куриная грудка Фроста казались жалкими закусками. Только после того как официантка ушла, Джейн решилась надавить на Пэрриса.

И о чем вы задумывались? — спросила она.

Уж не мой ли труп найдут следующим, — пробормотал он, засовывая в рот исходящий соком кусок мяса.

Пока он отрезал очередной ломтик стейка и отхлебывал из своего бокала мартини, на его тарелке собралась кровавая лужица. Джейн вспомнила, что Пэррис сказал ей по телефону днем: «Я бы не хотел встречаться с вами дома». Она тогда решила, что коллега просто не хочет смешивать рабочие дела и личную жизнь. Теперь это заявление приобрело новое, жутковатое значение.

Вас это все так напугало? — удивилась она.

Черт возьми, так оно и есть. — Пэррис посмотрел на нее в упор. — Если станете распутывать это дело, вы начнете меня понимать.

А чего вы боитесь?

То-то и оно, что не знаю. И никогда не узнаю, не стал ли я параноиком и не начал ли придумывать что-то несуществующее. А может, мой телефон действительно прослушивают. И садятся на хвост моей машине.

Ого! — рассмеялась Джейн. — Вы серьезно?

Как перед могилой. — Отложив нож и вилку, толстяк пристально посмотрел на Риццоли. — Поэтому я рад, что вы приехали с напарником. Кто-то должен прикрывать вам спину. Я достаточно старомоден и считаю, что за женщинами надо присматривать, даже если они полицейские.

Присматривать? — Джейн повернулась к Фросту. — Ты, оказывается, недорабатывал.

Детектив Пэррис, — вмешался Фрост, — а откуда, по-вашему, исходит эта... э-э-э... угроза?

Все слышно по вашему голосу. Вы мне не верите. Но скоро сами узнаете. Вот мой совет: поглядывайте через плечо. Если идете куда — запоминайте лица. Вскоре некоторые из них покажутся вам знакомыми. Парень в кофейне. Девица в аэропорту. Затем, однажды вечером, вы заметите, что возле вашего дома припарковался фургончик. И просто стоит там.

Фрост бросил взгляд на Джейн, и это не укрылось от Пэрриса.

Ну да, хорошо. Вы считаете меня чокнутым. — Детектив пожал плечами и снова потянулся к мартини. — Просто копайте, и все это вылезет, словно черви после дождя.

Что «это»? — поинтересовалась Джейн.

Вероятно, вы уже потревожили их — тем, что приехали сюда и начали задавать вопросы.

Вопросы, связанные с Нилом и Оливией?

Забудьте про Оливию. Бедняжка оказалась в неудачный момент в несчастливом самолете. — Пэррис помахал официантке, указав на свой пустой бокал. — Если вы не возражаете! — крикнул он.

Думаете, мотив связан с профессиональной деятельностью? — осведомился Фрост.

Если исключить ревнивых любовниц, рассерженных соседей и жадных родственников, остается только работа.

Вы знаете, чем он занимался в НАСА, верно?

Пэррис кивнул.

Инопланетной жизнью. Говорят, они с дружком Брайаном Темплом решили, будто обнаружили ее, пусть даже никто в НАСА не решился объявить об этом официально.

Потому что это скрывают? — спросил Фрост. — Или потому что это неправда?

Пэррис подался вперед; его лицо раскраснелось от выпитого.

Когда вы ошибаетесь, вас никто не станет взрывать. Только если вы правы, дела принимают опасный оборот. А у меня есть ощущение… — Детектив внезапно осекся, уставившись на что-то за спиной у Джейн. Она хотела было обернуться, но Пэррис прошептал: — Не смейте.

Что такое?

Парень в очках, белой рубашке и синих джинсах. Сидит прямо за нами. Кажется, я видел его два часа назад в туалете на шоссе.

Джейн сделала так, чтобы салфетка с ее колен упала на пол. Она наклонилась, чтобы поднять ее, и бросила взгляд на упомянутого мужчину. Как раз в этот момент к его столу подсела женщина с малышом на руках.

Ну только если они нанимают в шпионы трехлеток, — проговорила Джейн, выпрямляясь. — Думаю, вам не стоит волноваться по поводу парня в очках.

Хорошо, — признал Пэррис. — В этот раз я ошибся. Но происходило и другое.

Например, у вашего дома появлялись фургоны, — подсказала Джейн ровным тоном.

Детектив застыл.

Я понимаю, как это выглядит. Когда все это началось, я и сам не мог поверить. Пытался найти логическое объяснение, но нечто подобное повторялось постоянно. Терялись голосовые сообщения. Вещи на моем рабочем столе меняли места, пропадали папки. И это продолжалось много месяцев.

Это до сих пор происходит?

Пэррис промолчал — к ним подошла официантка с третьей порцией мартини. Детектив посмотрел на свой бокал, будто размышляя: стоит ли добавлять в кровь еще одну дозу алкоголя? В конце концов Пэррис поднял его.

Нет. Странности перестали случаться примерно тогда же, когда это дело застопорилось. Правительственные организации, с которыми мы работали, — НКБП, ФБР — сообщили мне, что их расследования приостановлены. Думаю, у них были дела поважнее. Все затихло. Странные фургоны исчезли, а моя жизнь снова стала нормальной. Но тут несколько недель назад я узнал из полиции Нью-Гэмпшира о фермерском доме Темплов, который взорвали семтексом. — Пэррис немного помолчал. — А теперь и вы приехали. Я жду, что фургоны появятся снова.

Вы хоть примерно представляете, кто мог бы их послать?

Да мне и не надо это представлять. — Пэррис откинулся на спинку скамьи. — Мне шестьдесят четыре года. Я должен был уйти в отставку два года назад, но мне нужна зарплата, чтобы помогать дочери. Это моя работа, но вовсе не моя жизнь, понимаете?

Проблема в том, — заметила Джейн, — что под угрозой могут оказаться еще несколько жизней. Прежде всего жизнь Уилла, сына Нила и Оливии.

Какой смысл преследовать четырнадцатилетнего мальчика?

Да и двух других детей тоже нет смысла преследовать.

Пэррис нахмурился.

Каких детей?

Во время расследования вам никогда не попадались имена Николаса и Аннабель Клоков?

Нет.

А Эрскина и Изабель Уордов?

Нет. Что это за люди?

Другие жертвы. Семьи, которые были убиты на той же неделе, что и Оливия с Нилом. Во всех трех семьях выжило только по одному ребенку. А теперь на этих троих детишек снова напали.

Пэррис пристально посмотрел на коллегу.

Эти фамилии ни разу не встретились мне во время расследования. Я их впервые слышу.

Но параллели жутковатые, верно?

А есть ли связь с НАСА? Можно ли соотнести их в этом смысле?

К сожалению, нет, — вздохнула Джейн.

А что же, по-вашему, все-таки связывает этих детей?

Мы как раз и надеялись узнать это от вас. Понять, в чем связь.

Пэррис откинулся на спинку скамьи и посмотрел на коллег поверх опустошенной тарелки, в которой собралась лужа крови.

О Яблонски вы теперь знаете все то же, что и я. Расскажите мне о семействе Уордов.

Они были застрелены в одном из лондонских переулков. На первый взгляд казалось, что это неудавшийся уличный грабеж. Он был американским дипломатом, она — домохозяйкой. В их одиннадцатилетнюю дочь тоже стреляли, но ей удалось выжить.

Уорд был дипломатом, а Яблонски — ученым из НАСА. Какова же связь? То есть, астрофизика вряд ли может перейти в разряд горячих дипломатических проблем.

Фрост внезапно выпрямился.

Если инопланетяне разумны, нам пришлось бы устанавливать дипломатические отношения, верно ведь?

Джейн вздохнула.

Заканчивай со «Звездным путем».

Нет, вы только подумайте! Нил Яблонски и Брайан Темпл собираются лететь в Рим на встречу с учеными из Ватикана. Эрскин Уорд тоже

работал в Риме, у него были связи в тамошнем посольстве. Наверняка он хорошо говорил по-итальянски.

А что с семейством Клоков? — поинтересовался Пэррис. — Вы не рассказали мне о них. Были ли они связаны со всем этим?

Николас Клок работал финансовым консультантом в Провиденсе, штат Род-Айленд, — сообщила Джейн. — Его и его жену Аннабель убили на борту принадлежавшей им яхты неподалеку от Сент-Томаса.

Пэррис покачал головой.

Я не вижу никакой связи ни с семьей Яблонски, ни с супругами Уордами. У этих трех семей нет ничего общего.

«Если, конечно, не считать того, что их дети сейчас находятся в одной школе». Этого факта Джейн не раскрыла, потому что беспокоилась за детей. Убийце стоило лишь обнаружить их в «Вечерне», и он смог бы уничтожить их за один раз.

Не знаю, что все это означает, — признался Пэррис. — Но могу сказать, что напутало все это меня до ужаса. Гексогеном взорвали самолет Яблонски. Семтексом разрушили фермерский домик Темплов в Нью-Гэмпшире. Это не какие-то там любители. Подобные убийцы и не посмотрят, что мы полицейские. Они работают на совершенно ином уровне, со специальной подготовкой и доступом к военной взрывчатке. Мы с вами для них просто таракашки. Не забывайте об этом. — Он осушил свой бокал с мартини и поставил его на стол. — Ну, вот, собственно, и все, что я могу вам сказать. — Он махнул официантке. — Счет, пожалуйста.

Мы оплатим ужин, — пообещала Джейн.

Пэррис кивнул.

Очень вам благодарен.

Спасибо, что встретились с нами.

Нельзя сказать, что я добавил много нового, — заметил Пэррис, вставая с места. Несмотря на три бокала мартини, он удивительно твердо держался на ногах. — На самом деле это я должен благодарить вас.

За что?

Детектив бросил на Джейн взгляд, полный сочувствия.

Теперь я свободен. С этого момента они будут следить за вами.

В мотеле Джейн приняла горячий душ и, плюхнувшись в свою кровать, уставилась в темный потолок. Чашка кофе после ужина была ошибкой. Кофеин и события прошедшего дня не давали ей уснуть; мысли вертелись вокруг всего того, что им с Фростом удалось узнать. Джейн размышляла о значении всех этих новостей. А когда Риццоли наконец провалилась в сон, там ее ждало продолжение всей этой неразберихи.

Была ясная-преясная ночь. Держа на руках Реджину, она стояла в толпе и смотрела в небо, на сверкающие звезды. Некоторые звезды вдруг начали двигаться, словно светлячки, затем стали светить еще ярче, перемещаясь по небу в форме какой-то геометрической фигуры; при этом окружавшая Джейн толпа восхищенно забормотала.

Это были не звезды.

Джейн в ужасе поняла, что означали эти огни, и начала пробираться сквозь толпу, отчаянно ища укрытие. Место, где огни инопланетян ее не достанут. «Они прилетели за нами», — решила Риццоли.

Она внезапно проснулась, и сердце ее так колотилось, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Потея, Джейн так и лежала в ужасе, пока страшный сон не начал улетучиваться. Вот что случается, если поужинать с полицейским-параноиком, решила она. Потом снятся вторжения инопланетян. Не представители дружественных внеземных цивилизаций, а чудовища с космическими кораблями и бластерами. Да и почему бы инопланетянам не попытаться завоевать Землю? «Они наверняка такие же кровожадные, как и мы», — предположила Джейн.

Риццоли села на уголок кровати. Во рту пересохло, кожу охлаждал пот. Электронные часы, стоявшие на тумбочке, показывали два сорок. Через какие-то четыре часа им нужно выписаться из мотеля и отправиться на самолете в Бостон. Джейн поднялась во тьме и ощупью добралась до ванной, чтобы попить воды. Когда она проходила мимо окна, сквозь шторы мелькнул и пропал тонкий луч фонарика.

Джейн приблизилась к окну, отодвинула штору и поглядела на неосвещенную парковку. Мотель был забит битком, все парковочные места занимали автомобили. Джейн вгляделась в темноту, пытаясь понять, откуда светил фонарик, и уже собралась было опустить штору, как вдруг в одной из машин зажглось верхнее освещение.

«Это машина, которую мы взяли напрокат», — поняла Риццоли.

В дорогу она не взяла с собой оружие, не брал его с собой и Фрост. Невооруженные, без подкрепления, они вынуждены столкнуться… с чем? Джейн схватила мобильный и воспользовалась быстрым набором. Прозвучало несколько длинных сигналов. Фрост ответил ей сонным голосом.

Кто-то копается в нашей машине, — прошептала она в трубку, натягивая синие джинсы. — Я выхожу на улицу.

Что? Подожди!

Она застегнула молнию на ширинке.

Через тридцать секунд я выйду за дверь.

Погоди, погоди! Я сейчас приду.

Джейн схватила фонарик, карточку-ключ от своего номера и босиком выскочила в коридор как раз в тот момент, когда из соседней двери появился Фрост. Неудивительно, что он успел: Барри по-прежнему был в пижаме. В красно-белую полоску — такие были в моде во времена Кларка Гейбла.

Фрост заметил пристальный взгляд Джейн.

Что такое? — спросил он.

Да у меня прямо глаза разболелись. Ты словно ходячая неоновая лампа, — пробормотала Риццоли, когда они шли к боковому выходу, расположенному в конце коридора.

Каков план?

Нужно понять, кто в нашей машине.

Возможно, стоит позвонить девять-один-один.

Пока они ответят, преступник уже сбежит.

Выскользнув из двери бокового выхода во мрак, они спрятались за ближайшим автомобилем. Поверх заднего бампера Джейн взглянула на то парковочное место, где стояла их машина. Верхний свет в салоне уже не горел.

Ты действительно видела кого-то в машине? — шепотом спросил Барри.

Прозвучавшее в его голосе недоверие не понравилось Джейн. В этот поздний час, стоя босиком на колючем асфальте, последнее, что она хотела слышать, — сомнения господина Неоновая Пижама.

Риццоли на четвереньках поползла к их машине, не зная, следует ли за ней Фрост, и даже не заботясь об этом, поскольку теперь она и сама начала сомневаться в себе. Стала думать: а вдруг свет, который она увидела, был всего-навсего отголоском ее кошмарного сна? Сначала инопланетяне были в ее сне, а теперь — на парковке.

До машины осталось проползти всего одно парковочное место.

Джейн остановилась, прижав вспотевшую ладонь к заднему бамперу какого-то пикапа. Теперь ей надо было сделать всего два шажка и оказаться у бампера машины, которую они взяли напрокат. Стоя на корточках в темноте, Риццоли прислушивалась к звукам: не раздается ли шорох или хоть какой-нибудь шум, но улавливала только отдаленный гул автомобилей.

Джейн чуть-чуть продвинулась вперед и заглянула в проход между двумя машинами. Увидела свободное пространство. Нотка сомнения, проскользнувшая в голосе Фроста, теперь зазвучала и в ее голове, она становилась все громче. Джейн ползком обогнула их машину с задней стороны, чтобы взглянуть на пассажирские дверцы.

Там тоже никого не было.

Риццоли выпрямилась и, оглядывая парковку, ощутила на своем лице дуновение ночного ветерка. Если сейчас за ними кто-то наблюдает, он наверняка заметит ее на самом виду. Фрост тоже тут как тут — еще более очевидная цель в красно-белой пижаме.

Никого, — сказал он. Это был не вопрос, скорее, констатация факта.

Джейн была слишком раздражена, а потому вместо ответа включила свой фонарик и обошла машину. На поверхности автомобиля не было ни одной царапины, а на мостовой вокруг него ничего не валялось, кроме затоптанного окурка, который, судя по виду, лежал тут уже несколько недель.

Мой номер вон там, — сказала Риццоли, указывая на свое окно. — Я видела свет сквозь занавески. Это был фонарик. Я посмотрела в окно, и тут вспыхнул верхний свет в салоне. Кто-то влез в нашу машину.

А ты видела кого-нибудь?

Нет. Он наверняка подполз к машине.

Что ж, если он влез в машину, значит, она была... — Фрост запнулся. — Не заперта.

Что?

Она не заперта. — Фрост потянул за ручку водительской дверцы, и в салоне зажегся верхний свет. Напарники замерли, пристально глядя на освещенную машину.

Я запирала ее сегодня.

Уверена?

Почему ты все время во мне сомневаешься? Я прекрасно помню, что заперла этот чертов замок. Ты хоть раз видел, чтобы я не запирала машину?

Нет, — признался Фрост. — Ты всегда ее запираешь. — Он посмотрел вниз, на ручку, которой только что коснулся. — Черт. Отпечатки пальцев.

Меня больше беспокоит, зачем кто-то влез в нашу машину. И что он там искал.

А если он ничего не искал? — спросил Фрост.

Через окно Джейн пристально поглядела на переднее сиденье и подумала об Оливии и Ниле, садившихся в свою «Сессну Скайхок». Вспомнила о гексогене, семтексе и фермерском домике в Нью-Гэмпшире, который взорвался и воспламенился.

Давай заглянем под машину, — спокойно предложила она.

Риццоли не пришлось ничего объяснять: Фрост уже отстранился

от водительской дверцы и последовал за Джейн к заднему бамперу. Опустившись на колени, Риццоли ощутила, как в ее ладони впиваются камешки из неровного асфальта; она наклонилась, чтобы взглянуть на дно машины. Луч ее фонарика метнулся по глушителю, выхлопной трубе и листам днища. Однако ничто не привлекло ее внимания, ничто не показалось странным.

Джейн выпрямилась и ощутила боль в шее от неудобной позы. Потирая напряженные мышцы, она подошла к передней части автомобиля и снова опустилась на четвереньки, чтобы оглядеть ходовую часть.

Бомбы не было.

Открыть багажник? — спросил Фрост.

Ага. — «Надеюсь, все это не взлетит до небес».

Барри чуть помедлил, явно разделяя опасения Джейн, потом сунул руку под панель управления и потянул за отжимной рычаг.

Джейн подняла крышку багажника и посветила фонариком в пустое пространство. Бомбы не было. Она приподняла коврик и поглядела в выемку с запасной шиной. Бомбы не было.

Может, все это мне и вправду приснилось, подумала Риццоли. Возможно, я действительно забыла запереть машину. И вот они стоят тут в три часа ночи, растрачивая попусту время сна; да еще Фрост со своей жуткой пижамой.

Она закрыла багажник и раздраженно фыркнула.

Придется осмотреть салон.

Да, да, сейчас, — пробормотал Фрост. — Все равно уже ночь почти закончилась.

Он забрался на переднее сиденье; его обтянутый пижамными штанами зад торчал из окна. И кто бы мог подумать, что он решит обрядиться в полосатую рождественскую карамельку? Пока ее напарник копался в бардачке, Джейн опустилась на колени и посветила фонариком в нишу левого заднего колеса. Разумеется, она ничего не увидела. Джейн переместилась к передней части машины и сделала то же самое с левым и правым передними колесами, затем вернулась к заднему правому. Опустившись на колени, Риццоли направила свет фонарика в пространство над шиной.

Увиденное заставило ее замереть.

Я кое-что нашел! — воскликнул Фрост.

И я тоже. — Опустившись на корточки, Джейн пристально глядела в нишу колеса, а по спине у нее разливался холод. — Подойди-ка и взгляни на это, — спокойно предложила она.

Выбравшись из машины, Фрост опустился на корточки рядом с напарницей. Устройство, по размеру не превосходившее мобильный телефон, было прикреплено к внутренности колесной ниши.

Что это, черт возьми?

Похоже на устройство слежения.

А что ты обнаружил внутри?

Фрост взял Джейн за руку и оттащил на несколько шагов от машины.

Эта штука под пассажирским сиденьем, — прошептал Барри. — Они даже и приклеить-то ее не потрудились. Думаю, им пришлось поспешно смыться. — Фрост ненадолго умолк. — Поэтому они оставили дверцу незапертой.

Но это не из-за того, что они заметили нас. Они ушли еще до того, как мы оказались на улице.

Ты звонила мне по мобильному, — сказал Фрост. — Это и послужило им предупреждением.

Джейн пристально поглядела на Барри.

Ты считаешь, что наши телефоны прослушивают?

Подумай сама. Жучок под сиденьем и устройство слежения в колесной нише. Почему бы им не перехватить наши разговоры?

Детективы услышали шум двигателя и обернулись как раз в тот момент, когда какая-то машина внезапно вырулила с парковки. Босые и теперь уже окончательно взбодрившиеся, они стояли возле своей машины, которую теперь с легкостью можно было прослушать и отследить, и чувствовали, что эти события уже не дадут им уснуть.

Пэррис вовсе не параноик, — заметил Фрост.

Джейн подумала о сгоревшем фермерском доме. Об убитых семьях.

Они знают, кто мы, — ответила Риццоли.

«И где мы живем», — мысленно добавила она.

25

Этим утром обеденный зал «Вечерни» казался до странности притихшим — студенты и преподаватели разговаривали полушепотом, и даже посуда звенела как-то приглушенно. По бокам от опустевшего места доктора Уэлливер сидели доктор Паскантонио и госпожа Дюплесси — оба старательно избегали смотреть на свободный стул, который всего несколько дней назад занимала их покойная коллега.

«Неужели так всегда происходит после смерти? — задумалась Клэр. — Все делают вид, что тебя никогда не существовало?»

Ничего, если мы присядем рядом, Клэр?

Девочка подняла глаза и увидела Тедди и Уилла, стоявших над ней с подносами. Удивительное дело — теперь сразу двое мальчишек стремятся сесть рядом с ней.

Как хотите, — ответила она.

Пареньки подсели к ее столу. На тарелке Уилла красовалась внушительная порция яичницы с колбасой. Тедди взял лишь чуточку картошки и один-единственный кусочек жареного хлеба без масла. Эти ребята были совершенно разными, даже если судить по их вкусам в еде.

У тебя хоть на что-нибудь нет аллергии? — спросила девочка у Тедди, указывая на его завтрак.

Сегодня не хочется есть.

Тебе никогда не хочется.

Поправив очки на бледной переносице, он указал на колбасу, что лежала в тарелке Клэр.

Понимаешь, она содержит токсины. Мясо, обработанное с использованием высоких температур, содержит канцерогены из гетероциклических аминов.

Ням-ням. Неудивительно, ведь она такая вкусная. — Клэр положила последний кусочек в рот — из одного лишь желания возразить.

Когда тебе стреляют в голову, начинаешь по-другому относиться ко всяким пустякам вроде канцерогенов.

Уилл наклонился поближе к девочке и тихо произнес:

Сегодня будет особое собрание, сразу после завтрака.

Какое еще собрание?

Собрание «Шакалов». Они и тебя ждут.

Клэр сосредоточила внимание на круглом прыщавом лице Уилла, и в ее голове внезапно всплыло одно слово — эндоморф. Она вычитала его в учебнике по медицине, и этот термин звучал куда добрее, чем все те

слова, которыми Брайана называла Уилла у него за спиной. Толстяк. Прыщавый поросенок, У них это было общее: и Уилла, и Клэр обзывали; дразнили и Тедди. Три изгоя, дети слишком странные, толстые или близорукие для того, чтобы хоть раз оказаться за одним столом с крутыми ребятами. Поэтому они обживут этот стол — стол отщепенцев.

Пойдешь? — спросил Уилл.

Зачем я им понадобилась на их дурацком собрании?

Потому что нам нужно объединить усилия и обсудить то, что случилось с доктором Уэлливер.

Я уже всем рассказала о том, что случилось, — возразила Клэр. — Рассказала полицейским. Рассказала доктору Айлз. Рассказала…

Он имеет в виду обсудить то, что было на самом деле, — пояснил Тедди.

Клэр нахмурилась. Тедди — эктоморф. Это слово она тоже вычитала в учебнике. Экто- как в эктоплазме, бледный и тонкий, словно дымка, будто бы призрак.

Ты намекаешь, что я говорила неправду?

Я вовсе не это имел в виду, — возразил Уилл.

Но звучало это именно так.

Нам просто интересно… Шакалам интересно…

Вы говорите что-то у меня за спиной? Ты и этот клуб?

Мы пытаемся понять, как все это произошло.

Доктор Уэлливер прыгнула с крыши и шлепнулась на землю. Тут и понимать-то нечего.

Но почему она так поступила? — спросил Уилл.

В половине случаев я и сказать-то тебе не смогу, почему я делаю то, что делаю, — ответила Клэр и поднялась из-за стола.

Потянувшись через стол, Уилл схватил девочку за руку, чтобы та не уходила.

Но разве ты понимаешь, почему она прыгнула с крыши?

Клэр пристально поглядела на руку мальчика, что лежала на ее пальцах.

Нет, — призналась она.

Вот поэтому ты и должна прийти, — взволнованно произнес мальчик. — Но никому не рассказывай. Джулиан говорит, это только для Шакалов.

Клэр бросила взгляд в другой конец обеденного зала, где за своим столом сидела Брайана с блестящими волосами и разводила сплетни с другими крутыми ребятами.

Она, что ли, тоже придет? Это что, какой-нибудь розыгрыш?

Клэр, ведь это я тебя прошу, — сказал Уилл. — Ты же знаешь, что мне можно доверять.

Девочка посмотрела на Уилла и в этот раз не стала разглядывать его прыщи и круглое лицо; она сосредоточилась на его глазах. На кротких карих глазах с длинными ресницами. Сколько она помнила, Уилл ни разу не делал и не говорил ничего нехорошего. Он бывал бестолковым, иногда назойливым, но никогда никого не оскорблял. «В отличие от меня», — подумала Клэр. Она вспомнила все те моменты, когда намеренно игнорировала его, или закатывала глаза в ответ на слова мальчика, или смеялась вместе со всеми над тем, как он нырял в озеро бомбочкой и пускал при этом чудовищные брызги. «Кажется, какой-то фермер потерял борова», — говорили другие девчонки, и Клэр не оспаривала этот грубый комментарий. Сейчас, когда она смотрела Уиллу в глаза, ей было стыдно за себя.

Где будет собрание? — спросила она.

Бруно проводит нас.

Тропка, поднимавшаяся на расположенный позади школы холм, была крутой и каменистой; бродя по ночам, Клэр еще ни разу не заходила в эти края. Дорожка была настолько неисхоженной, что без провожатого в лице Бруно Чинна Клэр наверняка заплутала бы среди деревьев. Как и ей, Бруно было тринадцать лет, еще один изгой, приговоренный на веки вечные быть самым низеньким в группе, но при этом мальчик нисколько не унывал. Он, словно горный козлик, вспрыгнул на валун и бросил нетерпеливый взгляд на соучеников, которые плелись позади.

Может, кто-нибудь хочет пробежаться со мной до самого верха? — предложил мальчик.

Уилл остановился; его лицо стало ярко-розовым, а футболка прилипла к рыхлому туловищу.

Я помираю, Бруно. Может, передохнем?

Бруно жестом указал вперед — этакий улыбающийся наполеончик, ведущий своих подопечных на верхушку холма.

Не будьте такими лентяями. Вам надо приобретать форму, такую же, как у меня.

Ты не хочешь убить Бруно? — пробормотала Клэр. — Или предоставишь это мне?

Уилл утер пот с лица.

Подожди минутку. Я приду в себя. — Мальчик глотнул воздуха.

Конечно же, когда он снова потащился вверх, тяжело и хрипло

дыша, Уилл не выглядел пришедшим в себя человеком; при этом его ноги в огромных ботинках постоянно скользили по мху.

Куда мы идем? — крикнула Клэр.

Остановившись, Бруно обернулся к трем своим одноклассникам.

Прежде чем мы двинемся дальше, вы должны дать обещание.

Какое еще обещание? — удивился Тедди.

Что вы никому не расскажете об этом месте. Оно наше, и меньше всего нам хотелось бы, чтобы старый ворчливый господин Роман заявил, что сюда заходить запрещено.

Думаешь, он еще ничего не знает? — фыркнула Клэр.

Просто дайте обещание. Поднимите правые руки.

Вздохнув, Клэр подняла руку. За ней последовали Уилл и Тедди.

Обещаем, — хором произнесли они.

Что ж, хорошо. — Бруно снова отвернулся и раздвинул заросли кустарника. — Добро пожаловать в Логово Шакалов.

Клэр первой ступила на поляну. Увидев каменные ступени, покрытые скользким мхом, она поняла, что эта лужайка меж деревьев образовалась не сама собой, а с человеческой помощью. Но очень давно. По ступеням девочка поднялась на круглую террасу, сооруженную из видавшего виды

гранита, и оказалась в кольце из тринадцати валунов, где уже сидели ее одноклассники Лестер Гриммет и Артур Тумз. По соседству, в тени деревьев, стояла каменная хижина с зеленой от мха крышей; ставни ее были захлопнуты, а тайны скрыты от посторонних глаз.

Тедди приблизился к центру кольца и, медленно поворачиваясь, оглядел тринадцать валунов.

Что это за место? — удивленно спросил мальчик.

Я пытался прочитать о нем в школьной библиотеке, — ответил Артур. — Думаю, господин Магнус построил его одновременно с замком, но оно нигде не упоминается.

Как вы его обнаружили?

Это не мы. Много лет назад его нашел Чак Шакман. Шакалы заняли его, и с тех пор оно наше. Этот каменный дом разваливался, когда Шакман увидел его впервые. Он и первые Шакалы починили его, положили крышу и поставили ставни. Когда холодно, мы собираемся в нем.

Кому пришло в голову поставить дом здесь, на такой верхотуре, посреди леса?

Немного странно, да? Как и эти тринадцать валунов. Почему тринадцать? — Артур понизил голос. — Может, господин Магнус практиковал какой-то культ или нечто подобное?

Клэр поглядела вниз, туда, где клочки травы пробивались сквозь щели в камнях. Со временем молодая поросль, а затем и деревья сделают свой вклад в маскировку этого сооружения — вспучат, расслоят и разрушат гранит. Годы уже и так нанесли ему вред. Но нынешним летним утром, когда в отдалении висел легкий туман, девочке показалось, что это место неподвластно времени, что оно всегда было таким.

Думаю, оно куда старше замка, — предположила девочка. — Мне кажется, что его соорудили уже очень давно.

Клэр подошла к краешку террасы. Сквозь просветы между деревьями она посмотрела в долину. Там стояла школа «Вечерня» со своими многочисленными башенками и дымоходами, а за ней виднелись темные воды озера. Отсюда, подумала она, можно увидеть весь свет. По озеру плыли два каноэ, рисуя на воде следы. А вон студенты едут верхом — движущиеся точки на тропке-царапинке. Стоя здесь, чувствуя ветер на своем лице, Клэр ощущала себя всевидящей и всемогущей. Королевой вселенной.

Звук собачьего лая возвестил о том, что приближается Джулиан. Обернувшись, Клэр увидела, как он широкими шагами поднимается по ступеням на каменную террасу. Волк, как всегда, бежал у его ног.

Ну что же, все добрались, — сказал Джулиан и поглядел на Клэр. — Вы дали зарок?

Мы пообещали не рассказывать о здешнем месте, если ты это имеешь в виду, — ответила она. — Вы ведь никакой не тайный орден. Зачем же нам встречаться здесь?

Чтобы иметь возможность говорить только то, что действительно думаем. Ни один посторонний нас не услышит. И то, что сказано здесь, здесь и останется. — Джулиан оглядел сидевших кругом студентов, теперь их было семеро.

Хорошенькое сборище, подумала Клэр. Бруно — веселый горный козлик. Артур, который, прежде чем использовать какую-нибудь вещь, раз пять постучит по ней. Лестер — его кошмарные сны заканчиваются такими воплями, что просыпаются все студенты. Клэр была единственной девочкой в этой группе, но даже среди таких чудаков она чувствовала себя самой чудной.

Происходит нечто странное, — начал Джулиан. — Они не рассказывают нам всей правды о докторе Уэлливер.

Что ты имеешь в виду — всей правды? — удивился Тедди.

Я не уверен, что она покончила жизнь самоубийством.

Я же видела, как она сделала это, — возразила Клэр.

Возможно, на самом деле случилось нечто иное.

Ты что, называешь меня врушкой? — рассвирепела Клэр.

Я видел, как Маура положила в пакет сахарницу доктора Уэлливер и отправила ее в криминалистическую лабораторию. А в тот вечер, когда она вернулась после вскрытия, Маура долго совещалась о чем-то с несколькими преподавателями. Они обеспокоены, Клэр. Полагаю, они даже напуганы.

А при чем здесь мы трое? — спросил Уилл. — Зачем вы позвали нас сюда?

Потому что вы втроем каким-то образом оказались в центре всего этого, — ответил Джулиан, повернувшись к Уиллу. — Я слышал, как Маура говорила по телефону с детективом Риццоли и называла все ваши

имена. Уорд. Клок. Яблонски. — С Уилла он перевел взгляд на Тедди, а затем на Клэр. — Что вас объединяет?

Клэр посмотрела на двух своих спутников и пожала плечами.

То, что мы странные?

Бруно издал один из своих противных смешков.

Будто бы это и так неясно.

Еще их личные дела, — вмешался Артур.

А что наши личные дела? — спросила девочка.

В день гибели доктора Уэлливер я был у нее на приеме в одиннадцать часов. Войдя в кабинет доктора, я увидел на рабочем столе три открытые папки. Типа, она их читала. Там было твое дело, Клэр. А еще Уилла и Тедди.

В тот вечер, после ее самоубийства, эти папки по-прежнему лежали на столе. Доктора Уэлливер привлекло нечто, связанное со всеми вами.

Клэр оглядела лица одноклассников, ожидавших ее ответа.

Вы же и так знаете, что именно. Это касается наших семей. — Она повернулась к Уиллу. — Расскажи им, как погибли твои родители.

Уилл уткнулся взглядом в свои ноги, эти огромные ступни в громадных кедах.

Говорили, что это просто несчастный случай. Крушение самолета. Но позже я узнал...

Что это вовсе не несчастный случай, — догадался Джулиан.

Уилл покачал головой.

Это была бомба.

Тедди, — попросила Клэр, — расскажи им то, что рассказывал мне. О твоей семье.

Я не хочу говорить об этом, — прошептал Тедди.

Девочка перевела взгляд на других студентов.

Их убили, как и родителей Уилла. Как и моих родителей. Вы ведь это хотели услышать, верно? Вот что у нас общее.

Расскажи им все остальное, Клэр, — попросил Джулиан. — О том, что случилось с вашими приемными семьями.

Все глаза снова смотрели на Клэр.

Ты же знаешь, что случилось, — сказала девочка. — Зачем ты делаешь все это? Весело, что ли, измываться над странными подростками?

Я просто пытаюсь понять, что у нас происходит. С вами и со школой. — Джулиан поглядел на других Шакалов. — Мы говорим, что когда-нибудь станем следователями и сумеем изменить мир. Мы тратим все время на изучение типов крови и мясных мух, но это всего-навсего теория. Теперь у нас есть настоящее расследование, которое проводится прямо здесь, рядом с нами. А эти трое в центре расследования.

Почему бы тебе просто не расспросить доктора Айлз? — удивился Уилл.

Она сказала, что не может говорить об этом. А если и может, то, во всяком случае, не со мной, — сказал Джулиан с едва различимой ноткой досады в голосе.

Так вы собираетесь вести свое собственное расследование? Компания детишек? — Клэр рассмеялась.

А почему бы и нет? — Джулиан подошел к девочке, приблизился так, что ей пришлось поднять голову, чтобы поймать его взгляд. — Разве тебе не интересно, Клэр? А вам, Уилл и Тедди? Кто хочет вашей смерти? Почему они так сильно хотят умертвить вас, что уже дважды пытались убить?

Это как в том жутком фильме, «Пункт назначения», — слишком уж радостно объявил Бруно. — О ребятах, которые должны были погибнуть во время крушения самолета, но выжили. И Смерть продолжала ходить за ними по пятам.

Но это не фильм, Бруно, — возразил Джулиан. — Речь идет не о сверхъестественном. Все это делают реальные люди, и не просто так. Нам нужно понять, зачем это им.

Клэр презрительно усмехнулась.

Подумать только! Вы считаете, что сможете узнать то, что не удается понять полиции? Вы всего лишь группка ребяток с микроскопами и наборами юного химика. Скажи мне, Джулиан, когда ты собираешься

заниматься своей потрясающей детективной работой — на переменках между уроками?

Для начала я хочу расспросить тебя. Ведь это все происходит с тобой, Клэр. Ты должна хотя бы догадываться, что связывает вас троих.

Девочка посмотрела на Уилла и Тедди. На эндоморфа и эктомор- фа.

Ну, мы уверены, что никак не связаны, поскольку совершенно не похожи друг на друга.

И все жили в разных местах, — добавил Уилл. — Мои мама и папа погибли в Мэриленде.

Моих родителей убили в Лондоне, — сказала Клэр, а про себя добавила: «Я там тоже чуть не умерла».

Тедди? — спросил Джулиан.

Я же сказал, что не хочу говорить об этом, — ответил мальчик.

Возможно, это важно, — настаивал Джулиан. — Разве ты не хочешь знать ответ? Разве тебе все равно, почему они погибли?

Я знаю, почему они погибли! Потому что мы были на яхте. На дурацкой яхте моего папы неизвестно где! Если б мы не оказались на ней, если бы мы просто остались дома...

Расскажи им, Тедди, — мягко надавила Клэр. — Расскажи, что произошло на яхте.

Тедди довольно долго не произносил ни слова. Он стоял, опустив голову, и глядел вниз, на камни. Когда парнишка наконец заговорил, его голос прозвучал так тихо, что они едва слышали его.

Там были люди с пистолетами, — прошептал Тедди. — Я слышал крики. Моей мамы. И сестер. Но я не мог им помочь. Единственное, что я смог... — Парнишка покачал головой. — Я ненавижу воду. И больше не хочу оказаться на яхте.

Клэр подошла к Тедди и обхватила его руками. Почувствовала, как его сердце, словно птичка, трепещет в хрупкой грудной клетке.

Тут нет твоей вины, — пробормотала она. — Ты не смог бы их спасти.

Но я выжил, а они — нет.

Не вини себя. Обвиняй тех, кто это сделал. Или этот поганый мир. Или своего папу, который посадил тебя на яхту. Но никогда не вини себя, Тедди.

Парнишка дернулся из ее объятий и попятился назад, прочь из каменного круга.

Глупость какая-то. Я не хочу играть в эту игру.

Это вовсе не игра, — возразил Джулиан.

Для вас — точно игра, — парировал Тедди. — Для тебя и вашего идиотского клуба. Вы не понимаете, что ли? Для нас это реальная жизнь. Наша жизнь.

Именно поэтому вы и должны всё понять, вы, втроем, — сказал Джулиан. — Вам нужно объединить усилия. И сообразить, что у вас общего. Семьи, родители, места, где вы учились. Нужно обнаружить ту самую связь, человека, который вас объединяет.

Человека? — тихо переспросил Уилл. — Ты хочешь сказать, убийцу?

Джулиан кивнул.

Все сводится к этому. Есть человек, который был в вашей жизни или в жизни ваших родителей. Возможно, он прямо сейчас разыскивает вас.

Поглядев на Уилла, Клэр вспомнила его слова: «У меня такое чувство, что я видел тебя раньше». Никаких воспоминаний о мальчике у нее не сохранилось. Она очень много чего не помнила, но это оттого, что ей выстрелили в голову. На эту самую пулю можно списать кучу всего: от ее заурядных отметок до бессонницы и ужасного характера.

А теперь еще и старая головная боль вернулась. Клэр и ее списывала на эту пулю.

Подойдя к валуну, она села и принялась массировать кожу головы — пальцы нещадно терли то место, где когда-то был поврежден череп. Оно — постоянное напоминание о том, что девочка потеряла навсегда. У ее ног, между камнями, виднелся дохленький росток. Даже гранит не в силах остановить неизбежное. В один прекрасный день это молодое деревце расколет и приподнимет камень. Даже если бы я срезала этот росток, появился бы новый.

С убийцами происходит то же самое.

Открыв дверцу своего стенного шкафа, Клэр потянулась к полке, где стояла потрепанная картонная коробка. Девочка не доставала ее с тех пор, как приехала в «Вечерню», и уже едва помнила, что в ней лежит. Два года назад они с Барбарой Бакли положили туда несколько памятных вещей из лондонской квартиры ее родителей. С тех пор эта коробка путешествовала с Клэр из Лондона в Итаку, а потом и в школу, но девочка ни разу не заглянула внутрь. Она боялась снова увидеть лица родителей, боялась вспомнить все то, что потеряла. Усевшись на свою кровать, Клэр поставила коробку рядом. Посидела немного, чтобы приготовиться к потрясению, а затем подняла крышку.

Сверху лежал фарфоровый единорог. Иззи, подумала она. Я помню его имя. Он принадлежал маме, дурацкая безделушка, купленная Изабель Уорд на каком-то блошином рынке. Мама считала его счастливым талисманом. «Счастье закончилось, мама, — подумала Клэр. — Закончилось для всех нас».

Девочка бережно поставила единорога на свою тумбочку и снова полезла в коробку. Бархатный мешочек на шнурке, в котором хранились мамины украшения. Паспорта родителей. Шелковый шарф со слабым ароматом духов, каких-то бодрящих, с ноткой лимона. И наконец — на дне коробки лежали два фотоальбома.

Клэр вынула их и положила себе на колени. По виду сразу было ясно, какой из двух более новый — в конце у него осталось несколько свободных страниц. Его девочка открыла первым, и с первой же фотографии ей улыбнулось собственное изображение. Она в воздушном желтом платье стояла у входа в «Мир Диснея», держа в руке воздушный шарик. Клэр не могла вспомнить ни платье, ни тот факт, что она была в «Мире Диснея». Сколько лет ей на этой фотографии? Три? Четыре? Она не умела определять возраст детей. Если бы не было этой фотографии, она и знать бы не знала, что когда-то ходила в Волшебное королевство.

Еще одно утраченное воспоминание, подумала Клэр. Ей захотелось выдрать из альбома эту страницу и разорвать лживую фотографию на мелкие кусочки. Раз она такого не помнит, значит, этого могло и не быть. Это не альбом, а сплошная ложь — чужое детство, чужие воспоминания.

Можно мне войти, Клэр? — спросил Уилл, заглядывая в дверной проем. Судя по всему, он боялся шагнуть в комнату и, опустив голову, топтался в коридоре, словно Клэр могла чем-нибудь в него кинуть.

Как хочешь, — ответила девочка. Таким образом она приглашала его войти, но, когда он попятился, Клэр крикнула: — Эй, куда пошел? Разве ты не хочешь войти и посмотреть мою комнату?

Только после этого Уилл перешагнул порог, но, замешкавшись у самой двери, начал нервно осматриваться — бросил взгляд на книжные полки, письменные столы, комоды с зеркалами. Парнишка старался не смотреть на кровати, будто они были способны прыгнуть и укусить его.

Мои соседи по комнате собирают вещи для поездки в Квебек, — сообщил он. — Мерзко, что мы не можем завтра поехать вместе с ними.

Думаешь, мне хочется часы напролет торчать в автобусе? Лучше уж остаться здесь, — сказала Клэр, хотя это была не совсем правда: действительно мерзко, когда тебя оставляют где-то одну.

Она перевернула страницу альбома и снова увидела собственное изображение; на этот раз девочка в ковбойской шляпе сидела верхом на каком-то замученном жизнью пони.

Это ты? — рассмеялся Уилл. — Ты очень хорошенькая.

Хлопнув альбомом, Клэр в раздражении закрыла его.

Я просто провожу исследование, как просил нас Джулиан.

Я тоже провожу исследование. — Уилл вытащил из кармана, а затем развернул лист бумаги. — Я работаю над хронологией нашей жизни. Тут все, что произошло с тобой, мной и Тедди, и то, как эти события могут соотноситься. Пытаюсь понять: вдруг у нас что-нибудь пересекается? Точных дат Тедди у меня пока нет, зато твои я записал. Хочешь проверить?

Клэр взяла в руки лист бумаги и сосредоточилась на двух отметках, представлявших собой ее личные трагедии. Первая дата — тот день, когда в Лондоне стреляли в нее и ее родителей; это событие запечатлелось в памяти Клэр так туманно, словно все произошло вовсе не с ней, а с какой-то другой девочкой. А вот второе оказалось настолько свежим, что Клэр тут же начало мутить от чувства вины. Последние несколько недель она упрямо отказывалась думать о нем, но сейчас, когда она увидела дату в хронологии Уилла, на нее нахлынули тошнотворные воспоминания. Как беспечно она выскользнула из дома Бакли в тот вечер. Какими усталыми и взволнованными выглядели Боб и Барбара, когда подъехали к ней в своей машине. «Они погибли из-за меня, — подумала Клэр. — Из-за того, что я вела себя, как безмозглая соплячка».

Девочка сунула хронологию Уиллу.

Да. Даты правильные.

Парнишка указал на фотоальбомы.

Ты что-нибудь обнаружила?

Только фотографии.

Можно посмотреть?

Клэр больше не хотела показывать фотографии, от которых ей приходилось стесняться, поэтому она отложила более новый альбом и открыла вместо него родительский. На первой странице девочка увидела своего отца Эрскина, высокого и красивого мужчину в костюме и галстуке.

Это мой папа, — пояснила она.

А за ним Монумент Вашингтона! Я был там. Когда мне было восемь лет, папа возил меня в Музей авиации и космонавтики. Это такое классное место!

Ох-хо-хо!

Уилл посмотрел на нее.

Зачем ты это делаешь, Клэр?

Делаю что?

Все время меня опускаешь?

Возражение уже готово было слететь с ее губ, но тут Клэр поглядела на лицо Уилла и вдруг поняла, что мальчик говорит правду. Она постоянно его опускает. Девочка вздохнула.

На самом деле я не специально.

То есть не потому, что ты считаешь, будто я этого заслуживаю? Что я типа отвратительный и так далее?

Нет. Это потому, что я просто не думаю. Дурацкая привычка.

Уилл кивнул.

У меня тоже есть дурацкие привычки. Типа, что я все время говорю слово «типа».

А ты возьми и перестань.

Давай договоримся, что мы оба прекратим. Ладно?

Конечно. Как хочешь.

Клэр перевернула еще несколько страниц альбома и увидела другие фотографии своего красавца отца, который позировал в самых разных местах. Под деревьями, на пикнике со своими друзьями. В плавках на пляже с пальмами. Она добралась до фотографии папы с мамой — они в обнимку стояли перед римским Колизеем.

Смотри. Это моя мама, — тихо проговорила Клэр, проведя пальцем по изображению. Внезапно аромат духов с шарфа прорвался сквозь туман утраченных воспоминаний, и девочка снова ощутила запах маминых волос, почувствовала прикосновение ее рук к своему лицу.

Ты на нее похожа, — потрясенно произнес Уилл. — Она очень красивая.

Они оба красавцы, думала Клэр, жадно вглядываясь в изображения матери и отца. Когда была сделана эта фотография, они наверняка думали, что весь мир у их ног. Оба были потрясающе хороши, и впереди была целая жизнь. К тому же они жили в Риме. Интересно, они хоть раз задумывались — представляли ли вообще, — как преждевременно закончится их будущее?

Этот снимок был сделан девятнадцать лет назад, — сказал Уилл, обратив внимание на дату, которую мама Клэр написала в альбоме.

Они тогда только поженились. Папа работал в посольстве. Был секретарем политического отдела.

В Риме? Круто. Ты там родилась?

В моем свидетельстве о рождении написано, что я родилась в Вирджинии. Думаю, мама приехала домой меня рожать.

Они перевернули еще несколько страниц и увидели другие фотографии той же красивой пары — мама и папа Клэр, улыбаясь, сидели за ужином, поднимали бокалы с шампанским на коктейльной вечеринке, махали руками с какого-то моторного катера. Проживали la dolce vita, как говорила девочке мама. Сладкую жизнь. Вот что видела Клэр на этих фотографиях — свидетельства, как казалось раньше, нескончаемой череды прекрасных моментов, проведенных с коллегами и друзьями. Но ведь фотоальбомы для того и созданы, чтобы представлять лучшие мгновения жизни. Мгновения, которые хочется вспомнить, а не те моменты, о которых мечтаешь забыть.

Смотри. Похоже, это ты, — сказал Уилл.

На фотографии была запечатлена мама Клэр; улыбаясь, она сидела на больничной койке и держала на руках младенца. Девочка посмотрела на дату, написанную от руки, и подтвердила:

Да, это день моего рождения. Мама говорила, что все случилось очень быстро. Сказала, что я торопилась выйти наружу, и она едва успела доехать до больницы.

Уилл рассмеялся.

Ты и сейчас всегда торопишься выйти наружу.

Клэр начала переворачивать страницы, минуя скучные младенческие фотографии. Она в прогулочной коляске. В стульчике для кормления. С бутылочкой. Ни одна из этих фотографий не помогла ей восстановить воспоминания, потому что они были сделаны еще до того, как ее память утвердилась. С таким же успехом она могла разглядывать фотографии любого другого малыша.

Клэр добралась до финальной страницы. На двух последних фотографиях девочки не было. На них была запечатлена очередная коктейльная вечеринка, очередная компания чужаков, державших в руках винные бокалы. Тяготы жизни с дипломатом, как любила шутить мама. «Постоянно улыбайся и наливай». Клэр собралась было захлопнуть альбом, но тут Уилл накрыл ее руку своей.

Погоди, — сказал он. — Эта фотография.

Что с ней?

Уилл взял у девочки альбом и наклонился поближе, изучая одну из фотографий с вечеринки. На ней был папа Клэр с коктейльным бокалом в руке; он смеялся вместе с каким-то другим мужчиной. Сделанная от руки подпись гласила: «4 июля. С днем рождения, США!»

Эта женщина, — пробормотал Уилл. Он указал на худенькую брюнетку, стоявшую по правую руку от Эрскина Уорда. На ней было зеленое платье с глубоким вырезом и золотистым поясом; взгляд женщины был прикован к отцу Клэр — она смотрела на него с нескрываемым восхищением. — Ты знаешь, кто она? — спросил Уилл.

А я должна знать?

Посмотри на нее. Постарайся вспомнить, видела ли ты ее когда-нибудь.

Чем пристальней Клэр всматривалась в женщину, тем более знакомой она ей казалась, но это было лишь слабое воспоминание, в котором

девочка не могла быть уверена. Возможно, воспоминания и вовсе не существовало, просто Клэр слишком сильно старалась его вызвать.

Не знаю, — наконец сказала девочка. — А что?

Просто я-то ее знаю.

Клэр нахмурилась.

Откуда? Это же мой семейный альбом.

А это, — ответил Уилл, указывая на женщину с фотографии, — моя мама.

26

Как и прежде, Энтони Сансоне прибыл в «Вечерню» под покровом тьмы.

Из своего окна Маура видела, как внизу, во дворе, припарковался «Мерседес». Из него выбралась знакомая — высокая, облаченная в черное — фигура. Когда Энтони величаво шагал под окном Мауры мимо фонаря во дворе, позади него, на мостовой, ненадолго вытянулась жутковатая тень, а затем исчезла.

Выйдя из комнаты, Маура направилась вниз, чтобы перехватить Сансоне. На площадке второго этажа она остановилась и поглядела вниз, в полутемный вестибюль, где приглушенно беседовали Энтони и Готфрид.

...до сих пор неясно, почему она так поступила, — сказал Готфрид. — Наши информаторы глубоко обеспокоены. Мы слишком многого о ней не знали, того, о чем нам должны были сообщить.

Ты считаешь, что это самоубийство?

А если не самоубийство, как объяснить... — Готфрид замер, услышав скрип ступени. Собеседники обернулись и увидели Мауру, стоявшую на лестнице.

Доктор Айлз, — произнес Готфрид, тут же соорудив на лице улыбку. — У вас бессонница?

Я хочу узнать правду, — ответила она. — Правду об Анне Уэл- ливер.

Мы так же потрясены ее смертью, как и вы.

Дело не в ее смерти. Дело в ее жизни. Вы сказали, что ничего не можете мне ответить, Готфрид. — Маура посмотрела на Сансоне. — Может, Энтони в состоянии это сделать?

Сансоне вздохнул.

Полагаю, пора быть с вами честным, Маура. Это мой долг перед вами. Идемте, поговорим в библиотеке.

В таком случае я пожелаю вам обоим доброй ночи, — сказал Готфрид, повернувшись к лестнице. Но тут он остановился и снова обратился к Сансоне. — Анны больше нет, однако это не означает, что мы можем нарушить данное ей обещание. Не забывай об этом, Энтони. — И директор пошел вверх по лестнице, постепенно исчезая во мраке.

Что это означает? — осведомилась Маура.

Это означает, что есть вещи, которые я не смогу вам рассказать, — ответил Сансоне, когда они двинулись по малоосвещенному переходу, ведущему в библиотеку.

Какой смысл в этой таинственности?

Смысл в доверии. Под строжайшим секретом Анна сообщила нам некоторые подробности. Детали, которые мы не можем никому передать. — Он остановился в конце перехода. — Но теперь мы сомневаемся: а вдруг даже мы не знали всей правды о ней?

В течение дня солнечный свет, проникая сквозь венецианские окна, затоплял библиотеку и отражался от полированных деревянных столов. Но теперь зал был окутан полумраком, превращавшим ниши в темные пещерки. Энтони включил одну-единственную настольную лампу, и в этом интимном сумраке они уселись за стол друг против друга. Вокруг них возвышались бесконечные ряды книжных шкафов со строго упорядоченными книгами — два тысячелетия знаний. Но сейчас Маура силилась прочитать сидевшего перед ней человека — мужчину, непостижимого, словно закрытая книга.

Кто такая Анна Уэлливер? — спросила Маура. — Я присутствовала на ее вскрытии. Тело покрывают застарелые шрамы — результат пыток. Я знаю, что ее мужа убили, но что случилось с Анной?

Сансоне покачал головой и вздохнул.

Неужели между нами всегда будет так?

Что вы имеете в виду?

Почему мы не можем разговаривать нормально, как другие люди? О погоде, о театре? Вместо этого беседуем о вашей работе — не самая приятная тема. Но, полагаю, именно она постоянно объединяет нас.

Вы имеете в виду смерть?

Смерть и насилие. — Энтони подался вперед, глаза его вперились в Мауру с такой пронзительностью, словно это были лазерные лучи. — Мы с вами очень похожи. В вас тоже живет тьма, и это нас связывает. Мы оба понимаем...

Понимаем — что?

Что тьма существует.

Я не хочу видеть мир таким, — возразила Маура.

Но вы наблюдаете свидетельства этого всякий раз, когда труп попадает на ваш секционный стол. Вы знаете, что мир состоит не из одного солнечного света, знаю это и я.

Так вот что мы привносим в нашу дружбу, Энтони? Мрак? Конец света?

Я почувствовал это в вас с первой нашей встречи. В вас это живет очень глубоко, потому что вы — это вы.

«Я — это я», — подумала Маура. Королева мертвых. Дочь чудовищ. Мрак внедрился очень глубоко. Он тек вместе с кровью в ее венах, потому что эта же самая кровь бежала и по сосудам ее матери Амальтеи, убийцы, которая проведет остаток своих дней в тюрьме.

Взгляд Энтони был настолько пронзительным, что Маура не смогла удержать зрительный контакт. Вместо этого она переключила внимание на портфель, который Энтони принес с собой. Они знали друг друга почти два года, однако от одного только взгляда Сансоне Маура способна была потерять душевное равновесие; он заставлял ее чувствовать себя образцом под микроскопом — внимательно изучаемым, выставленным напоказ.

Я пришла говорить не о себе, — заметила доктор Айлз. — Вы обещали рассказать мне правду об Анне Уэлливер.

Сансоне кивнул.

Во всяком случае, ту правду, что я могу рассказать вам.

Вы знали, что она подвергалась пыткам?

Да. А еще мы знали, что до последнего дня ее страшно мучило то, что случилось с ней и ее мужем в Аргентине.

И тем не менее вы приняли ее на работу. Взяли в штат на должность психолога к ранимым детям.

На работу ее принял совет директоров школы «Вечерня».

Но вы наверняка лично одобрили этот выбор.

Энтони кивнул.

На основании рекомендаций и профессиональных качеств Анны. Ее самоотверженной работы с жертвами насильственных преступлений. К тому же она одна из нас.

Член Общества Мефисто.

Она сама пострадала от насилия. Двадцать два года назад, когда Анна и ее муж работали в международной фирме в Аргентине, они были похищены. И саму Анну, и ее мужа пытали. Фрэнка, ее мужа, казнили. Убийц так и не поймали. Этот опыт научил Анну, что на правосудие можно полагаться не всегда. Что чудовища постоянно находятся среди нас. Она ушла из организации, в которой работала, и стала оказывать психологическую помощь жертвам преступлений. А шестнадцать лет назад поступила к нам.

Ваш клуб вряд ли найдешь в «желтых страницах». Как она узнала о вашем обществе?

Ее кандидатуру предложил член общества, который служил в правоохранительных органах. Анна обратила на себя его внимание, потому что прекрасно работала психологом. Он знал, что Анна потеряла мужа в результате насилия. Что ей особенно удавалась работа с детьми — жертвами насилия и что у нее имелось множество контактов в среде правоохранителей и организаций, связанных с делами несовершеннолетних, по всей стране. — Сансоне поднял портфель, который принес в библиотеку, и поставил его на стол. — Получив известие о ее смерти, я пересмотрел личное дело Анны.

У каждого члена есть личное дело?

Составленное в момент подачи заявки на членство. Я удалил конфиденциальную информацию, и вот это я могу показать вам.

Личное дело целиком вы мне доверить не сможете?

Маура. — Сансоне вздохнул. — Пусть я вам доверяю, но некоторые сведения можно сообщать только членам общества.

Тогда зачем вы вообще показываете мне эту папку?

Потому что вы принимаете участие в расследовании. Присутствовали на вскрытии. Вы запросили подробный токсикологический анализ крови Анны, поэтому, я полагаю, вы сомневаетесь, что это самоубийство. Я прислушиваюсь, когда вы задаете вопросы. Потому что знаю, как прекрасно вы разбираетесь в своей работе.

Пока ничто не подтверждает мои сомнения.

Но что-то же расшевелило ваши инстинкты. В подсознании отложились некие детали, но вы еще не поняли, какие именно. Однако эти детали говорят вам: что-то не так. — Энтони наклонился ближе, разглядывая лицо Мауры. — Я прав?

Маура вспомнила о пустой сахарнице в кабинете Анны. И о загадочном разговоре между Джейн и Анной. Она бросила взгляд на папку, которую придвинул ей Сансоне, и открыла ее.

На первой странице оказалась фотография доктора Уэлливер, запечатлевшая ее еще до того, как волосы Анны поседели. Снимок был сделан шестнадцать лет назад, когда доктор Уэлливер стала кандидатом в члены общества. На Анне, как обычно, было скромное платье с длинными рукавами и высоким воротником, благодаря этому она казалась эксцентричной, но теперь Маура понимала, что подобные наряды позволяли скрыть шрамы, оставшиеся после пыток. В улыбке Анны, в ее глазах не было ни намека на прошлые муки и будущее самоубийство.

Перевернув страницу, Маура увидела суховатую подборку личных данных. Родилась в Берлине, в семье офицера армии США и его супруги. Получила диплом психолога в Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон) и вышла замуж за Франклина Уэлливера. Вместе с мужем работала в международной фирме по подбору персонала, с отделениями в Мексике, Чили и Аргентине.

Доктор Айлз перевернула страницу и увидела газетные статьи о похищении семейной пары и последующем убийстве Франклина в Аргентине. Во второй вырезке сообщалось, что убийцы так и не были задержаны.

Анна испытала на себе бездействие правосудия, — проговорил Сансоне. — И поэтому стала одной из нас.

Такое условие вступления в члены клуба понравится не всем.

Никто из нас и не вступал в общество по большому желанию, это же не загородный клуб. К такому шагу нас подтолкнули личные трагедии, оставившие в нас злость, отчаяние и безысходность. Мы понимаем то, что неведомо обычным людям.

Зло.

Можно назвать и так. — Энтони указал на папку. — Анна, конечно же, понимала это. После смерти мужа она оставила работу, вернулась в Штаты и принялась за учебу. Получила диплом психолога. Так, работая с семьями жертв, она по-своему пыталась побороть зло. Мы предложили ей возможность принести еще больше пользы — изменить жизнь целому поколению. Не только как психолог, но и как специалист по отбору студентов. Контакты в организациях, занимающихся проблемами несовершеннолетних, позволяли ей отбирать перспективных учеников по всей стране.

Она тщательно просматривала дела об убийствах? Выявляла пострадавших?

Мы уже говорили обо всем этом, Маура. Я знаю, что вы нас не одобряете.

Потому что это попахивает вербовкой для ваших целей.

Посмотрите на то, как расцвел Джулиан. И скажите, что эта школа ему не подошла.

Маура не ответила, потому что возразить было нечего. «Вечерня» — идеальное место для Джулиана. За последние несколько месяцев ему удалось обрасти не только мышцами, но и уверенностью в себе.

Анна знала, что здесь он будет хорошо учиться, — заметил Сансоне. — Если судить по документам вайомингской школы, никто не посчитал бы его многообещающим кандидатом. Он не успевал по половине предметов, ввязывался в драки, совершал мелкие правонарушения. Но, ознакомившись с его личным делом, Анна поняла, что он умеет выживать. Она знала, что в горах он помог вам остаться в живых из одного лишь сострадания, других причин не было. Вот так она и поняла, что этот студент нам необходим.

Так значит, это она приняла решение?

Одобрение Анны — самый важный критерий. Половина студентов, которых вы видели здесь, отобрана ею. — Сансоне умолк, а затем добавил: — Включая Клэр Уорд и Уилла Яблонски.

Некоторое время Маура обдумывала эту информацию. Вспомнила о встрече, на которую они с Джейн пришли в кабинет Анны, — речь шла о трех детях и о том, существует ли связь между ними. Анна сказала, что это всего-навсего совпадение, которое не имеет смысла рассматривать. Однако в день своей смерти она изучала личные дела этих трех детей.

В помещении было так тихо, что Маура слышала биение собственного сердца. Безмолвие усиливало звук приближавшихся шагов, и Маура обернулась как раз в тот момент, когда из полумрака выступили четыре фигуры; они приблизились к кругу света, который шел от лампы.

Нам нужно поговорить с вами, — сказал Джулиан.

Рядом с ним стояли три спутника. Те самые трое детей. Уилл, Тедди и Клэр — детское трио, для которого трагедия, казалось, никогда не кончится.

Хотя было уже почти одиннадцать ночи и детям пора было спать, Сансоне обратился к ним с тем же уважением, с каким обратился бы и к взрослым.

Что ты задумал, Джулиан? — спросил Энтони.

Сегодня утром у Шакалов было собрание, по поводу доктора Уэлливер, — сообщил парнишка. — И эти трое членов обнаружили зацепку. Но, чтобы отработать ее, нам понадобится ваша помощь.

Маура вздохнула.

Джулиан, я знаю, что ты хочешь помочь, но уже поздно. Нам с господином Сансоне нужно обсудить...

Мы хотим взглянуть на наши дела, — вмешалась в разговор Клэр. — Хотим знать все то, что известно полиции о нас и наших родителях. Прочитать все отчеты.

У меня нет такой информации, Клэр.

Но вы можете ее получить, верно? Или детектив Риццоли может.

Ваши дела сейчас расследуются. А это означает, что информация не предназначена для широкой публики.

Мы никакая не публика, — возразила Клэр. — Это касается нас, нашей жизни, и мы имеем право знать.

Да, вы имеете право знать, когда повзрослеете. Но это официальные документы. В них могут содержаться подробности, которых вы не поймете.

Мы слишком молоды для правды? Вы это хотите сказать, верно? Что тринадцатилетние подростки не сумеют с ней справиться? Словно вы даже не представляете, кто мы и с чем нам пришлось столкнуться.

Я знаю, Клэр, — спокойно возразила Маура. — Я понимаю.

Понимаете — что? «Ей выстрелили в голову»? Это вы обо мне знаете, но даже представить себе не можете, что это значит. Каково проснуться в больнице и даже не помнить, как ты туда попала. И даже не знать, что мама и папа погибли. Чувствовать, что больше никогда не сможешь прочитать целиком книгу, проспать всю ночь или даже сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли, черт возьми. — Девочка прижала руку к голове. — Проделав дыру в моем черепе, они и жизнь мою раздробили. Я больше никогда не буду, как остальные. Я навсегда останусь чокнутой. Так что не стоит говорить, будто вы знаете меня или знаете хоть что-то обо мне.

Мальчишки, потрясенные этой вспышкой, с удивлением уставились на Клэр. А может, даже с восхищением.

Прости, — извинилась Маура. — Ты права, Клэр, я ничего не знаю. — Она поглядела на Уилла и Тедди. — И как вы раньше жили, я тоже не знаю, не представляю даже. Я разрезаю трупы и смотрю, что внутри, это все, что я могу. Ну а вам троим придется рассказать мне все то, чего нет в документах. О вашей жизни и о том, кто вы такие.

Как уже сказала Клэр, мы чокнутые, — заметил Уилл, и Тедди грустно кивнул в знак согласия. — Никто не хочет находиться с нами рядом. Словно все ощущают исходящее от нас невезение, и никто не хочет иметь с нами дела, будто бы неудачливость заразна. — Уилл повесил голову. — Но в конце концов они погибают. Как доктор Уэл- ливер.

Нет доказательств, что смерть доктора Уэлливер не была самоубийством.

Возможно, — согласился Уилл. — Но в тот день, когда она погибла, у нее на столе лежали наши дела. Такое впечатление, что она открыла их и тоже попала под проклятье.

Маура, — сказал Джулиан, — мы хотим помочь расследованию. У нас есть информация.

«Шакалы» — прекрасный клуб, Джулиан. Но над расследованием всего, что произошло, работают профессионалы.

Это дело только для спецов, так, что ли?

По правде сказать, да.

А вдруг мы обнаружили то, чего не знают спецы? — Джулиан поглядел на Клэр. — Покажи им.

Только в этот момент Маура заметила, что у Клэр в руках книга.

Это мой семейный альбом, — проговорила девочка, передавая Мауре книгу.

Маура открыла альбом на фотографии, которая изображала молодых мужчину и женщину — оба были светловолосые и невероятно привлекательные, — стоявших на фоне римского Колизея.

Твои родители? — поинтересовалась она.

Да. Мой папа работал в посольстве. Был сотрудником политического отдела.

Они — очень красивая пара, Клэр.

Но я хотела показать вам вовсе не это. — Клэр перелистала альбом и остановилась на последней странице. — А вот эту фотографию, с коктейльной вечеринки. Здесь мой папа, он разговаривает с одним человеком. Вы видите женщину, вон там, она стоит в сторонке в зеленом платье? Знаете, кто она?

Кто?

Это моя мама, — сказал Уилл.

Маура удивленно повернулась к парнишке.

Ты уверен? Возможно, эта женщина просто похожа на нее.

Это точно моя мама. Я узнаю платье. Она всегда надевала его на вечеринки. Зеленое с золотистым поясом; она говорила мне, что это самое дорогое платье, какое она приобрела за всю жизнь, но качество всегда окупается. Это был ее девиз, она постоянно говорила мне это. — Голос Уилла зазвучал глуше и, опустив плечи, он тихо добавил: — Это моя мама.

Маура поглядела на подпись: «4 июля. С днем рождения, США!»

Здесь нет года. Мы не знаем, когда была сделана эта фотография.

Но дело в том, — возразил Джулиан, — что они были вместе, на одной и той же вечеринке. А знаете, кто еще там был?

Он, — сказала Клэр. Девочка ткнула в блондина, запечатленного в разговоре с Эрскином Уордом. Широкоплечий незнакомец стоял в профиль, он был выше Уорда и отличался мощным телосложением. Все присутствовавшие пили вино, и только этот человек держал в руках пивную банку.

Это мой папа, — пояснил Тедди.

Вот где связь, — добавил Джулиан. — Пусть это не помогло нам узнать, почему их убили или зачем кому-то понадобилось причинять вред их детям все эти годы. Но вы искали именно это доказательство. Папа Клэр. Папа Тедди. Мама Уилла. Они были знакомы.

На экране компьютера Фроста светилась отсканированная фотография с изображением празднично одетых участников вечеринки — некоторые сидели, некоторые стояли, большинство держали в руках выпивку. В центре монитора оказались изображения Эрс- кина Уорда и Николаса Клока; мужчины стояли лицом друг к другу, но при этом вполоборота к камере, словно кто-то крикнул им: «Улыбочку, джентльмены!» Мама Уилла, Оливия, стояла поодаль, рядом с другой женщиной, однако ее взгляд был обращен к Эрскину Уорду. Джейн осмотрела другие лица, пытаясь отыскать супругов этих троих людей, но не обнаружила их среди обеспеченной и явно подвыпившей публики.

Вот это, — сказал Фрост, указывая на Оливию, — выражение лица женщины, неравнодушной к Уорду.

Ты считаешь, это написано у нее на лице?

Только не стоит думать, что на меня когда-нибудь кто-нибудь так смотрел.

Возможно, это взгляд старой подруги. Человека, который хорошо его знает.

Тогда странно, что мы не можем отыскать никаких связей между Оливией и Эрскином. Если они так хорошо знали друг друга.

Джейн откинулась на спинку кресла и размяла ноющую шею. Была почти полночь, все остальные сотрудники отдела убийств уже разошлись по домам. Нам тоже давно пора, подумала Джейн, однако эти отсканированные фотографии, которые Маура по электронной почте прислала в Бостонское ПУ, уже целый час держали Джейн и Фроста на рабочих местах. Маура направила им восемь снимков из семейного альбома Уордов — на них изображались вечеринки с бар- бекю и официальные приемы, сборища, проходившие и на улице, и в помещении. Ни на одной другой фотографии Джейн не заметила ни Оливию Яблонски, ни Николаса Клока; только на этом снимке оба — Оливия и Николас — появились вместе с Эрскином Уордом. Вечеринка была в честь Четвертого июля, год не указан; в помещении, кроме этих троих, было еще по меньшей мере десять человек.

Где и когда сделали снимок?

Фрост поочередно щелкнул по каждому из семи других снимков и остановился на фотографии семьи Уордов, сидевшей на белом диване. Клэр, судя по виду, было примерно восемь лет. Они были нарядно одеты: Эрскин в сером костюме, Изабель в платье хорошего кроя и пиджаке. Позади виднелась роскошно украшенная елка.

Коктейльная вечеринка проходила в этом же помещении, — объявил Фрост. — Видишь камин, вон там, справа? Он есть и на другой фотографии. А здесь... — Фрост увеличил изображение угла комнаты. — Не кажется ли тебе, что на потолке та же лепнина?

Кажется, — согласилась Джейн. Сощурившись, она различила подпись под фотографией, сделанную от руки: «Наше последнее Рождество в Городе Джорджа. Лондон, жди нас!» Она посмотрела на Фроста: — Этот снимок сделали в Вашингтоне.

Значит, коктейльная вечеринка там и проходила. Остается только один вопрос: с какого перепуга Николаса Клока и Оливию Яблонски позвали на вечеринку дипломатов? Николас работал в финансовой сфере. Оливия — торговый представитель фирмы, занимавшейся медицинским оборудованием. Как и где познакомились эти трое людей?

Вернись к первой фотографии, — попросила Джейн.

Фрост открыл снимок коктейльной вечеринки, которая, как они теперь знали, проходила в Вашингтоне.

Здесь они моложе, — сказала Джейн. Она крутанулась на своем кресле, схватила со стола личное дело семейства Уордов и отыскала резюме Эрскина Уорда. — Сотрудник политического отдела, четырнадцать лет работал в Риме, пять — в Вашингтоне. Затем был направлен в Лондон, где и был убит год спустя.

Значит, эта коктейльная вечеринка пришлась на те пять лет, в течение которых семейство Уордов жило в Вашингтоне.

Верно. — Джейн закрыла папку. — Как же эта троица познакомилась? Наверняка это случилось в Вашингтоне. Или... — Риццоли посмотрела на Фроста. Казалось, им одновременно пришла на ум одна и та же мысль.

...в Риме, — закончил Фрост и взволнованно выпрямился. — Помнишь, что сказал нам тот парень из НАСА? Нил и Оливия очень ждали поездки в Рим, потому что там они и познакомились.

Повернувшись в своем кресле, Джейн взяла со стола личное дело четы Яблонски.

Все это время мы думали только о Ниле и его работе. Постоянно раздумывали над всей этой дурью, связанной с НАСА и инопланетянами, тогда как нам нужно было сосредоточиться на Оливии.

Кроткая Оливия со своей скучной работой, которая стояла поодаль на сборищах НАСА, куда приводил ее муж и где она выглядела потерянной. Оливия, регулярно выезжавшая за границу торговать медицинским оборудованием. «Что же ты продавала на самом деле, Оливия?» — задумалась Джейн.

Риццоли нашла страничку, которую искала.

Вот. Дата свадьбы Оливии и Нила Яблонски. Пятнадцать лет назад. Она встретила своего будущего мужа в Риме, а это значит, что Оливия была в Риме как раз тогда, когда Эрскин Уорд работал в посольстве.

А как насчет этого парня? — спросил Фрост, указывая на отца Тедди, Николаса Клока, который производил впечатление своей красивой атлетической фигурой и был настолько уверен в себе, что пил пиво, когда все стояли с винными бокалами; он надевал рубашку-поло и спортивные туфли на сборище, куда все приходили в пиджаках и галстуках. — Мог ли Николас Клок оказаться в Риме в это же время? Может, они все втроем там были?

Джейн полистала соответствующее личное дело.

О Клоке мы знаем немного. Большая часть информации пришла к нам из полиции Сент-Томаса.

В Сент-Томасе он был туристом. Там никто его толком не знает.

Но его наверняка знают в Провиденсе, где он работал. — Джейн перелистала бумаги в папке. — Вот. Финансовый консультант в «Джарвисе и Маккрейне», улица Чапмена. — Она подняла глаза. — Наш следующий пункт назначения.

27

«Я в любом случае не хотела ехать в Квебек».

Клэр мрачно топталась во дворе, наблюдая, как ее взволнованные одноклассники садятся в экскурсионный автобус. Девочка говорила Уиллу, что не хотела бы торчать в автобусе часами, но это был красивый новый автобус, а не доисторический желтый драндулет, на каких обычно ездят школьники. Бруно доконал ее выкриками из окна — так он оповещал о внутренней роскоши транспортного средства.

Эй, люди, здесь телевизор! Наушники! Вайфай!

И тут из здания показались Брайана и ее принцессы — они шли одна за другой, словно в королевской процессии, и каждая везла за собой по мостовой симпатичный чемоданчик на колесиках. Когда они проходили мимо Клэр, девочка услышала, как одна из принцес- сок прошептала насмешливо: «Ночная Вошка!»

Ничтожество! — огрызнулась Клэр.

Брайана развернулась к ней вместе со своим чемоданчиком.

Я просто скажу это прямо здесь, громко и ясно, чтобы все слышали. Моя комната заперта. Если, когда я вернусь, что-нибудь пропадет — что угодно, — все будут знать, кто это взял.

Садись в автобус, Брайана, — вздохнув, проговорила госпожа Соул. Они с госпожой Дюплесси пытались собрать всех студентов в салоне. — Нам нужно выезжать сейчас, если мы хотим оказаться на месте к обеду.

Бросив ядовитый взгляд на Клэр, Брайана забралась в автобус.

Все хорошо, Клэр? — ласково спросила госпожа Соул.

Из преподавателей «Вечерни» Клэр больше всех любила госпожу Соул, потому что, глядя на Клэр, госпожа Соул видела именно ее, Клэр, и больше никого, и ей было не все равно. А то, что госпожа Соул увидела сейчас, наверняка дало ей понять: сколько бы Клэр ни отнекивалась от поездки, ей очень не хотелось оставаться в школе.

Это все потому, что ты еще новичок в «Вечерне», — сказала госпожа Соул. — Ты поедешь на нашу следующую экскурсию. И потом — разве не здорово, что в эти выходные только вы вчетвером останетесь здесь?

Думаю, да, — угрюмо ответила Клэр.

Если хотите пострелять из луков, господин Роман расставил для вас тюки с сеном. Когда мы вернемся, вы наверняка уже станете настоящими спецами по стрельбе.

«А разве вы не боитесь, что я убью еще одну курицу?» — захотела спросить Клэр, но, пока госпожа Соул забиралась в автобус, девочка не проронила ни слова. Двери захлопнулись, и, изрыгнув облачко вонючего дыма, автобус тронулся и направился прочь через арку. Девочка услышала лай за спиной и заметила, как промелькнул комок черной шерсти — это пес Джулиана промчался мимо в погоне за автобусом.

Волк! — закричала Клэр. — Вернись!

Собака не обратила на нее внимания и рванула за пределы двора. Клэр проследовала за псом до самой кромки озера; там он внезапно остановился и, подняв голову, принюхался. Похоже, автобус, который продолжал двигаться по дороге и очень скоро исчез за поворотом, его больше не интересовал. Волк отвернулся и помчался в другом направлении.

А теперь-то куда ты пошел? — крикнула Клэр.

Вздохнув, девочка вслед за ним обогнула здание и направилась в сторону тропы, которая вела на холм. Пес уже начал пробираться сквозь кусты и ускорил ход — настолько, что Клэр с трудом удавалось за ним угнаться.

Волк, вернись! — приказала она.

Клэр разочарованно наблюдала, как пес ускользнул в подлесок. Вот тебе и послушание — даже собака, и та ее не уважает.

На полпути к вершине холма Клэр бросила преследовать пса и плюхнулась на валун. Отсюда ей была видна крыша школы. Конечно, из Логова Шакалов открывался куда более красивый вид, однако и здесь было на что полюбоваться, особенно таким ясным утром, когда солнце

золотило поверхность озера. Сейчас автобус наверняка уже выехал за ворота и направился в Квебек. К полудню студенты пообедают в каком-нибудь крутом французском ресторане — во всяком случае, Брайана постоянно хвасталась этим, — а потом отправятся на экскурсию в Квебекский музей и поднимутся на скалу в лифте.

«А я тем временем вынуждена сидеть на этом дурацком камне», — подумала Клэр.

Она отколупнула кусочек лишайника и сбросила его вниз. Подумала: а может, Уилл и Тедди уже позавтракали? Может быть, им захочется вместе пострелять из лука? Но, вместо того чтобы начать спуск с холма, Клэр улеглась на спину и, словно змея, греющаяся на солнышке, растянулась во весь рост на валуне и закрыла глаза. Затем она услышала, как скулит собака, и почувствовала, что Волк коснулся ее обтянутых джинсами ног. В ответ девочка погладила пса по спине, радуясь прикосновению к шерсти. И почему общество собаки так утешает? Может быть, потому что от этих животных нет надобности прятать свои чувства, нет необходимости фальшиво улыбаться при них?

— Старина Волк, — пробормотала Клэр и открыла глаза, чтобы поглядеть на собаку. — Что же ты принес мне?

В пасти у пса был какой-то предмет, который, судя по всему, он не собирался отдавать. И только когда Клэр потянула у него изо рта добычу, Волк наконец-то отпустил ее. Кожаная перчатка, черная. Где в здешнем лесу пес мог обнаружить перчатку? От нее исходил гадкий запах, и вся она блестела — Волк ее обслюнявил.

Поморщившись, Клэр подняла находку с земли и почувствовала, какая она тяжелая. Заглянув внутрь, девочка увидела там что-то белое. Она перевернула перчатку и как следует потрясла ее. При виде того, что выпало из перчатки, Клэр закричала и отшатнулась, чтобы оказаться подальше от валуна, на котором лежала вонючая находка.

Рука.

— Их почему-то всегда находят собаки, — констатировала Эмма Оуэн.

Маура и судмедэксперт штата Мэн стояли в пестрой полутени леса, прямо у их лиц жужжали насекомые, а в воздухе стоял густой трупный запах. Маура вспомнила другие тела, которые ей приходилось осматривать за последние годы и которые тоже были отрыты собаками; эти животные особенно остро чуют подобные спелые сокровища. Несмотря на то что эти останки лежали далеко, в нескольких сотнях метров по склону холма, Волк учуял запах и отыскал их в зарослях —

густой подлесок частично скрывал тело. Мужчина — судя по телу, мускулистого и спортивного вида — был одет в камуфляжные брюки с многочисленными карманами, темно- зеленую ветровку, футболку и высокие спортивные ботинки. На лодыжке по-прежнему был закреплен нож с зазубринами, а ружье с телескопическим прицелом этот человек установил на ближайшем от него валуне. Покойный лежал на боку, подставив правую сторону лица и шеи ветрам и дождям. Падальщики уже потрудились: оголили кости на голове, погрызли носовые хрящи и даже забрались в правую глазницу; теперь там была пустая дыра — все содержимое выскребли. Собачьи, решила Маура, заметив следы зубов на остатках кожи и пунктирные отметины на тонкой глазничной кости. Скорее всего, койоты. А в этой удаленной от города местности, возможно, и волки. Даже в такой паутине вьющихся растений причина смерти была прекрасно видна — алюминиевая стрела с темно-зеленым пером, наконечник которой был глубоко утоплен в левом глазу.

В иных обстоятельствах Маура наверняка решила бы, что незадачливый охотник по неосторожности убил своего несчастного собрата. Однако этот человек незаконно ступил на землю «Вечерни», а с валуна, на котором он установил ружье, открывался отличный вид на долину и расположившуюся внизу школу. Он мог наблюдать за теми, кто приезжал и кто уезжал оттуда.

Хоть Маура и привыкла к неприятным запахам, даже ей пришлось отвернуться, когда тело перекатывали на пластиковый мешок; при этом поднялся такой отвратительный запах, что Маура закашлялась и прикрыла рукой нос. Сослуживцы доктора Оуэн были полностью обмундированы и в масках, а Маура находилась здесь всего-навсего как зритель, на ней были лишь перчатки да бахилы, — медэксперт из большого города, пытающаяся доказать, что она хорошо закалена и гниющий труп ей не помеха.

Доктор Оуэн опустилась на корточки возле трупа.

Тут едва ли устойчивое трупное окоченение, — заметила она, пытаясь согнуть конечности в разных направлениях.

Прошлой ночью было десять градусов, — произнес один из полицейских детективов штата. — Не холодно.

Медэксперт приподняла край футболки погибшего и обнажила живот. Изменения, связанные с аутоцитолизом, были очевидны даже с того места, где стояла Маура. Смерть запускает целый каскад изменений в мягких тканях — выделяющиеся ферменты переваривают белки и разрушают мембраны. Кровяные клетки разрушаются и просачиваются сквозь стенки сосудов, и в супе из этих питательных веществ пируют

бактерии, заполняя брюшную полость газами. Бросив вызов зловонию, Маура опустилась на корточки возле доктора Оуэн. Она увидела синие вены, сеткой проступившие на вспухшем животе, и поняла: если спустить брюки, они увидят мошонку, разбухшую от тех же самых газов.

От сорока восьми до семидесяти двух часов, — постановила доктор Оуэн. — Вы согласны?

Маура кивнула.

Если принять во внимание относительно небольшой ущерб, нанесенный падальщиками, я бы склонилась к нижней границе этого интервала. Разрушения ограничиваются головой, шеей и... — Маура умолкла, глядя на костлявый обрубок, торчащий из рукава куртки, — ...рукой. Вероятно, запястье было обнажено. Так до него и добрались.

Доктор Айлз задумалась, попробовал ли Волк на вкус свой прогнивший трофей, прежде чем принести его Клэр. «Дружественный собачий поцелуй после этого будет не столь уж приятным», — решила Маура.

Доктор Оуэн ощупала куртку и брюки погибшего.

Здесь что-то есть, — сообщила она и достала из кармана брюк тонкий бумажник. — А вот и удостоверение личности. Водительские права штата Вирджиния. Рассел Ремсен, метр восемьдесят пять, восемьдесят шесть килограммов. Каштановые волосы, голубые глаза, тридцать семь лет. — Она поглядела на труп. — Вероятно. Будем надеяться, что отыщутся снимки его зубов.

Маура поглядела на лицо погибшего: половина была обглодана, другая распухла и была испещрена полосками трупной жидкости. Трупный пузырь раздул нетронутое веко, и оно набрякло уродливым мешком. С правой стороны падальщики содрали с шеи кожу и мышцы. Эти повреждения тянулись до самого ворота одежды; там острые зубы уже прокусывали и трепали ткань в попытке добраться до груди. Дальше последовало бы извлечение внутренностей: животные вытащили бы сердце, легкие, печень, селезенку и принялись бы пировать. Они вырвали бы конечности из суставов — такие трофеи легко унести в свои логова малышам. Лес тоже постарался бы — вьюны заплелись бы вокруг ребер, остальное изъели бы и изрыли насекомые. Через год, подумала Маура, от Рассела Ремсена осталась бы лишь горстка костных фрагментов, рассыпанных между деревьями.

У этого парня была не обычная охотничья винтовка, — проговорил полицейский детектив штата, разглядывая установленное на валуне оружие. Он взял его в руки, обтянутые перчатками, и поднес к доктору

Оуэн, повернув так, чтобы продемонстрировать клеймо производителя на ствольной коробке.

Что это за винтовка? — поинтересовалась Маура.

Эм сто десять. Компания «Найтс Армамент», полуавтоматическая, с сошкой. — Детектив взглянул на Мауру, он явно был поражен. — У этой винтовки отличная оптика, магазин на двадцать патронов. Стреляет пулями три ноль шесть или семь шестьдесят два. Натовский образец. Эффективная прицельная дальность — восемьсот метров.

Елки-палки, — присвистнула доктор Оуэн. — Можно положить оленя, гуляющего по соседнему округу.

Эта винтовка не для охоты на оленей. Она военная. Очень хорошая и дорогая снайперская винтовка.

Нахмурившись, Маура посмотрела на мертвеца. На его камуфляжные штаны.

Что он тут делал со снайперской винтовкой?

Конечно, охотник на оленей мог бы воспользоваться таким оружием. Очень удобно, если хочешь завалить зверя с дальнего расстояния. Но это все равно что ездить на «Роллс-Ройсе» в ближайший продуктовый магазин. — Детектив покачал головой. — Думаю, именно это и называют иронией судьбы. Стоял он здесь весь такой экипированный, а его уложили допотопной стрелой. — Мужчина посмотрел на доктора Оуэна. — Полагаю, это и есть причина смерти?

Я понимаю, Кен, причина смерти кажется очевидной. Но давайте дождемся вскрытия.

Не сомневался, что вы это скажете.

Доктор Оуэн обернулась к Мауре.

Буду рада, если вы завтра придете ко мне в морг.

Маура подумала о том, каково будет разрезать этот живот, основательно прогнивший и наполненный зловонными газами.

Думаю, я все-таки воздержусь от вскрытия, — сказала она, поднимаясь. — По идее, я в отпуске и должна бы отдохнуть от Смерти. Но она повсюду преследует меня.

Доктор Оуэн тоже выпрямилась. От ее задумчивого взгляда Мау- ре стало не по себе.

Что здесь происходит, доктор Айлз?

Мне бы очень хотелось это знать.

Сначала самоубийство. А теперь это. И я даже не могу сказать, что это такое. Несчастный случай? Убийство?

Маура сосредоточила внимание на стреле, торчавшей из глаза мертвеца.

Тут поработал очень меткий стрелок.

Да не особенно меткий, — вмешался местный детектив. — Яблочко на мишенях лучников меньше глазницы. Неплохой лучник поразит эту цель с расстояния тридцати-шестидесяти метров, особенно арбалетом. — Мужчина немного помолчал. — Если, конечно, он стремится поразить эту цель.

Вы хотите сказать, что это, возможно, несчастный случай, — заключила доктор Оуэн.

Я просто обрисовываю разные сценарии, — ответил полицейский. — Представим, что два приятеля решили поохотиться на этой земле без разрешения. Парень с луком замечает оленя и, разволновавшись, выпускает стрелу. Оп! Его приятель падает. Парень с луком пугается и спасается бегством. Он никому не рассказывает, потому что ребята охотились незаконно. Или он условно освобожденный. А может, ему просто не хотелось неприятностей. — Детектив пожал плечами. — Меня это не удивляет.

Будем надеяться, что так и произошло, — сказала Маура. — Потому что другая вероятность мне совсем не нравится.

Что в этих лесах бегает лучник-убийца? — спросила доктор Оуэн. — Мысль тревожная, ведь поблизости школа.

Но меня тревожит не только она. Если этот мужчина не охотился на оленя, что он тут делал со снайперской винтовкой?

Никто не ответил, однако, когда Маура поглядела вниз, в долину, ответ показался очевидным. Будь я снайпером, решила она, я бы ожидала именно здесь. Тут меня маскировал бы подлесок, отсюда прекрасно видны замок, двор, дорога.

Но кого высматривал стрелок?

Этот вопрос гнал ее вперед, когда часом позже Маура с трудом спускалась по тропе, по голым валунам, — солнце, тень, снова солнце. Она думала о снайпере, расположившемся на холме над ней.

Вообразила, что мушка нацелена прямо ей в спину. Винтовка с дальностью восемьсот метров. Полмили. Она ни в коем случае не поняла бы, что кто-то следит за ней, целится в нее. Пока не ощутила бы удар пули.

В конце концов Маура, спотыкаясь, выбралась из зарослей вьюна и оказалась на лужайке у школы. Стряхивая с одежды мелкие веточки и листья, она услышала мужские голоса, спорившие о чем-то на повышенных тонах. Звуки доносились из домика лесничего, что стоял у кромки лужайки. Маура подошла к домику и в раскрытую дверь увидела детективов, которые были вместе с ней на вершине холма. Там же стояли Сансоне и господин Роман. Когда Маура ступила через порог, никто ее не заметил. Внутри она увидела множество принадлежностей для работы на улице. Топоры, веревки, снегоступы. На стенах висели по крайней мере с десяток луков и колчанов со стрелами.

Ничего особенного в этих стрелах нет, — сказал Роман. — Такие можно купить в любом магазине спорттоваров.

У кого есть доступ ко всему этому оборудованию, господин Роман?

У всех студентов. Это ведь школа, разве вы не заметили?

Он десятки лет был нашим инструктором по стрельбе из лука, — вмешался Сансоне. — Этот предмет дисциплинирует студентов и вырабатывает способность сосредоточиваться. Очень ценный навык, если учесть все изучаемые ими науки.

И все студенты занимаются стрельбой из лука?

Все, кто выбрал этот предмет, — ответил Роман.

Если вы преподаете несколько десятков лет, — заметил детектив, — значит, вы наверняка прекрасно стреляете из лука.

Лесник хмыкнул,

Можно сказать и так.

И что это означает?

То, что я охочусь.

На оленей? На белок?

Да у белок и есть-то нечего — зачем зазря трудиться?

Вопрос в том, можете ли вы подстрелить белку.

Я и ваш глаз прострелю с сотни метров. Вы ведь это хотели узнать, да? Не я ли положил того парня, что стоял на холме?

У вас же была возможность осмотреть тело, верно?

Собака привела нас прямо к нему. Тело и осматривать не к чему. Ясно как день, что его убило.

Вряд ли было легко произвести такой выстрел — прямо в глаз.
Кто-нибудь еще в школе может так выстрелить?

Зависит от расстояния, верно?

Со ста метров.

Роман фыркнул.

Здесь никто, кроме меня.

Ни один из студентов?

Никто не уделял этому столько времени, сколько я. И не учился столько.

А как научились вы?

Самостоятельно.

Вы охотитесь только с луком? Винтовку не используете?

Не люблю винтовки.

Почему? Ведь с винтовкой, кажется, гораздо проще охотиться на оленей.

Думаю, господин Роман уже рассказал вам все, что вы хотели узнать, — вмешался Сансоне.

Это простой вопрос. Почему он не хочет использовать ружье? — Детектив пристально глядел на Романа, ожидая ответа.

Вы не обязаны отвечать на последующие вопросы, Роман, — сказал Сансоне. — Без адвоката.

Роман вздохнул.

Нет, я отвечу. Похоже, он и так все знает обо мне. — Лесник в упор посмотрел на детектива. — Двадцать пять лет назад я убил человека.

В установившейся тишине тихий вскрик Мауры привлек-таки к ней внимание полицейского.

Доктор Айлз, если не возражаете, я попросил бы вас выйти. Мне хотелось бы продолжить этот допрос без посторонних.

Пусть остается. Мне все равно, — возразил Роман. — Лучше уж выложить все прямо сейчас, чтобы не было никаких тайн. Я так и так никогда не хотел держать это в секрете. — Лесничий поглядел на Сансоне. — Даже несмотря на то, что вы считаете это правильным.

Вы знали об этом, господин Сансоне? — удивился детектив. — И все равно наняли его?

Пусть Роман расскажет вам об обстоятельствах, — предложил Сансоне. — Его стоит послушать. Лучше, если он расскажет своими словами.

Хорошо. Давайте послушаем вас, господин Роман.

Лесничий подошел к окну и указал на холмы.

Я вырос вон там, в нескольких километрах от того хребта. Мой дед был здешним смотрителем, приглядывал за замком задолго до того, как он стал школой. Тогда здесь никого не было — просто пустое здание, ожидающее покупателя. Конечно же, сюда совались нарушители. Некоторые просто охотились и уходили. Забирали своих оленей и уезжали. Но некоторые приходили, чтобы набедокурить. Разбить окна, подпалить веранду. Или того хуже. Натыкаешься на них и не знаешь, с кем встретился — с первыми или со вторыми…

Роман перевел дух.

Я наткнулся на него вон там, у кромки леса. Ночь была безлунной. Он просто взял и возник ниоткуда. Здоровый парень с ружьем. Мы увидели друг друга, и он поднял оружие. Не знаю, что пришло ему в голову. И теперь уже не узнаю. Могу только сказать, что я среагировал чисто инстинктивно. Выстрелил ему в грудь.

Из ружья?

Да, сэр. Из дробовика. И он тут же упал. Вероятно, умер мгновенно. — Роман вздохнул и сел, положив руки, покрытые шрамами, на колени;

казалось, он постарел лет на десять. — Мне тогда только исполнилось восемнадцать. Но, думаю, вы знаете это.

Я поинтересовался вашим прошлым.

Роман кивнул.

Здесь нет никаких секретов. Дело в том, что он не был святым, хоть и вырос в семье врача. Но я убил его, поэтому меня посадили в тюрьму. Четыре года за непредумышленное убийство. — Роман поглядел на свои руки, которые были покрыты шрамами от долгих лет работы под открытым небом. — Я никогда больше не брал в руки дробовик. Вот так я и стал хорошим лучником.

Готфрид Баум взял его на работу сразу после освобождения из тюрьмы, — добавил Сансоне. — Лучшей кандидатуры и быть не могло.

Но ему все равно придется поехать в город и подписать заявление. — Полицейский повернулся к лесничему. — Пойдемте, господин Роман.

Директор Баум позвонит куда следует, Роман, — заверил Сансоне. — Он приедет к вам в город. Больше ничего не говорите, пока он не появится там вместе с адвокатом.

Роман последовал за полицейским к двери, но внезапно остановился и посмотрел на Сансоне.

Не думаю, что вернусь сюда вечером. А потому хочу предупредить, господин Сансоне, что у вас тут большие проблемы. Я знаю, что не убивал этого человека. Так что вам лучше узнать, кто это сделал.

28

Летний туман опустился на шоссе, ведущее к Провиденсу. Сидевшая за рулем Джейн вытянула шею и стала вглядываться в легковушки и грузовики, которые плыли впереди, словно призраки. Сегодня мы с Фростом тоже гонялись за призраком, подумала Риццоли, глядя, как дворники смахивают серую пленку с ветрового стекла. За призраком Николаса Клока, отца Тедди. Родился в Вирджинии, выпускник Военной академии Вест-Пойнт по специальности «экономист», заядлый турист и моряк. Женат, отец троих детей. Был финансовым консультантом в «Джарвисе и Маккрейне» — эта работа требовала частых поездок за границу. Ни разу не был ни арестован, ни оштрафован за нарушение правил дорожного движения; невыплаченных долгов за ним тоже не значилось.

Во всяком случае, так Николас Клок выглядел на бумаге. Надежный гражданин. Семьянин.

Перед ними на дороге клубился туман. Там не было ничего надежного, ничего реального. Как и Оливия Яблонски, Николас Клок был призраком, неслышно перемещавшимся из страны в страну. И что это вообще значит — финансовый консультант? Одна из неясных должностей, выдуманная бизнесменами в костюмах и с портфелями, теми, кто говорит только о деньгах. Спроси у человека, чем он занимается, и этими двумя словами, «финансовый консультант», он легко пустит тебе пыль в глаза.

Подобным же образом действуют слова «представитель по продаже медицинского оборудования».

Фрост, сидевший рядом на пассажирском сиденье, ответил на чей-то телефонный звонок. Джейн косо взглянула на него, когда через секунду Барри произнес:

— Вы меня разыгрываете! Как, черт возьми, такое могло случиться?

Что там? — поинтересовалась Джейн.

Фрост отмахнулся от напарницы, сосредоточив все внимание на разговоре.

Вы так и не завершили анализ? И больше ничего не можете нам сказать?

Кто это? — спросила Джейн.

Наконец Фрост закончил беседу и повернулся к ней; на его лице застыло потрясенное выражение.

Помнишь устройство слежения из машины, которую мы брали напрокат? Оно исчезло.

Звонили из лаборатории?

Сказали, что оно пропало из лаборатории вчера вечером или этой ночью. Они сделали только предварительные выводы. Клейма изготовителя на нем не было, так что отследить его невозможно. Самое современное оборудование.

Господи! Видимо, слишком современное, чтобы Бостонское ПУ смогло его удержать.

Фрост покачал головой.

Вот теперь я всерьез напуган.

Джейн пристально вглядывалась в призрачные завитки тумана на шоссе.

Я могу сказать тебе, кто еще напуган, — ответила Джейн, крепко вцепившись в руль. — Габриэль. Вчера вечером он готов был связать меня и запихнуть в шкаф. — Она немного помолчала. — Я отправила Реджину к маме на эту неделю. Так, на всякий случай.

А можно мне тоже спрятаться у твоей мамы?

Джейн рассмеялась.

Вот что я люблю в тебе. Ты не боишься признаться, что ты боишься.

А ты не боишься? Ты это хочешь сказать?

Некоторое время Джейн просто вела машину и молчала; дворники качались туда-сюда, а она внимательно глядела на шоссе, такое же туманное, как и будущее. Она думала о падающих с неба самолетах, пулях, попадающих в голову, и телах, съеденных акулами.

Даже если мы напуганы, разве у нас есть выбор? — наконец произнесла Джейн. — Если мы уже и так с головой в этом, для того чтобы выбраться, нужно двигаться вперед и идти до конца.

Когда они добрались до окраин Провиденса, туман сгустился и превратился в изморось. Контора «Джарвиса и Маккрейна» находилась на юго-восточной оконечности города, недалеко от прибрежной индустриальной зоны. Бесцветный район, состоящий из заброшенных зданий и пустынных улиц. Когда напарники прибыли по указанному адресу, Джейн уже знала, что они обнаружат.

Двухэтажное складское здание из кирпича и две пустые парковки по бокам. Джейн оглядела поблекшие разводы, оставшиеся от граффити, заколоченные окна первого этажа и поняла, что это здание в запустении уже несколько месяцев, если не лет.

Фрост поглядел на осколки на тротуаре.

Николас Клок купил двадцатитрехметровую яхту, работая здесь?

Это заведение явно не было для него основным местом работы. — Джейн открыла дверь машины. — Но все равно — давай посмотрим.

Они выбрались из машины под моросящий дождь. Джейн тут же застегнула куртку и подняла воротник. Облака висели так низко, что,

казалось, само небо давит на землю и топит людей в полумраке. Напарники перешли улицу, ступая по битому стеклу, шуршавшему под ногами, и обнаружили, что вход заперт.

Фрост немного попятился и осмотрел окна вверху — большинство были разбиты.

Я не вижу вывески с надписью «Джарвис и Маккрейн».

Я проверяла налоговые документы. Они официальные владельцы этого помещения.

Неужели ты считаешь, что здесь и вправду может размещаться какая-нибудь фирма?

Давай обойдем здание и войдем с заднего хода.

Они свернули за угол, минуя поломанные ящики и переполненные мусорные контейнеры. Позади здания Джейн обнаружила пустую парковку; сорные травы пробивались там сквозь бреши в асфальте.

Засов на двери черного хода был оторван.

Джейн пнула дверь ботинком, и та открылась, обнажив кромешную тьму, ожидавшую их внутри. Риццоли остановилась на пороге, по ее спине побежали тревожные мурашки.

Отлично, — прошептал Фрост. Его голос прозвучал так близко, что Джейн вздрогнула. — Теперь, значит, нам придется обыскивать жуткое здание.

Поэтому я тебя сюда и привезла, чтобы ты не пропустил все удовольствие.

Поглядев друг на друга, напарники одновременно выхватили оружие. Пусть это не их территория, не родной штат, но ни тот, ни другая не решились бы без оружия оказаться в темном помещении. Щелкнув выключателем на своем фонарике, Риццоли осветила мглу. Увидела бетонный пол, смятую газету. Почувствовала, как сильно забилось сердце, когда она перешагнула порог.

Внутри было еще холоднее, будто за этими кирпичными стенами застыла многолетняя мгла, в которой могло зародиться все что угодно. И теперь это все-что-угодно ожидало их. Продвигаясь все глубже внутрь, Джейн слышала, как Фрост идет прямо за ней; лучи их фонариков то и дело выхватывали колонны и сломанные ящики. Фрост случайно задел алюминиевую пивную банку; ее грохот, когда она катилась по бетонному

полу, оказался звуком не менее пугающим, чем стрельба. Оба замерли, пока эхо не стихло окончательно.

Прости, — прошептал Фрост.

Джейн шумно выдохнула.

Ну, теперь все тараканы знают, что мы здесь. Но, судя по всему, здесь больше никого нет... — Остановившись, Риццоли резко задрала голову к потолку.

Над ними застонали половицы.

Слушая доносившиеся сверху звуки движения, Джейн внезапно почувствовала, как заколотилось ее сердце. Когда она направилась к металлическому лестничному колодцу, Фрост двигался почти вплотную за ней. Риццоли остановилась у нижних ступеней, вглядываясь в пролет второго этажа, откуда через оконце струился серый свет. Возможно, звук, который они слышали, ничего не означает. Оседание здания. Деревянные половицы сжимаются.

Джейн начала подниматься по металлической лестнице; каждый шаг отдавался негромким звяком, от которого гудело во тьме, и этот звяк словно объявлял: «А вот и мы». Не дойдя до самой верхней ступеньки, Джейн опустилась на корточки, чувствуя, как потеют ладони, и медленно подняла голову — поглядеть: что там, за площадкой второго этажа.

Из мрака что-то полетело прямо в нее.

Джейн уклонилась, и предмет со свистом промчался мимо ее щеки. Она услышала, как разбилось стекло на стене позади нее, и увидела какую-то фигуру, крабом уползшую во мрак.

Я вижу его, я вижу его! — заорала Риццоли Фросту, на корточках поднимаясь к площадке второго этажа. — Полиция! — завопила она, не сводя глаз с большого темного силуэта в углу. Человек согнулся в три погибели, и его черное лицо скрывал мрак. — Покажите мне руки! — велела она.

Я первым сюда пришел, — зарычал незнакомый голос. — Уходите отсюда. — Фигура подняла руку, и Джейн увидела, что человек держит бутылку.

Бросьте ее немедленно! — скомандовала Риццоли.

Мне сказали, что я могу остаться здесь! Они дали мне разрешение!

Опустите бутылку! Мы просто хотим поговорить с вами.

О чем?

Об этом месте. Об этом здании.

Оно мое. Они отдали его мне.

Кто отдал?

Люди из черной машины. Они сказали, что здание им больше не нужно и что я могу жить здесь.

Хорошо. — Джейн опустила оружие. — Почему бы нам не начать с начала? Как ваше имя, сэр?

Дензел.

А фамилия?

Вашингтон.

Дензел Вашингтон[12]. В самом деле. — Джейн вздохнула. — Думаю, это имя ничем не хуже других. Так что, Дензел, может, уберем оружие и успокоимся? — Она сунула пистолет в кобуру и подняла обе руки. — Идет?

А он? — спросил Дензел, указывая на Фроста.

Как только вы опустите бутылку, сэр, — ответил Фрост.

Спустя мгновение Дензел с выразительным стуком поставил бутылку между своих ступней.

Я могу метнуть ее в любую минуту, — предупредил он. — Так что ведите себя хорошо.

Как давно вы здесь живете? — поинтересовалась Джейн.

Дензел чиркнул спичкой и, подавшись вперед, зажег свечу. При

слабом свете пламени Джейн увидела усыпанный мусором пол, раскиданные обломки стула. У свечи обосновался растрепанный афро-американец, одетый в лохмотья.

Несколько месяцев, — ответил он.

И все же — сколько?

Семь-восемь, я думаю.

А кто-то еще приходил осматривать здание?

Только крысы.

Вы живете здесь совсем один?

А зачем вам это знать?

Дензел, — проговорила Джейн и, произнеся это имя, почувствовала себя смешной, — мы пытаемся понять, кто на самом деле владелец этого здания.

Я же вам сказал. Я.

Не «Джарвис и Маккрейн»?

А кто это?

А как насчет Николаса Клока? Вы когда-нибудь слышали это имя? Видели этого человека?

Дензел внезапно повернулся и гаркнул на Фроста:

Что ты там делаешь? Пытаешься украсть мое барахло?

Здесь нечего красть, парень, — отозвался Фрост. — Просто оглядываю помещение. На полу полно железной стружки. Наверное, здесь когда-то была фабрика по изготовлению инструментов…

Послушайте, Дензел, мы пришли сюда вовсе не донимать вас, — сказала Джейн. — Мы просто хотим узнать об организации, которая находилась здесь два-три года назад.

Здесь ничего не было.

Вы знали это здание и раньше?

Я всегда жил по соседству. И у меня есть глаза.

Вы знаете человека по имени Николас Клок? Хорошо сложенный блондин, сто восемьдесят девять сантиметров. Симпатичный, примерно сорока пяти лет.

Почему вы расспрашиваете меня о симпатичных парнях?

Просто интересуюсь, не видели ли вы где-нибудь здесь Николаса Клока. В документах значится, что он работал по этому адресу.

Дензел фыркнул.

Наверное, работал очень успешно. — Афроамериканец резко развернулся к Фросту и рыкнул: — Ты вообще не обращаешь на меня внимания, да? Я же сказал: прекрати осматривать мое жилье.

Черт возьми! — воскликнул Фрост, выглянув в разбитое окно. — Кто-то залез в нашу машину!

Что? — Джейн подошла к окну и посмотрела вниз на свою «Субару». Увидела, что пассажирская дверца приоткрыта. Она потянулась к оружию и вскрикнула: — Пошли!

Нет, вы не пойдете, — сказал Дензел, и Джейн почувствовала, как к ее затылку прижали дуло пистолета. — Вы сейчас же бросите оружие. Оба. — Его равнодушный и медлительный голос стал решительным и холодным.

Джейн уронила свой «Глок» на пол.

И вы, детектив Фрост, — приказал мужчина.

«Он знает наши имена», — ужаснулась про себя Джейн.

Второй пистолет тоже стукнулся об пол. Дензел ухватил Риццоли за куртку и толкнул ее на колени. Пистолет был по-прежнему прижат к голове Джейн, да так сильно, что ей казалось, будто это сверло, которое вот-вот просверлит дырку в ее черепе. И кто отыщет их тела в этом полуразрушенном здании? Вероятно, брошенную машину заметят только через несколько дней, а может, и недель. Наверное, уже после того как кому-нибудь придет в голову отыскать ее владелицу.

Фрост рухнул на колени рядом с напарницей. Она услышала тоны клавиатуры мобильного телефона, потом Дензел произнес:

У нас проблема. Хочешь, чтобы я покончил с ней?

Джейн краем глаза посмотрела на Фроста и заметила ужас на его лице. Если уж драться, это последний шанс. Двое против вооруженного мужчины. Один из них почти наверняка получит пулю, зато второй, возможно, выживет. «Делай это сейчас, пока он говорит по телефону и его внимание рассеяно. — Риццоли напрягла мышцы и сделала вдох, возможно последний в ее жизни. — Изогнись, схвати, вырви...»

По лестнице зазвенели шаги, дуло пистолета внезапно оторвалось от головы Джейн, а Дензел отступил прочь, и теперь Риццоли не смогла бы его достать. Надежда на то, что у него можно вырвать оружие, растаяла.

Шаги достигли вершины лестницы и двинулись по направлению к ним, каблуки резко застучали по деревянному полу.

Что ж, действительно проблема, — проговорил на удивление знакомый голос. Женский. — Вы оба можете встать, детективы. Думаю, пора поговорить начистоту.

Джейн поднялась на ноги и, обернувшись, увидела Кэрол Микки. Но это была уже не та залакированная блондинка, якобы коллега Оливии Яблонски из компании «Больничное оборудование Лейде- кера». На этой женщине были отличные синие джинсы и черные сапоги, а вместо залакированной насмерть бабской прически-шлема — туго затянутый хвост из светлых волос, который подчеркивал красиво выступающие скулы, как у фотомодели. Когда-то она была потрясающе красива, но теперь возраст отчетливо обозначился и в самом лице, и в морщинках, расходившихся от уголков глаз.

Я так понимаю, компании «Больничное оборудование Лейдеке- ра» не существует, — заметила Джейн.

Разумеется, она существует, — возразила Кэрол. — Вы же видели наш каталог. Мы продаем новейшие кресла на колесах и сиденья для душа.

Силами торговых представителей, которых никогда не бывает на работе. Они действительно существуют или, как и Оливия Яблонски, выполняют задания ЦРУ по всему миру?

Кэрол и Дензел переглянулись.

Это большой скачок логики, — наконец проговорила Кэрол, но слишком длинная пауза указала Джейн на то, что она попала в точку.

И вас в действительности зовут не Кэрол, верно? — спросила Джейн. — Потому что я уверена: его имя не Дензел.

Пока обойдемся этими именами.

Они спросили меня о Николасе Клоке, — сказал Дензел.

Разумеется. Они не идиоты. — Кэрол подняла с пола пистолеты и вернула их Джейн и Фросту. — Именно поэтому я решила, что пора поработать вместе. Как думаете?

Джейн взяла в руки свой «Глок» и всего лишь на мгновение подумала: а не направить ли оружие на Кэрол и не велеть ли ей выкинуть из головы «совместную работу» и прочее дерьмо такого рода? Эти люди наставили на нее пистолет, заставили их с Фростом опуститься на колени и ждать смерти. Такие вещи нельзя быстро забыть и простить. Но Джейн укротила свой характер и сунула оружие в кобуру.

Как это вы здесь так случайно оказались?

Мы знали, что вы направляетесь сюда. Мы присматривали за вами.

Это заведение, как «Лейдекер», — заметил Фрост. — Еще одна фирма, на этот раз прикрытие для Николаса Клока.

И сюда они пришли бы его искать, — сказала Кэрол.

Но Клок умер. Погиб на своей яхте.

Они этого не знают. Мы уже несколько недель распускаем слухи, что Клок жив, что его внешность была изменена при помощи пластической хирургии.

А кто его ищет? — поинтересовалась Джейн.

Кэрол и Дензел переглянулись. Через мгновение женщина, похоже, приняла решение и сказала Дензелу:

Мне нужно, чтобы ты вышел и последил за улицей. Оставь нас.

Афроамериканец быстро кивнул и вышел из помещения; было

слышно, как он со звяканьем направился вниз по лестнице. Кэрол посмотрела в окно и не произнесла ни слова, пока не увидела своего помощника на улице.

Тогда она повернулась к Джейн и Фросту.

Одни коробочки внутри других. Так Компания контролирует информацию. Дензел знает только то, что в его коробочке, иное ему неизвестно. Итак, сейчас я передам вам коробку, которая будет принадлежать лишь вам двоим. Делиться ею нельзя. Вы поняли?

А кто знает все? — поинтересовалась Джейн. — Кому принадлежат все эти коробочки?

Этого я не могу вам сказать.

Не можете или не хотите?

К вашей коробке это не имеет отношения.

Значит, мы не получим представления о том, где ваше место в этой иерархии?

Я знаю достаточно, чтобы руководить этой операцией. Достаточно, чтобы понять: все ваши телодвижения угрожают тому, над чем я так долго работала.

ЦРУ не имеет права проводить операции на территории США, — заметил Фрост. — Это незаконно.

А еще это необходимо.

Почему такими делами не занимается ФБР?

Эта грязь не имеет к ним отношения. Она наша. Мы просто- напросто заканчиваем то, что должны были закончить несколько лет назад.

В Риме, — тихо сказала Риццоли.

Кэрол ничего не ответила, но ее внезапное молчание подтвердило подозрения Джейн. Все это началось в Риме. Именно там во время каких-то гибельных событий пересеклись судьбы Оливии, Николаса и Эрскина, именно эти события до сих пор, словно рябью, покрывают жизнь их детей.

Откуда вы знаете? — наконец спросила Кэрол.

Шестнадцать лет назад все они были там, в Риме. Эрскин трудился в дипломатической службе. Оливия работала так называемым торговым представителем. — Джейн умолкла, прикидывая. — Николас разъезжал в качестве консультанта «Джарвиса и Маккрейна». Компании, которая существовала только на бумаге.

Риццоли увидела подтверждение на лице Кэрол. Женщина пристально посмотрела в окно и вздохнула.

Они были такими нахальными. Были так уверены в себе, черт возьми. Мы делали такое и раньше — разве что-нибудь могло сорваться?

«Мы», — отметила про себя Джейн.

Вы тоже были там, — догадалась Риццоли. — В Риме.

Кэрол отошла от окна; каблуки на ее сапогах застучали по дереву.

Это была несложная операция. Новенькой в команде была только Оливия. Все остальные уже не раз работали вместе. Мы прекрасно знали Рим, особенно Эрскин. Это была его штаб-квартира, все там у него было схвачено. Все люди расставлены по местам. Нам надо было всего-навсего напасть, схватить наш объект и вывезти из страны.

Вы имеете в виду… похитить?

Вы говорите это с таким осуждением.

О похищении? Да, обычно я это осуждаю.

Вы не стали бы осуждать, если бы знали объект, о котором идет речь.

То есть вашу жертву.

Это преступник, который прямо или косвенно причастен к смерти сотен людей. Речь идет об американцах, детектив. О наших соотечественниках, убитых в нескольких странах. Речь не только о военных, но и о невинных людях, погибших за границей. О туристах, бизнесменах, о целых семьях. Некоторых чудовищ нужно просто истреблять, ради благополучия общества. Наверняка вы оба понимаете это, если принять во внимание вашу профессию. В конце концов именно этим вы и занимаетесь. Ловите чудовищ.

Но мы делаем это в рамках закона, — возразил Фрост.

Закон бессилен.

Закон указывает, когда мы выходим за пределы дозволенного.

Кэрол фыркнула.

Дайте угадаю, детектив Фрост. Вы были скаутом.

Джейн поглядела на своего напарника.

Что ж, здесь вы попали прямо в яблочко.

Мы делаем то, что необходимо, — продолжала Кэрол. — Все знают, что крайние меры иногда необходимы, но никто не хочет признавать это. Никто не хочет сознаться. — Она направилась к Джейн, приблизилась настолько, что Риццоли стало не по себе. — Если вы хотите безопасности, кто-то должен выполнять грязную работу. Эти кто-то и есть мы. И мы приехали туда, чтобы изъять из обращения это чудовище.

Вы говорите о тайной выдаче преступника, — догадался Фрост.

Словосочетание это какое-то слишком официальное. Но — да, это так называется. Шестнадцать лет назад наша миссия состояла в том, чтобы схватить его, затащить в частный самолет и отправить в место заключения, находящееся в стране-союзнице.

Для допроса? Пыток? — поинтересовалась Джейн.

С ним обходились куда мягче, чем он со своими жертвами. Этот человек действовал не из политических или религиозных убеждений. Он творил это ради денег, сделал на этом целое состояние. Стоило только перевести ему побольше денег, — и он запросто устроил бы взрыв в ночном клубе на Бали. Или крушение аэробуса в Хитроу. Его состояние обеспечило ему неприкосновенность — во всяком случае, обычным путем его было не достать. Мы понимали, что в Италии он никогда не предстанет перед правосудием. Поэтому нам нужно было добиться справедливости иным способом. У нас была единственная возможность, всего один шанс схватить его. Если бы мы облажались, если бы Икар ускользнул, он ушел бы в подполье. С его средствами нам больше не удалось бы к нему подобраться.

Икар?

Это всего-навсего кодовое имя. Настоящее не имеет значения.

Догадываюсь, что все сорвалось, — сказала Джейн.

Кэрол вернулась к окну и поглядела на улицу сквозь разбитые стекла.

О, мы выполнили миссию. Ждали его возле его любимого ресторана, где он ужинал со своими женой, детьми и двумя телохранителями. Когда они вышли, мы были во всеоружии. Одна команда окружила машину телохранителей. Другая последовала за автомобилем, где сидели Икар с женой и детьми. — Кэрол обернулась и посмотрела на собеседников. — Вы когда-нибудь ездили по тамошним горным дорогам?

Мы никогда не были в Италии, — ответила Джейн.

А я никогда не смогу вернуться туда. После того, что произошло.

Вы же сказали, что выполнили миссию.

Да. Но невероятно кровавым способом. Мы гнались за ним. Нас было четверо, в двух машинах мы ехали вверх по убийственно извилистой дороге. Мы почти догнали его, но тут из-за поворота вылетел грузовик. Машина Икара ударилась о заграждение, и ее занесло. Грузовик

врезался ему в бок. — Кэрол покачала головой. — Это было черт-те что. Жену и старшего сына раздавило ударом. Младший сын испускал последний вздох.

А Икар? — осведомился Фрост.

О, он был жив. Не только жив, но даже дрался с нами. Николас и Эрскин связали его и бросили в одну из наших машин. Через шесть часов, усмиренный и в наручниках, он уже сидел в самолете. Он проснулся за решеткой. Знаете, что он сказал, когда увидел меня? «Вы мертвецы. Все вы».

Но вы же убили его родных, — заметила Джейн.

Прискорбно. Побочный ущерб. Но мы выполнили миссию. Водитель грузовика был страшно потрясен и не смог сообщить итальянской полиции никаких внятных подробностей о нас. Эрскин продолжил работать на своем посту в посольстве. Николас вернулся под свое прикрытие в роли финансового консультанта.

А Оливия снова начала торговать несуществующими подкладными суднами.

Кэрол рассмеялась.

Хотя бы Оливия вернулась домой с сувениром. Она еще несколько недель пробыла в Италии. Познакомилась с дурацким туристом по имени Нил Яблонски. При свечах, в римском ресторане, думаю, даже придурок выглядит неплохо. Спустя год она вышла за него замуж.

И все вы продолжали обычную жизнь.

Так должно было быть.

А что вам помешало?

Икар сбежал.

В последовавшей тишине Джейн сложила два и два. И поняла причину, по которой убили три семейства.

Месть, — сказала она.

Кэрол кивнула.

За то, что мы сделали с ним и его семьей. За тринадцать лет, которые он провел в тюрьме, Икар стал еще большим чудовищем, чем раньше. У

него было время взрастить ненависть, вскормить ее и довести до таких размеров, что она сожрала его. Побег устроил кто-то из персонала, иначе и быть не могло. Не сомневаюсь, Икар предложил королевское вознаграждение тому, кто ему помог. После того как Икар исчез из поля зрения, мы не знали, ни куда он направился, ни как он теперь выглядит. Нам так и не удалось открыть все его тайные счета, так что Икар по-прежнему обладал целым состоянием. Уверена, что он купил себе новое лицо. И новых друзей на высоких постах.

Вы сказали, что он провел тринадцать лет в тюрьме, — заметил Фрост.

— Да.

Значит, Икар сбежал три года назад. — Барри поглядел на Джейн. — Наверное, из-за этого Николас Клок и его семья собрали вещи и переселились на яхту.

Кэрол кивнула.

После того как Икар сбежал, Николас начал нервничать. Мы все занервничали, но только он встревожился настолько, чтобы сжечь все мосты и на самом деле уйти из Компании. Я не считала, что Икару будет легко нас найти. Но тут вмешалось итальянское правительство.

Почему?

В этом виноваты политика, «Викиликс» и все такое. В прессу просочилась информация, что ЦРУ провело операцию по тайной выдаче на территории Италии. И вдруг итальянцы разозлились. Нарушение суверенитета. Операция ЦРУ, во время которой погибли три невинных гражданина Италии. Наши имена были удалены изо всех отчетов, но деньги способны открывать двери. Особенно, если этих денег много. — Кэрол вернулась к окну и посмотрела на улицу; изящный силуэт, обрамленный серым светом. — Первыми убили Эр- скина и его жену. Застрелили в лондонском переулке. Через несколько дней погибли Оливия с мужем — их самолет упал. Я попыталась предупредить Николаса, но сообщение не дошло вовремя. В течение трех недель погибли трое моих коллег.

И как же вам повезло остаться в живых? — удивилась Джейн.

Повезло? — Кэрол горько рассмеялась. — Вряд ли бы я использовала это слово, чтобы описать мою жизнь. Скорее, я обречена. Обречена все время оглядываться. Все время спать с одним открытым глазом. Так я живу вот уже два года, и пусть Компания делает все возможное, чтобы обезопасить

меня, этого ни в коей мере не достаточно. И этого недостаточно, чтобы трое детей остались в живых.

Икар пойдет так далеко? Он убьет детей?

А кто же еще их преследует? Он убил Николаса, Оливию и Эр- скина — все они умерли с интервалом в неделю. Теперь Икар преследует их детей, уничтожая семьи до последнего выжившего. Разве вы не понимаете? Он настаивает на своем! Это послание всем тем, кто решится противостоять ему в будущем. «Помешайте мне, и я уничтожу вас и всех, кто вам дорог». — Кэрол снова направилась к Джейн; теперь ее лицо казалось еще более усталым. — Он попытается снова.

Звук проезжающей по улице машины заставил Кэрол резко обернуться к окну. Она проследила за тем, как проехал автомобиль. Звук двигателя уже давно утих, но она все еще стояла там, высматривая, ожидая грядущего нападения.

Джейн вынула свой мобильный телефон.

Я сейчас позвоню в полицию штата Мэн. Попрошу их выслать команду...

Мы не можем им доверять. Мы не можем доверять никому.

Этих детей нужно немедленно защитить.

То, что я вам рассказала, засекречено. Нельзя сообщать какие- либо подробности представителям правоохранительных органов.

Иначе вам придется нас убить — так, что ли? — фыркнув, сказала Джейн.

Кэрол приблизилась к Риццоли; на ее лице не было ни следа улыбки.

Не совершайте ошибок. Если придется, значит, придется.

Тогда зачем же вы сообщили нам все это? Раз это такой страшный секрет?

Потому что вы слишком сильно влезли в это дело. Потому что, если вмешаетесь, вы все испортите.

Что именно мы испортим?

Помешаете лучшей, возможно, даже единственной моей возможности поймать Икара. Так или иначе — это был мой план. Поместить трех детей в одно и то же место, чтобы он не смог противостоять соблазну поразить эту цель.

Джейн и Фрост потрясенно переглянулись.

Вы все это спланировали? — поразилась Риццоли. — Вы устроили так, чтобы все трое оказались в «Вечерне»?

Сначала это было мерой предосторожности, а вовсе не планом. В Компании полагали, что им будет безопаснее в разных местах, но у меня были сомнения. Я следила за ними. И когда случилось первое нападение, на девочку...

Так это вы были доброй самаритянкой? Таинственной блондинкой, которая волшебным образом возникала на месте происшествия, а потом исчезала?

Я пробыла с Клэр достаточно долго, чтобы удостовериться: она в безопасности. Когда приехала полиция, я ускользнула из виду. Устроила так, чтобы девочку отправили прямиком в «Вечерню». Там уже был кое-кто из наших.

Доктор Уэлливер?

Кэрол кивнула.

Анна ушла из Компании много лет назад, после того как ее мужа убили в Аргентине. Но мы знали, что ей можно доверять. Мы также знали, что «Вечерня» достаточно удалена и защищена, чтобы девочка была в безопасности. Именно поэтому следующего ребенка мы тоже отправили в «Вечерню».

Уилла Яблонски.

Невероятное счастье, что его не было в том доме, когда взорвалась бомба. Я приехала как раз вовремя и утащила его.

А что же сорвалось с Тедди Клоком? Вы ведь знали, что произойдет. Вы знали, что следующее нападение будет на него.

Этого не должно было случиться. Дом был защищен, система безопасности включена. Произошла ужасная осечка.

Вы так считаете? — огрызнулась Джейн.

Я расставила агентов возле особняка, они дежурили круглосуточно. Но в ту ночь им приказали покинуть посты.

Кто приказал?

Они заявили, что это я их отозвала. Неправда.

Они солгали?

Все имеет свою цену, детектив. Надо просто повышать и повышать ставку, пока не добьешься своего. — Кэрол принялась кругами вышагивать по комнате. — Теперь я не знаю, кому можно доверять и насколько высокие звенья цепи уже задействованы. Я знаю только, что за этим стоит Икар и что он еще не закончил. Ему нужны эти трое детей. И ему нужна я. — Остановившись, она резко обернулась, чтобы посмотреть на Джейн. — Я должна положить этому конец.

Как? Если вы не можете доверять своим людям.

Поэтому я и вышла за пределы Компании. Я делаю все по-своему, со специально отобранными людьми, на которых я могу рассчитывать.

И вы рассказываете все это, потому что доверяете нам? — Джейн посмотрела на Фроста. — Вот так новость.

Во всяком случае, Икар вас не подкупил.

Откуда вы знаете?

Кэрол рассмеялась.

Два детектива из отдела убийств, и один из вас скаут. — Она поглядела на Фроста. — О, я поинтересовалась вашим прошлым. И не шутила, когда назвала вас скаутом. — Кэрол перевела взгляд на Джейн. — А ваша репутация — это что-то.

Неужели? — удивилась Риццоли.

Если я употреблю слово «сука», не стоит обижаться. Так я называю женщин вроде нас. Потому что мы не идем на компромиссы, не останавливаемся на полпути. Мы пинаем мяч до конца. — Она едва заметно поклонилась. — Суки уважают друг друга.

Боже, я польщена.

Я хочу сказать, — продолжала Кэрол, — что нам пора работать вместе. Если вы хотите, чтобы дети уцелели, вам нужна я, а вы нужны мне.

У вас в голове созрел реальный план или это альянс в принципе?

Я не выжила бы, если бы у меня не было планов. Мы заставим Икара выдать себя.

Как?

Для этого нужны дети.

Что ж, — проговорил Фрост, — мне не нравится то, что я слышу.

Вы еще ничего не слышали.

Вы упомянули о детях. Но мы никогда не согласимся подвергнуть их опасности.

Они уже в опасности, разве вы не понимаете? — рявкнула Кэрол. — Если бы не я, Уилла и Клэр уже не было бы в живых. Я была с ними, я спасла их.

А теперь хотите их использовать? — Фрост посмотрел на Джейн. — Ты понимаешь, что она запланировала?

Дай ей сказать, — попросила Джейн, не сводя глаз с Кэрол.

Она ничего не знала об этой женщине, не знала даже ее настоящего имени и еще не решила, стоит ли доверять ей. Суки уважают друг друга — этот девиз может сработать, только если ты знаешь другую суку. Джейн знала лишь то, что видела, а видела она атлетически сложенную блондинку сорока с лишним лет, на которой были дорогие сапоги и еще более дорогие наручные часы. Женщину, окутанную легким флером безысходности. Если Кэрол говорила им правду, значит, она работала на Компанию лет с двадцати пяти. Последние два года она была в постоянном движении, меняла имена, а это было бы очень сложно, если бы пришлось тащить за собой еще и семью. Она одинокий волк, решила Джейн. Выживает, потому что делает все необходимое, чтобы выжить.

Я знаю, что вы беспокоитесь о детях, — сказала Кэрол. — Но, если мы не покончим с этим, они никогда не окажутся в безопасности. Пока дети живы, они остаются для Икара воплощением его неудачи. А он хочет показать миру, что с ним не стоит связываться. Что он будет безжалостен, если ему станут прекословить. Подумайте, во что превратится жизнь детей, если мы не убьем его. Каждый год им придется менять имена и места жительства. Бежать, все время бежать. Я знаю, что это такое, и не желаю подобного ни одному ребенку. Особенно подросткам, которые так хотят иметь друзей, так жаждут стабильности. Это их единственная возможность жить нормально, им даже необязательно знать о том, что произошло.

Как вы собираетесь скрывать это от них?

Они уже и так там, где нужно. В легко обороняемом месте. С подъездной дорогой, которую просматривают. В школе, где полно преподавателей, которые способны защитить их.

Минуточку. Вы хотите сказать, что Энтони Сансоне знает об этом?

Ему известно только, что дети в опасности и им нужна защита. Я попросила доктора Уэлливер сказать ему только это, без подробностей.

Так значит, ему не известно об операции?

Кэрол отвела взгляд.

Даже доктор Уэлливер о ней не знала.

А теперь она умерла. Как такое могло случиться?

Я не знаю, почему она покончила жизнь самоубийством. Но у меня уже есть два агента на территории школы, и там появятся еще другие люди. Три подростка, оказавшиеся в школе, — это дети моих коллег, оставшиеся в живых, и я буду обеспечивать их безопасность. Это мой долг перед коллегами.

Так дело действительно в детях? — поинтересовалась Джейн. — Или только в вас?

Правда читалась на лице Кэрол, в искаженных дугах ее бровей, в легком наклоне головы.

Да, я тоже хочу жить спокойно. Но это получится только тогда, когда я уничтожу его.

Если, конечно, сможете узнать его при встрече.

Любой вооруженный самозванец будет убит. А с телами можно разобраться потом.

С чего вы решили, что Икар заявится самолично?

Просто я его понимаю. Для него эти дети — очень ценные жертвы. Да и я тоже. Он удовлетворится, только когда самолично увидит, что мы умерли. А раз все мы соберемся в одном и том же месте, ему трудно будет устоять перед соблазном. — Кэрол поглядела на часы. — Я теряю время. Мне надо ехать в Мэн.

Чего вы хотите от нас? — осведомилась Джейн.

Чтобы вы держались подальше от всего этого.

Тедди Клок — мой подопечный. А вы, дамочка, слишком сильно нарушили границы своих полномочий.

Меньше всего мне нужны несведущие полицейские, палящие по собственным теням. — Кэрол посмотрела вниз, на свой звонящий телефон. Отвернувшись от собеседников, она быстро ответила: — Говорите.

Джейн не видела лица женщины, но заметила, как напряглась ее спина, как резко выпрямились плечи.

Мы едем, — резко ответила она и отключила связь.

Что случилось? — спросила Джейн.

У меня был агент на месте. В школе.

Был?

Только что обнаружили его тело. — Кэрол посмотрела на Джейн. — Похоже, мы добрались до финального акта.

29

Нам нужно эвакуироваться, — сказал Сансоне, отпирая сейф в антикварном зале.

Он распахнул дверцу, и там обнаружился лежавший внутри пистолет. Маура посмотрела, как быстро Сансоне заряжал девятимиллиметровые пули в магазин, и удивилась, насколько хорошо он, судя по всему, был знаком с этим оружием. Маура никогда раньше не видела его с пистолетом, а тут получалось, что Энтони был не только прекрасно знаком с ним, но и полностью готов им воспользоваться.

Если мы разбудим детей прямо сейчас, — проговорил он, — то через десять минут можно будет выехать.

Куда же мы их повезем? — спросила Маура. — Выехав за ворота, мы станем уязвимыми. Вы превратили этот замок в крепость, Энтони. У вас тут система безопасности, непробиваемые двери. — «А еще у вас пистолет», — мысленно добавила она, наблюдая, как тот вгоняет магазин на место. — Джейн велела запереться и ожидать ее приезда. Это мы и должны сделать.

Как бы я ни старался обезопасить этот замок, он все равно остается неподвижной мишенью.

Внутри безопасней, чем снаружи. Джейн очень четко проинструктировала меня по телефону. «Держитесь вместе. Оставайтесь в здании. Никому не верьте».

Энтони засунул пистолет за пояс.

Давайте в последний раз проверим округу, — предложил он и вышел из антикварного зала.

Спустилась ночь. В воздухе добавилось прохлады. Когда Маура двинулась вслед за Энтони к выходу из школы, температура, казалось, понизилась еще на несколько градусов. Она обхватила себя руками, наблюдая за тем, как Сансоне проверяет дверь. Он внимательно осмотрел панель электронной системы безопасности и убедился, что все охраняемые зоны под контролем камер наблюдения.

Детектив Риццоли могла бы больше рассказать по телефону, — заметил Сансоне, направляясь в обеденный зал, где он осмотрел окна и проверил замки на них. — Мы не знаем, с какой чертовщиной сражаемся.

Она сказала, что не имеет права сообщить больше. Нам просто нужно четко следовать ее рекомендациям.

Ее представления тоже могут быть ошибочными.

Что ж, я доверяю ей.

А мне не доверяете. — Фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение, и они оба знали, что это так.

Энтони повернулся к ней, и Маура вдруг почувствовала волнение, почувствовала, что ее к нему тянет. Но в глазах Сансоне она замечала слишком много теней, слишком много тайн. А еще она подумала о поразительной легкости, с которой Энтони обращался с пистолетом, — очередная подробность, которая раньше была ей неизвестна.

Я ведь вас толком и не знаю, Энтони, — проговорила она.

Возможно, когда-нибудь вам захочется меня узнать, — с едва заметной улыбкой ответил он.

Они вышли из обеденного зала и направились в библиотеку. Поскольку большая часть студентов и преподавателей уехала, в замке царила жутковатая тишь, и в этот поздний час легко было поверить, что они здесь совершенно одни. Последние обитатели брошенной цитадели.

Как думаете, вы когда-нибудь научитесь доверять мне, Маура? — спросил Энтони, переходя от окна к окну, — этакий мрачный охранник, передвигающийся во тьме. — Или между нами навсегда останется напряжение?

Для начала попробуйте быть со мной более открытым, — посоветовала Маура.

Это предложение относится к нам обоим. — Сансоне ненадолго умолк. — Вы и отец Брофи. Вы до сих пор вместе?

При упоминании о Даниэле Маура остановилась.

А почему вы спрашиваете?

Вы наверняка знаете ответ. — Энтони повернулся к Мауре. Тень от ниши, в которой он стоял, закрывала его глаза.

В любви не бывает определенности, Энтони. В ней много беспорядочного и болезненного. Иногда конца просто не случается.

Во мраке Мауре удалось лишь уловить его понимающую улыбку.

Еще одна причина, по которой мы так схожи. Кроме наших личных трагедий. Кроме работы, которой мы занимаемся. Мы оба одиноки, — тихо произнес он.

В тишине библиотеки внезапный телефонный звонок показался еще более пугающим. Энтони направился в другой конец помещения, чтобы взять трубку, а Маура словно приросла к месту — так подействовали на нее только что сказанные слова. Правда потрясла ее. «Да, мы одиноки, — подтвердила она про себя. — Оба».

Доктор Айлз рядом со мной, — сказал он в трубку.

«Джейн звонит», — сразу же подумала Маура. Но, взяв трубку, она поняла: на проводе судмедэксперт штата Мэн.

Я просто подумала: получили ли вы мое сообщение? Вы ведь не перезвонили, — сказала доктор Эмма Оуэн.

Вы меня искали? Когда?

Примерно во время ужина. Говорила с одним из преподавателей. У него такой сердитый голос.

Наверняка это был доктор Паскантонио.

Верно, так он и представился. Думаю, доктор забыл передать вам. Я уже собиралась улечься в постель, но все-таки решила позвонить, раз уж вы просили меня ускорить процесс.

Вы по поводу токсикологии?

Да. У меня к вам вопрос. Действительно ли доктор Уэлливер была психологом?

Она была клиническим психологом.

Что ж, она и сама чудила потихоньку. Анализ показал лизергин и диэтиламид.

Маура обернулась и, пристально глядя на Сансоне, сказала:

Этого не может быть.

Мы еще должны подтвердить это с помощью жидкостной хроматографии, но, судя по всему, ваша доктор Уэлливер балдела от ЛСД. Я, конечно, знаю, что некоторые психологи считают его терапевтическим средством. Способом открыться духовному опыту и прочее ля-ля. Но, бог мой, она же работала в школе! Глотать таблетки — вряд ли хороший пример для детей.

Маура стояла совершенно неподвижно и так крепко прижимала телефонную трубку к уху, что слышала собственный пульс.

Это падение с крыши...

Весьма вероятно, что оно — результат галлюцинаций. Или острый психоз. Помните, много лет назад ЦРУ провело эксперимент?

Они дали ЛСД одному бедолаге и тот выпрыгнул из окна? Нельзя предсказать, как объект отреагирует на наркотик.

Маура вспомнила о кристаллах, рассыпанных на полу туалета: они разлетелись в стороны, когда кто-то высыпал в унитаз содержимое сахарницы. «Он избавлялся от улики», — поняла доктор Айлз.

Мне придется перевести эту смерть в разряд несчастных случаев. Это не суицид, — проговорила доктор Оуэн. — Падение с высоты после употребления галлюциногенов.

ЛСД можно синтезировать, — заметила Маура.

Э-э-э, полагаю, да. Кажется, впервые его выделили из какого-то гриба, растущего на ржи.

«А кто знает о растениях больше, чем доктор Паскантонио?» — пронеслось в голове у Мауры.

О боже мой, — прошептала она.

Какие-то сложности?

Мне нужно идти. — Маура повесила трубку и посмотрела на Сансоне, который стоял к ней вплотную. В его глазах читался вопрос. — Нам нельзя здесь оставаться, — сказала она. — Нужно поднять детей и уйти прямо сейчас.

Почему, Маура? Что изменилось?

Убийца, — проговорила доктор Айлз. — Он уже внутри замка.

30

Где остальные? — спросила Маура.

Прищурившись, Джулиан смотрел на них из дверного проема своей комнаты, — в его глазах еще не исчезло сонное выражение. Он стоял с голой грудью, в широких трусах, волосы на его голове торчали во все стороны. Сонный подросток, который явно хочет лишь одного: снова залезть в постель. Зевая, парнишка потер подбородок, на котором уже пробилась первая темная щетина — будущая борода.

А они разве не спят?

Уилла, Тедди и Клэр нет в комнатах, — ответил Сансоне.

Они были там, я проверял.

Когда это было?

Не знаю. Возможно, в десять тридцать. — Внезапно Джулиан заметил пистолет, который Сансоне засунул за пояс, и тревожно выпрямился. — Что происходит?

Джулиан, — произнесла Маура. — Нам необходимо найти их прямо сейчас. И сделать это тихо.

Погодите, — ответил парнишка и снова нырнул в свою комнату.

Через мгновение он появился — уже в синих джинсах и кедах. Он

двинулся по коридору и зашел в комнату Уилла и Тедди. Волк, как всегда, бежал следом.

Ничего не понимаю, — признался Джулиан и поглядел, нахмурившись, на пустые кровати. — Ребята были в комнате, они уже надели пижамы.

Ребята ничего не говорили о том, что хотят выйти на улицу?

Они знали, что сегодня ночью им нужно быть внутри. Особенно сегодня ночью. — Джулиан резко развернулся и направился в другой конец коридора. Вслед за ним Маура и Сансоне вошли в комнату Клэр; там все остановились, разглядывая книги, которые были беспорядочно разложены на столе, фуфайку и грязные носки, сложенные кучкой в углу. Ничего особенного — типичная комната подростка. — Ерунда какая-то. Они не могли уйти, — поразился Джулиан. — Они не дураки.

Внезапно Маура поняла, насколько глубокой была тишина в замке. Глубокой, как земля. Глубокой, как могила. Если в замке и был еще кто-то живой, она этого не слышала. Ей было страшно от одной мысли, что придется обыскивать каждую комнату, каждую нишу, каждый лестничный марш в крепости, куда уже проник убийца.

Собачий скулеж заставил ее вздрогнуть. Она бросила взгляд на Волка, который тоже смотрел на нее. В глазах пса светился пугающе умный огонек.

Он поможет нам искать, — сказала Маура. — Ему просто нужны их запахи.

Он ведь не ищейка, — заметил Джулиан.

Но он пес, и у него собачий нюх. Волк может их учуять, если мы дадим ему понять, чего ищем. — Маура указала парнишке на кучу одежды, которую забраковала Клэр. — Дай ему понюхать вот это, — посоветовала она. — Посмотрим, куда он нас приведет.

Джулиан вынул из кармана поводок, прицепил его к ошейнику Волка и повел пса к кучке грязного белья.

Вот, малыш. Понюхай хорошенько, — велел он. — Так пахнет Клэр. Ты ведь знаешь Клэр, верно?

Джулиан обхватил ладонями огромную голову пса и пристально поглядел Волку в глаза. Связь между ними была глубокой, даже какой-то сакральной. Она возникла и окрепла в горах Вайоминга, где мальчишка и пес научились полагаться друг на друга, где выжить можно было, только полностью доверившись другому. Маура с изумлением увидела, как в глазах пса, судя по всему, загорелся огонек понимания. Волк повернулся к двери и залаял.

Пошли, — приказал Джулиан. — Пойдем найдем Клэр.

Волк потянул за поводок, выводя парнишку из комнаты. Но направился он вовсе не к главной лестнице, а дальше по коридору, к заброшенному крылу здания, где тени казались гуще, где за распахнутыми дверями таились пустые комнаты с накрытой простынями мебелью. Они миновали написанный маслом портрет женщины в красном. Казалось, дама пристально посмотрела на Мауру своими глазами с ясным металлическим блеском, словно изнутри они озарялись неким тайным знанием.

— Он направляется к бывшей лестнице прислуги, — догадался Сансоне.

Волк остановился и посмотрел вниз на лестницу, словно сомневаясь, стоит ли спускаться в этот мрак. Пес глянул на Джулиана; тот кивнул. Волк начал, стуча когтями, спускаться по узким деревянным ступеням. В отличие от перил большой лестницы, здешние были сделаны из дуба, просто и без роскошной резьбы. За десятилетия их отполировали руки многочисленных слуг, которые тихо поддерживали чистоту в замке и кормили его гостей. Здесь в воздухе повисло нечто гнетущее, словно над этими ступенями до сих пор носились призраки давно умерших слуг, приговоренные вечно летать туда- сюда с метлами и подносами. Маура как будто даже почувствовала, как один из этих призраков холодным ветерком пролетел мимо нее, она бросила взгляд через плечо, но увидела только поднимавшуюся во мрак пустую лестницу.

Они спустились уже на два пролета, но все еще продолжали движение в сторону подвала. Маура никогда не спускалась в эту самую глубокую часть «Вечерни». Казалось, ступени вели в сердце самой горы, в замкнутое пространство. Это ощущалось в воздухе, в его влажности.

Они дошли до основания лестницы и оказались в похожей на пещеру кухне, где Маура увидела массивные плиты из нержавеющей стали, огромную холодильную камеру, куда можно было войти в полный рост, и крючки на потолке, с которых свисали кастрюли и сковородки. Так вот, значит, где им жарят яичницу по утрам, вот где пекут хлеб! В этот поздний час на кухне никого не было; аккуратно сложенные посуда и прочая утварь ждали утра.

Волк внезапно замер, пристально глядя на дверь погреба. Шерсть на его шее встала дыбом, он зарычал, и от этого звука мурашки ужаса побежали по спине Мауры. За этой дверью скрывалось нечто, заставившее собаку встревожиться, прижаться к земле так, словно она готовилась напасть.

Звякнул металл — громко, словно кто-то ударил в тарелки.

Маура подскочила, сердце ее бешено забилось. Эхо на кухне начало утихать. Она почувствовала, что Сансоне держит ее за руку, но не смогла припомнить, когда он схватил ее за предплечье. Энтони просто оказался рядом, словно он всегда был там, чтобы поддержать Мауру.

Похоже, я его вижу, — тихо сказал Саисоне. Тихо и очень спокойно. Он выпустил руку Мауры и направился в другой конец кухни.

Энтони...

Все нормально. Нормально. — Сансоне обошел кухонный остров и опустился на колени, исчезнув из поля зрения. Маура не видела его, но слышала его голос, тихое бормотание. — Эй, ты в безопасности. Мы здесь, сынок.

Маура и Джулиан нервно поглядели друг на друга, затем вслед за Сансоне обогнули кухонный остров. Энтони сидел на корточках над дрожащим Тедди Клоком. Мальчик свернулся в тугой комок — подтянув колени к груди и обхватив себя руками.

Похоже, с ним все в порядке, — проговорил Сансоне, подняв глаза на Мауру.

Нет, не в порядке, — возразила она. Опустившись на колени рядом с Тедди, Маура обхватила его руками и прижала к груди. Мальчик сильно замерз — его кожа была ледяной, и он трясся так сильно, что Маура слышала стук зубов. — Все, все, — пробормотала она. — Теперь я с тобой, Тедди.

Он был здесь, — прошептал парнишка.

— Кто?

Мне жаль, мне очень жаль, — простонал он. — Я не должен был оставлять их там, но я испугался. Поэтому убежал...

Где остальные, Тедди? — спросил Джулиан. — Где Клэр и Уилл?

Парнишка прижался лицом к плечу Мауры, словно пытался спрятаться в какое-нибудь безопасное место, где никто не найдет его.

Тедди, ты должен поговорить с нами, — попросила Маура, отрывая от себя мальчишку. — Где остальные?

Он посадил их всех в ту комнату... — Пальцы мальчишки напоминали когти, отчаянно вцеплявшиеся в руки Мауры.

Она оторвала его пальцы и заставила парнишку поглядеть на себя.

Тедди, где они?

Я не хочу возвращаться в ту комнату!

Ты должен показать нам ее. Мы все время будем рядом. Просто укажи нам это место, и все.

Дрожа, парнишка сделал вдох.

Можно мне... Можно подержать собаку? Я хочу, чтобы со мной осталась собака.

Хорошо, парень, — согласился Джулиан. Опустившись на колени, он протянул мальчику поводок. — Держись за него, и он тебя защитит. Волк ничего не боится.

Похоже, это придало Тедди достаточно храбрости. Пошатываясь и цепляясь за поводок, как за спасательный трос, он поднялся на ноги и двинулся в другой конец кухни, к какой-то двери. Сделав глубокий вдох, парнишка отодвинул засов. Дверь распахнулась.

Это старый винный погреб, — пояснил Сансоне.

Они там, внизу, — прошептал Тедди, пристально глядя во тьму. — Я не хочу туда идти.

Успокойся, Тедди. Ты можешь подождать нас здесь, — сказал Сансоне. Он посмотрел на Мауру, а затем двинулся вниз по лестнице.

С каждым шагом воздух становился все более вязким, все более промозглым. Висевшие над головой голые лампочки желтоватым светом

озаряли многочисленные ряды винных ячеек — когда-то в них наверняка хранились тысячи бутылок с лучшими французскими винами, предназначавшихся для железнодорожного магната и его гостей. С тех пор вино здесь не пили, так что стеллажи опустели, став молчаливым напоминанием о золотом веке расточительства.

Они оказались возле тяжелой двери, петли которой были надежно вделаны в камень. Старая кладовая. Маура посмотрела на Джулиана.

Почему бы тебе не вернуться на кухню и не подождать нас вместе с Тедди?

С ним Волк. Он не пропадет.

Я не хочу, чтобы ты видел это. Пожалуйста.

Но Джулиан упрямо продолжал стоять рядом с ней, пока Сансоне поднимал щеколду- Наверху, на кухне, завыл Волк — этот высокий звук, полный отчаяния, привел Мауру в такой ужас, что у нее похолодела спина. Сансоне распахнул дверь. И тут Маура ощутила запах, исходивший из комнаты. Запах пота. Дух ужаса. Перед ней, во мраке, лежало то, чего она больше всего боялась. Четыре тела, приваленные к стене.

«Дети, — стучало у нее в голове. — Боже мой, это дети».

Сансоне нащупал выключатель и зажег свет.

Одно из тел подняло голову. Клэр уставилась на них широко распахнутыми глазами и с ужасом вскрикнула; этот звук приглушала липкая лента, закрывавшая ей рот. Зашевелились и остальные — Уилл, повар и доктор Паскаитонио, — все они были связаны липкой лентой и силились заговорить.

«Они живы! — радовалась Маура. — Они все живы!»

Маура опустилась на корточки рядом с девочкой.

Джулиан, у тебя есть нож?

Завывания пса стали неистовее, отчаяннее, словно он умолял людей: «Торопитесь, торопитесь!»

С характерным щелчком Джулиан раскрыл свой карманный ножик и опустился на колени.

Сиди спокойно, Клэр, иначе я не смогу тебя освободить, — велел он, но девочка начала выкручиваться и в ужасе выпучила глаза, словно пытаясь втянуть воздух. Маура сорвала ленту с ее рта.

Это ловушка! — закричала Клэр. — Он не ушел. Он прямо... — Голос девочки утих, а взгляд застыл на чем-то — или на ком-то, — кто стоял за спиной у Мауры.

В ушах застучала кровь — Маура обернулась и увидела человека, возвышавшегося в дверном проеме. Заметила его широкие плечи и сверкающие глаза на фоне лица, выкрашенного черной краской, но основное ее внимание привлек пистолет в руках незнакомца. Пистолет с глушителем. Если он выстрелит, никто не услышит оглушительного хлопка; смерть придет после тихого щелчка, который будет слышен только в этом каменном помещении, упрятанном глубоко внутри горы.

Бросьте оружие, господин Сансоне, — велел незнакомец. — Немедленно.

«Он знает наши имена», — поняла Маура.

У Сансоне не было выбора. Энтони высвободил пистолет из-за пояса, и оружие со стуком упало на пол.

Джулиан, уже опустившийся на колени рядом с Маурой, потянулся и схватил ее за руку. Ему ведь всего-навсего шестнадцать, такой юный, подумала она, крепко сжимая руку парнишки.

Волк снова завыл, с яростью. С раздражением.

Джулиан внезапно поднял глаза, и Маура увидела в них явное замешательство. Как и Джулиан, она поняла: что-то не складывается. «Если Волк еще жив, почему он не защищает нас?»

Подвиньте его ногой ко мне, — приказал мужчина.

Сансоне пнул пистолет ботинком, и тот, заскользив по полу, остановился прямо у дверного проема, где стоял незнакомец.

А теперь на колени.

Значит, вот так все и закончится, подумала Маура. Все на колени. Пуля в каждую голову.

Немедленно!

Сансоне сдался — опускаясь на пол, он повесил голову. Но это был всего-навсего переход к последнему отчаянному шагу. Словно спринтер, рванувший со старта, Энтони прыгнул на вооруженного человека.

Они покатились через порог, отчаянно сражаясь во тьме винного погреба.

Пистолет Сансоне по-прежнему лежал на полу.

Маура поднялась на ноги, но, перед тем как она успела схватить оружие, чужие пальцы уже обхватили рукоятку. Дуло оказалось у ее виска.

Назад! Назад! — заорал на Мауру Тедди. Его руки дрожали, но палец уже лежал на спусковом крючке; мальчишка метил в голову Мауре. Он крикнул через плечо: — Я застрелю ее, господин Сансоне! Клянусь — застрелю!

Маура ошеломленно снова опустилась на колени. Сансоне пихнули назад, в кладовую, и силой заставили встать на колени возле нее.

Пес не сорвется, Тедди? — спросил вооруженный мужчина.

Я привязал его к кухонному шкафу. Он не сможет вырваться.

Свяжи им руки. Только быстро, — велел мужчина. — Они могут объявиться в любую минуту, и нам нужно подготовиться.

Предатель! — рявкнула Клэр, когда Тедди начал отматывать клейкую ленту, чтобы связать заведенные за спину руки Сансоне. — Мы ведь были твоими друзьями. Как ты мог так поступить с нами?

Парнишка не обратил внимания на ее слова и принялся связывать Джулиана.

Это Тедди обманом заставил нас прийти сюда, — объяснила Клэр Мауре. — Сказал, что вы нас тут ждете, но оказалось, это ловушка. — Она пристально посмотрела на мальчишку глазами, полными отвращения. Пусть девочке грозила смерть, она оставалась дерзкой и даже бесстрашной. — Это был ты. Это всегда был ты. Повесил те дурацкие куклы из хвороста.

Тедди отмотал еще один кусок клейкой ленты и плотно стянул им руки Джулиана.

С чего бы я стал это делать?

Чтобы напугать нас. Чтобы мы ужаснулись.

Тедди взглянул на девочку с откровенным изумлением.

Я не делал этого, Клэр. Куклы должны были напугать меня. Заставить меня звать на помощь.

А доктор Уэлливер? Как ты мог сделать с ней такое?

В глазах Тедди вспыхнула искра сожаления.

Она не должна была умереть! Предполагалось, что это ее смутит. Она работала на них. Постоянно наблюдала за мной, ждала, пока я...

Тедди! — рявкнул мужчина. — Помнишь, чему я учил тебя? Что сделано, то сделано, надо двигаться дальше. Так что заканчивай скорее.

Есть, сэр, — ответил мальчишка, отрезая очередной кусок ленты. Он так плотно обвязал ею запястья Мауры, что ей ни за что не удалось бы вырвать или выкрутить руки.

Молодчина. — Мужчина вручил парнишке бинокль ночного видения. — Теперь поднимайся наверх и следи за двором. Скажешь мне, когда они приедут и сколько их.

Я хочу остаться с тобой.

Мне нужно, чтобы ты держался подальше от линии огня, Тедди.

Но я хочу помочь!

Ты уже достаточно помог мне. — Мужчина положил руку на голову парнишки. — Твое место на крыше. Ты — мои глаза. — Он опустил взгляд на пояс — там запикал приборчик тревожной сигнализации. — Она доехала до ворот. Надевай наушник, Тедди. Вперед! — Незнакомец вытолкнул мальчика за порог и последовал за ним.

Я была твоим другом! — закричала Клэр, когда дверь за ними закрылась. — Я доверяла тебе, Тедди!

Они услышали, как на двери защелкнулся висячий замок. Наверху, в кухне, Волк все еще лаял, все еще завывал, но закрытая дверь приглушала звук, и теперь он казался отдаленным, как крик койота.

Маура уставилась на запертую дверь.

Это был Тедди, — пробормотала она. — Все это время я и представить себе не могла...

Потому что он всего-навсего ребенок, — с горечью заметила Клэр. — Никто не обращает на нас внимания. Никто нам не доверяет. До тех пор пока мы кого-нибудь не удивим. — Девочка посмотрела вверх, на потолок. — Они убьют детектива Риццоли.

Она приедет не одна, — ответила Маура. — Детектив сказала мне, что с ней будут люди. Люди, способные защититься.

Но они не знают замок так хорошо, как этот человек. Тедди впускал его сюда с наступлением темноты. Ему знакома каждая комната, каждая лестница. И он подготовился к их приезду.

Волк перестал выть на кухне. Наверное, даже он понял, насколько безнадежно их положение.

«Джейн, — подумала Маура. — Теперь все зависит от тебя».

31

Замок выглядел покинутым.

Джейн и Фрост остановились на парковке «Вечерни» и пристально поглядели вверх, на темные окна, на зубчатую крышу, выделявшуюся на фоне звездного неба. На этот раз никто не встретил их у ворот, никто не ответил по телефону, когда Джейн звонила с дороги полчаса назад, — тогда еще на мобильном отображался слабый сигнал сети. Рядом с ними остановился черный внедорожник, и через окно Джейн различила силуэты Кэрол и ее помощников-мужчин. Первый — Дензел, второй — бритый качок, который всегда молчал. Когда они останавливались на заправке часом раньше, никто из мужчин не произнес ни слова; было ясно, что этим шоу руководит Кэрол.

Что-то здесь не так, — проговорила Джейн. — На дороге должны были сработать датчики, и Маура знала бы, что мы тут. Где все?

Фрост поглядел на внедорожник Кэрол.

Мне было бы куда легче, если бы нашим подкреплением были люди из полиции штата Мэн. В любом случае надо было им позвонить. Ну их, этих цэрэушников.

Хлопнули дверцы, из машины выбрались Кэрол и ее помощники. Джейн напряглась, когда все они нацепили на себя амуницию. Дензел сразу направился к зданию.

Джейн вылезла из машины.

Что это вы делаете, уважаемые?

Пора вам впустить нас в здание, детектив, — заявила Кэрол, надевая наушники для связи с помощниками. — Идите к парадной двери и поговорите с теми, кто внутри, по интеркому. Пусть они услышат ваш голос и решат, что все нормально, что нас можно впустить.

Мы приехали всего-навсего забрать детей и отвезти их в более безопасное место. Мы договаривались об этом. К чему вам обмундирование Рэмбо?

Планы поменялись.

С каких это пор?

С тех пор, как я решила, что сначала нужно обыскать здание. Мы пройдем через переднюю дверь, а вы посидите в своей машине и подождете нашего сигнала, что все чисто.

Вы сказали, что это всего-навсего эвакуация. И только поэтому мы согласились помочь вам попасть внутрь. Теперь, похоже, вы готовите штурм.

Это необходимая мера предосторожности.

Да пошла ты с этими мерами! Внутри дети. Я не позволю стрелять в школе.

К парадной двери, детектив. Немедленно.

Она не заперта, — сообщил Дензел, вернувшись. — Мы обойдемся без них.

Кэрол повернулась к афроамериканцу.

Что?

Я только что проверил. Мы запросто можем войти.

Теперь я точно знаю: что-то не так, — сказала Джейн. Она повернулась к зданию.

Внезапно Кэрол перегородила ей дорогу.

Вернитесь в свою машину, детектив.

Там моя подруга. Я иду в здание.

Я так не считаю. — Кэрол подняла свой пистолет. — Забери у них оружие.

Ого! — воскликнул Фрост, когда Дензел заставил их с Джейн опуститься на колени. — Нельзя ли полегче?

Ты знаешь, что с ними делать, — рявкнула Кэрол, обращаясь к Дензелу. — Если ты мне понадобишься, я свяжусь с тобой.

Джейн подняла голову — Кэрол и бритоголовый мужчина быстрым шагом направились к зданию школы.

Пропади ты пропадом, хренова засранка! — закричала она.

Да ей по фигу, — засмеялся Дензел. Он поднес ногу к ее затылку и пихнул Джейн. Та упала лицом на мостовую. Афроамериканец рывком завел ее руки за спину, и она почувствовала, как в ее запястья впились пластиковые наручники.

Подонок, — огрызнулась Риццоли.

Ай! Скажи мне еще что-нибудь приятное. — Дензел переключил внимание на Фроста, очень умело связав его запястья.

Вы всегда работаете таким образом, ребята? — поинтересовалась Джейн.

Она всегда так работает. Снежная Королева.

И это тебя не напрягает?

Работа делается. И все довольны. — Дензел выпрямился и, отойдя на несколько шагов от своих пленников, ответил в микрофон: — Здесь все спокойно. Да, прием. Только скажи, когда.

Джейн перевернулась на бок и посмотрела на здание, однако Кэрол и другой ее помощник уже исчезли за дверью. Сейчас они бродили по темным коридорам, переполняемые адреналином; при любом шевелении во мраке их инстинкты обострялись донельзя. Спасти жизни в этой миссии не главное; дети были всего-навсего пешками в войне, которую вела женщина, зацикленная на единственной цели. Женщина со льдом в жилах.

Шаги Дензела снова приблизились к Джейн. Она подняла глаза и увидела, что афроамериканец стоит прямо над ней. На фоне звездного неба казалось, что его оружие — продолжение руки, черная волшебная палочка смерти. Она вспомнила, что именно сказала Де- нзелу Кэрол — «ты знаешь, что с ними делать», — и эти слова вдруг приобрели для нее другой, пугающий смысл. Затем Дензел снова сделал шаг — на этот раз в

сторону от нее. Он вовсе не смотрел на Джейн. Его голова повернулась сначала налево, потом направо; он вглядывался в темноту, затем до Риццоли донеслись его слова:

Какого черта!

Что-то просвистело на ветру — словно нож пропорол растянутый шелк.

Дензел повалился ей на грудь, причем так тяжело, что вышиб воздух из легких. Придавленная его весом, Джейн с трудом умудрялась дышать. Она чувствовала, как Дензел корчится в агонии, а сквозь ее блузу просачивалось что-то теплое и влажное. Риццоли слышала, как напарник выкрикивает ее имя, но шевелиться под этим смертельным грузом она не могла, поэтому просто пялилась вверх. К ней приблизились чьи-то шаги. Медленно, осторожно.

Джейн смотрела вверх, на ночное небо. На звезды — их было так много. Млечный Путь светился ярче, чем когда-либо раньше.

Шаги замерли. Над ней остановился мужчина — его глаза сияли на лице, вымазанном черной краской. Джейн понимала, что произойдет дальше. Тело Дензела, с которого на нее стекала кровь, уже объяснило самое важное.

Икар здесь.

32

Об опасности их предупредил пес. За дверью их камеры снова завыл Волк, настолько громко, что эхо разнеслось по винному погребу и лестничному ходу. Клэр даже представить себе не могла, что заставило пса завыть. Возможно, он понял: их время истекло, и сама смерть спускается сейчас по ступеням, чтобы наконец заявить свои права на них.

Он возвращается, — поняла девочка.

В этом душном помещении Клэр улавливала запах страха — острый, электризующий, — смрад животных, ожидающих гибели. Уилл, влажный от пота, прижался к ней теснее. В конце концов ему удалось оторвать ленту ото рта, он склонился к Клэр и прошептал:

Спрячься за меня и не высовывайся. Что бы ни случилось, изображай, что ты мертва.

Что это ты собираешься делать?

Пытаюсь защитить тебя.

Зачем?

А разве ты не знаешь, зачем? — Паренек поглядел на нее, и, хотя он оставался все тем же круглолицым прыщавым Уиллом, Клэр уловила в его глазах нечто новое, то, чего раньше не замечала. Этот огонек сиял так ярко, что не увидеть его было невозможно. — У меня не будет другой возможности сказать это, — прошептал он. — Но я хочу, чтобы ты знала...

Звякнул висячий замок. Когда дверь со скрипом отворилась, они оба замерли, а затем увидели дуло пистолета, который сжимала чья- то обтянутая перчаткой рука. Оружие описало полукруг, словно ища в помещении свою цель и не находя ее.

В кладовку зашел бритоголовый мужчина и закричал:

Его тут нет! Здесь остальные.

Затем вошла женщина, холеная и изящная, ее волосы были спрятаны под кепкой.

Этот пес наверняка воет из-за чего-то, что находится здесь, — догадалась женщина. Они стояли бок о бок, два незваных гостя, одетые во все черное, и оглядывали помещение со связанными пленниками. Взгляд женщины упал на Клэр, и она сказала: — Мы ведь раньше встречались. Ты помнишь, Клэр?

Пристально глядя на незнакомку, Клэр вдруг подумала о мчавшихся на нее фарах. Вспомнила, как ночь перевернулась вверх ногами, припомнила звуки разбивающегося стекла и выстрелов. А еще — ангела-хранителя, который волшебным образом вытащил ее из разбитой машины.

«Возьми меня за руку, Клэр, — произнес ангел. — Если хочешь жить».

Женщина повернулась к Уиллу, который глядел на нее с открытым ртом.

И с тобой мы тоже встречались, Уилл.

Вы были там, — пробормотал паренек. — Вы та самая...

Кто-то же должен был спасти вас. — Она вынула нож. — Теперь мне необходимо знать, где этот человек. — Женщина подняла нож лезвием вверх, словно предлагала его в обмен на содействие.

Освободите меня, — резко сказал Сансоне, — и я помогу вам обезвредить его.

Прошу прощения, но эта игра не для гражданских, — ответила женщина. Она обвела глазами пленников. — А что Тедди? Кто-нибудь знает, где он?

Ну его, этого Тедди, — отозвалась Клэр. — Он предатель. Он завел нас в ловушку.

Тедди сам не знает, что делает, — проговорила женщина. — Ему сказали неправду, подкупили его. Помогите мне спасти его.

Он не придет. Он спрятался.

Знаете, где?

На крыше, — ответила Клэр. — Он должен был ждать там.

Женщина поглядела на своего напарника.

Тогда нам нужно подняться и забрать его. — Вместо того чтобы освободить Сансоне, женщина опустилась на колени за спиной у Клэр и перерезала ее путы. — Ты можешь нам помочь, Клэр.

Девочка вздохнула с облегчением, потерла свои запястья и с радостью ощутила, что кровь снова приливает к кистям рук.

Как?

Он ведь твой одноклассник. Он послушает тебя.

Он не станет слушать никого из нас, — возразил Уилл. — Он помогает тому человеку.

Тот человек, — произнесла женщина, поворачиваясь к Уиллу, — пришел сюда убить вас. Убить всех нас. Я вот уже три года пытаюсь поймать его. — Она поглядела на Клэр. — Как попасть на крышу?

Там есть дверь. В башенке.

Отведи нас туда. — Женщина рывком подняла Клэр на ноги.

А они? — спросила девочка, указывая на остальных.

Женщина бросила нож на пол.

Они сами могут освободиться. Но им придется остаться здесь. Так безопасней.

Что-что? — запротестовала Клэр, когда женщина потащила ее прочь из кладовки.

Я не могу позволить им путаться под ногами. — Женщина захлопнула дверь.

Из кладовой донеслись крики и ругательства Сансоне.

Откройте дверь!

Это неправильно, — настаивала Клэр. — Нельзя, чтобы все они сидели взаперти.

Мне приходится так поступать. Это лучше для них, лучше для всех. Включая Тедди.

На Тедди мне наплевать.

А мне — нет. — Женщина сильно встряхнула девочку. — Теперь веди нас в башенку.

Из винного погреба они выбрались на кухню, где снова залаял Волк; он по-прежнему пытался сорваться с поводка, а потому выглядел несчастным и полузадушенным. Клэр хотела отвязать его, но женщина утащила ее прочь, в сторону лестницы прислуги. Впереди шел мужчина — пока они поднимались, бритоголовый постоянно осматривал верхние ступени. Клэр никогда не встречала людей, которые двигались так тихо, как эти двое. Они напоминали кошек — бесшумная поступь, постоянно бегающие глаза. Зажатая между ними, Клэр не видела ничего ни впереди, ни сзади, а потому сосредоточила свое внимание на ступенях, на том, чтобы двигаться так же беззвучно, как эти мужчина и женщина. Наверное, они какие-то секретные агенты, решила девочка, приехали, чтобы спасти нас. И даже Тел ли, этого предателя. У нее было много времени на обдумывание всего, пока она сидела в том помещении со связанными руками, слушая всхлипывание повара и свистящее дыхание доктора Паскантонио. Она вспомнила обо всех уликах, на которые не обратила внимания. Как Тедди никому не позволял видеть монитор своего компьютера и всегда нажимал «Esc», когда она заглядывала к нему в комнату. Он посылал сообщения этому человеку, поняла она. Все это время Тедди помогал человеку, который пришел убить их.

Только она не знала, почему.

Они добрались до третьего этажа. Бритоголовый остановился и обернулся к Клэр, ожидая ее инструкций.

— Вон там, — прошептала девочка, указывая на спиральную лестницу, которая вела в башенку. В кабинет доктора Уэлливер.

Мужчина двинулся вверх по каменным ступеням, и Клэр стала красться за ним. Лестница здесь была очень крутая, и девочка видела только заднюю часть бедер мужчины и длинный тонкий нож, свисавший с пояса. Было так тихо, что Клэр слышала, как шуршит их одежда, когда они перемещаются со ступени на ступень.

Дверь в башенку была приоткрыта.

Толкнув дверь локтем, мужчина потянулся и щелкнул выключателем. Они увидели рабочий стол доктора Уэлливер, ее шкаф с личными делами. Диван с цветочной обивкой и пухлые подушки. Эту комнату Клэр прекрасно знала. Интересно, сколько часов она просидела на этом самом диване, рассказывая доктору Уэлливер о своих бессонных ночах, головной боли и ночных кошмарах? В этой комнате, оформленной в мягких пастельных тонах, украшенной магическими кристаллами и благоухающей ладаном, Клэр чувствовала себя вполне безопасно, чтобы открывать свои тайны. А доктор Уэлливер, как всегда, поставив рядом чашечку с травяным чаем, терпеливо слушала, кивала, и ее седые вьющиеся волосы подпрыгивали в такт киванию.

Клэр стояла возле двери, пока мужчина и женщина быстро обыскивали кабинет и примыкавшую к нему ванную. Они заглянули под рабочий стол, открыли шкаф. Тедди нигде не было.

Женщина повернулась к двери, которая вела на улицу, к мостику на крыше. К той самой двери, через которую вышла доктор Уэлливер, чтобы совершить свой смертельный прыжок. Когда женщина ступила наружу, в комнату ворвался летний ветер, теплый, со сладким сосновым ароматом. Клэр услышала стук бегущих ног, а затем крик. Через несколько секунд женщина вернулась, таща Тедди за рубашку, и парнишка свалился на пол.

Тедди поднял глаза на Клэр.

Ты рассказала им! Ты предала меня!

А почему бы и нет? — огрызнулась Клэр. — После того, что ты сделал с нами.

Ты не понимаешь, кто эти люди!

Зато я знаю, кто ты, Тедди Клок. — Клэр хотела было пнуть паренька ногой, но женщина схватила ее за плечо и оттащила в угол.

Стой здесь, — велела она, а затем обратилась к Тедди: — Где он?

Свернувшись клубком, Тедди покачал головой.

Каков его план? Расскажи мне, Тедди.

Я не знаю, — заныл мальчишка.

Ну конечно же, знаешь. Ты знаешь его лучше, чем кто-либо. Просто скажи мне, и все будет хорошо.

Вы убьете его. Для этого вы и приехали.

А тебе не нравится смотреть, как убивают людей. Верно?

Да, — прошептал Тедди.

Тогда это тебе тоже не захочется видеть. — Женщина резко обернулась и приставила пистолет ко лбу Клэр.

Девочка замерла; она была так потрясена, что не могла произнести ни слова. Тедди тоже был ошеломлен и молчал, выпучив глаза от ужаса.

Скажи мне, Тедди, — настаивала женщина. — Или мне придется обрызгать этот прекрасный диван мозгами твоей подруги.

Напарник женщины, похоже, тоже был в ужасе от такого поворота событий.

Что за хрень ты творишь, Жюстина?

Пытаюсь добиться хоть какого-то содействия. Так что скажешь, Тедди? Хочешь посмотреть, как умрет твоя подруга?

Я не знаю, где он!

Считаю до трех. — Пистолет еще крепче прижался ко лбу Клэр. — Раз...

Зачем вы это делаете? — закричала Клэр. — Вы ведь хорошие*.

Два.

Вы сказали, что приехали помочь нам!

Три. — Женщина подняла оружие и пальнула в стену, обсыпав голову Клэр дождем из штукатурки. С отвращением фыркнув, женщина снова повернулась к Тедди.

Клэр, пошатываясь, отошла в сторону и, дрожа, упала у стола. «Почему все это происходит? — стучало у нее в голове. — Почему они обернулись против нас?»

Раз уж это не сработало, — проговорила женщина, — возможно, ты и правда не знаешь, где он. Поэтому переходим к плану Б. — Она схватила Тедди за руку и потащила к кровельному мостику.

Это уже хрен знает что, — сказал бритоголовый. — Они ведь всего-навсего дети.

Это необходимо.

Мы пришли за Икаром.

Наш объект — тот, на кого я укажу. — Женщина выдернула у Тедди из уха наушник и вытащила мальчика за дверь, на мостик. — Теперь подвесим наживку, — сказала она, перекидывая парнишку через перила.

Тедди заорал, бешено пытаясь отыскать опору на крутой шиферной крыше. От смертельного падения его удерживала только женщина, сжимавшая его руку.

Она заговорила в гарнитуру мальчишки.

Нет, это не Тедди. Угадай, кто свесился с крыши. Хороший такой мальчик. Мне стоит только отпустить его, и от него останется одно лишь пятно на земле.

Ребенок не имеет к этому отношения, — запротестовал бритоголовый.

Не обратив внимания на коллегу, женщина продолжала говорить в микрофон.

Я знаю, что ты на этой частоте. А ты знаешь, что происходит. И еще ты знаешь, как это прекратить. В любом случае, я никогда не любила детей, так что для меня это пара пустяков. И потом — мне уже тяжело его держать.

Ты перешла все границы, — заметил мужчина и двинулся к напарнице. — Втащи ребенка на мостик.

Отойди, — велела она. А затем рявкнула в микрофон Теддиной гарнитуры: — Тридцать секунд! И ни секундой больше! Покажись, или я отпущу его!

Жюстина, — повторил бритоголовый. — Поставь ребенка на мостик. Немедленно.

Боже ты мой! — Женщина рывком перекинула Теми через перила и поставила на мостик. Затем прицелилась и выстрелила в своего напарника.

Ударом пули мужчину отбросило назад. Он рухнул на рабочий стол и сполз вниз — его голова с глухим стуком уткнулась в пол, совсем рядом с тем местом, где, съежившись, сидела Клэр. Девочка уставилась на дырку над левым глазом мертвеца. Увидела текущую оттуда кровь, которая пропитывала розовый ковер доктора Уэлливер.

«Она убила его, — поразилась про себя девочка. — Убила собственного помощника».

Нагнувшись, Жюстина подхватила оружие своего мертвого коллеги и засунула его за пояс. Затем отбросила в сторону гарнитуру Тедди и заговорила в свою собственную рацию:

Где тебя черти носят? Объект уже на пути в башенку, ты нужен мне здесь немедленно.

По лестнице зашумели шаги.

Женщина тут же подняла Тедди на ноги и поставила перед собой — живой щит от человека, только что переступившего порог. Того самого человека, которого Клэр раньше считала врагом. Но теперь кругом царила полная неразбериха, потому что женщину она совсем недавно считала их спасительницей. А ведь она думала, что мужчина в камуфляже, с выкрашенным черной краской лицом, мужчина, который связал ее, пришел убить их всех. «Кто из них мой друг?»

Мужчина приближался медленно, направив оружие на женщину. Тедди, стоявший на линии огня, был бледен как полотно и дрожал в тисках женских рук.

Отпусти его, Жюстина, — сказал незнакомец. — Это касается только нас с тобой.

Я знала, что в конце концов заставлю тебя появиться.

Дети не имеют к этому никакого отношения.

Они — моя козырная карта, и вот наконец ты. Все еще в отличной форме, как я вижу. Хотя твое прежнее лицо нравилось мне больше. — Она

крепче прижала дуло своего пистолета к виску Тедди. — Теперь ты знаешь, что делать, Ник.

Ты же все равно его убьешь.

Но всегда есть вероятность, что не убью. Это ведь лучше, чем знать наверняка и даже увидеть своими глазами. — Она выстрелила, и Тедди крикнул — из его пораненного уха закапала кровь. — В следующий раз это будет его подбородок, — пообещала женщина. — Так что брось пистолет.

Прости, папа, — всхлипнул Тедди. — Прости меня, пожалуйста.

«Папа?» — удивилась про себя Клэр.

Мужчина бросил свой пистолет и теперь стоял перед Жюстиной без оружия.

Неужели ты действительно думаешь, Жюстина, что я стал бы затевать все это, ничем не обезопасившись? Убей меня, — и тебе конец.

Клэр пристально глядела на мужчину, силясь отыскать хоть какое-то сходство с Николасом Клоком, которого она видела на фотографии отца. Он был так же широкоплеч и светловолос, однако нос и подбородок стали другими. Пластическая хирургия. Разве Жюстина не сказала этого? «Твое прежнее лицо нравилось мне больше».

Вы ведь должны были умереть, — пробормотала Клэр.

Я даже не сомневалась, что ты покажешься после Итаки, — сказала Жюстина. — Что хоть как-то попытаешься спасти мальчика Оливии. Но, судя по всему, дело сводится к спасению лишь своих собственных крови и плоти.

И вдруг Клэр поняла, что именно эта женщина приказала убить Боба и Барбару. Она же убила тетю и дядю Уилла — лишь для того, чтобы Николас Клок восстал из мертвых. Теперь эта женщина снова отправит их к мертвецам. Всех до одного.

«Сделай же что-нибудь», — велела себе девочка.

Клэр опустила взгляд на мужчину, которого только что застрелила Жюстина. Женщина забрала его пистолет, но у бритоголового остался еще нож. Клэр вспомнила, как он болтался у мужчины на поясе, когда они поднимались по лестнице. Жюстина не смотрела на девочку — все ее внимание было сосредоточено на Клоке.

Клэр нагнулась над ремнем убитого. Подсунула руку под его тело, нащупывая нож.

Если ты убьешь меня, — пообещал Клок, — гарантирую: ты погибла. Все крупные новостные агентства получат видеофайл. Со всеми уликами против тебя, Жюстина, которые я собирал последние несколько лет. Все, что нам с Эрскином и Оливией удалось обнаружить, Компания засунет тебя в такую глубокую черную дыру, что ты позабудешь, как выглядит небо.

Жюстина крепко сжимала Тедди, приставив пистолет к его подбородку, но в ее глазах мелькнула нерешительность. Неужели, уничтожив его, она действительно запустит цепь гибельных событий?

Клэр ухватилась за рукоятку ножа. Попыталась вынуть его из-за пояса, но вес бритоголового крепко прижал нож к полу.

Это необязательно, Жюстина, — спокойно и разумно произнес Николас Клок. — Позволь мне забрать сына. Позволь нам исчезнуть.

И всю оставшуюся жизнь мне придется с ужасом ждать, когда ты вновь явишься и начнешь говорить.

Но если я умру, правда точно выплывет наружу, — сказал Клок. — То, что ты помогла Икару бежать из тюрьмы. Что захватила его счета. Вопрос остался только один: куда ты дела его тело, после того как выпытала у него коды доступа?

У тебя нет доказательств.

У меня есть достаточно доказательств, чтобы уничтожить тебя. Мы наконец-то поняли это, все втроем. Ты убила людей из собственной команды, Жюстина, и все из-за денег. Ты ведь знаешь, что бывает после этого.

Из лестничного колодца донесся шум бегущих ног.

«Действуй немедленно, — приказала себе Клэр. — Это твой последний шанс».

Девочка выдернула нож и прыгнула вперед. Ударила туда, куда достала, — в заднюю часть Жюстининого бедра. Лезвие проткнуло ткань и ушло далеко в плоть, почти по самую рукоятку.

Жюстина пронзительно закричала и, покачнувшись, выпустила Тедди. В тот же миг Николас Клок нагнулся к полу. За упавшим пистолетом.

Жюстина выстрелила первой. Прозвучали три хлопка. Кровь обрызгала стену за спиной Клока — ярко-красный фонтан, который ударил после выстрела, заставившего мужчину растянуться на полу. Клок упал на спину, и, судя по глазам, сознание уже начало покидать его.

Папа! — заорал Тедди. — Папа!

Жюстина, побелевшая от боли и ярости, повернулась к Клэр, к девочке, которая решилась дать сдачи. К девочке, которая дважды обманывала смерть, только чтобы встретиться с ней прямо сейчас, здесь. Клэр видела, как пистолет с глушителем наставляют на ее голову. Видела, как Жюстина выпрямляет руку, выравнивая пистолет для выстрела. Это последнее, что увидела Клэр, прежде чем закрыть глаза.

Бах! — девочка качнулась и опять ударилась о стол. В этот раз прозвучал не просто хлопок, а целый громовой разряд, от которого зазвенело в ушах. Клэр ждала боли. Неприятных ощущений. Однако чувствовала лишь, как тяжело и часто дышит.

А еще слышала отчаянный вопль Тедди:

Помогите ему! Прошу, помогите моему папе!

Открыв глаза, Клэр увидела, что детектив Риццоли опустилась на корточки возле Николаса Клока. Жюстина лежала на спине с широко открытыми невидящими глазами, а вокруг ее головы разливалась лужа крови.

Фрост! — крикнула Риццоли. — Приведи Мауру! Здесь раненый.

Папочка, — молил Тедди, дергая Клока за рукав и забыв о собственной боли, о собственной крови, которая все еще капала из простреленного уха. — Ты не должен умереть. Пожалуйста, не умирай.

Кровь Жюстины, продолжая растекаться, стала приближаться к девочке, словно амеба, грозящая поглотить ее. Вздрогнув, Клэр поднялась на ноги и с трудом отошла в угол комнаты, подальше от мертвых тел. Подальше от покойников.

На лестнице снова послышались чьи-то шаги — в комнату ворвалась доктор Айлз.

Это папа Тедди, — спокойно проговорила Риццоли.

Опустившись на колени, доктор Айлз прижала пальцы к шее

мужчины. Рывком расстегнула его рубашку, обнажив скрытый под ней кевларовый жилет. Однако пуля пробила тело над ним, и Клэр увидела, как кровь рекой хлещет из раны, растекаясь озером у ног доктора Айлз.

Вы можете его спасти! — завопил Тедди. — Прошу вас. Прошу...

Парнишка продолжал умолять и всхлипывать, но в глазах его отца угасал последний отблеск сознания.

33

Николас Клок так и не пришел в себя.

Сосудистые хирурги из Медицинского центра Восточного Мэна восстановили его подключичную вену, удалили гемоторакс из его легкого и сочли операцию успешной, однако Клок не очнулся после анестезии. Дыхание было самостоятельным, показатели жизненно важных функций оставались стабильными, тем не менее день за днем, пока отец Тедди лежал в коме, Джейн все яснее слышала пессимизм в голосе врача. Большая кровопотеря и гипоперфузия мозга. Постоянный неврологический дефицит. О выздоровлении речи уже не шло; вместо этого обсуждались долговременный уход и перевод в соответствующую больницу, катетеры Фолея, трубки для кормления и другие приспособления, которые Джейн видела в фальшивом каталоге «Больничного оборудования Лейдекера».

Даже в состоянии комы Николас Клок нашел способ рассказать миру правду.

Спустя семь дней после перестрелки в школе появилось видео. Первым его показал канал «Аль-Джазира», и с тех пор оно не исчезало из эфира. В течение последующих сорока восьми часов Николас Клок побывал, казалось, на всех компьютерных и телеэкранах мира; он спокойно и методично излагал события, произошедшие в Италии шестнадцать лет назад. Описывал слежку за финансистом-террористом, известным под кодовым именем Икар, его поимку в рамках особенной экстрадиции. Открывал подробности его тюремного заключения и усиленные методы допросов, которые к нему применялись. А еще рассказывал о бегстве Икара из секретной тюрьмы строгого режима в Северной Африке, о побеге, который организовала вышедшая из-под контроля агент по имени Жюстина Маклеллан. Подобным трудно удивить или поразить мир, который давным-давно относится ко всему скептически.

Однако убийства американских семей на территории Америки должны были обратить на себя внимание.

В конференц-зале Бостонского ПУ шесть детективов, занимавшихся убийством Акерманов, смотрели вечерние новости Си-Эн-Эн, передачу, которая ответила на множество вопросов о том, что в действительности случилось с этой семьей. Их убил вовсе не колумбийский иммигрант по имени Андрее Сапата; эту семью уничтожили по той же самой причине, что и другие приемные семьи, — чтобы Николас Клок поверил: его сын Тедди в неминуемой опасности. Чтобы ему пришлось выбраться из своего укрытия.

Пока Жюстина считала меня погибшим, Тедди оставался в безопасности. У нее не было причин нападать на него. Если бы я забрал его и мы сбежали, Жюстина бесконечно охотилась бы за нами. Нам пришлось бы постоянно оглядываться. Тедди знает, что я жив. И понимает, почему я решил оставаться невидимкой. Ради него, только ради него.

Но теперь все изменилось. Видимо, Жюстина перехватила одно из наших сообщений и теперь знает, что я жив. Времени у меня немного. Возможно, это мой последний шанс выложить доказательства, которые я собирал последние два года. Доказательства, что Жюстина Элизабет Маклеллан помогла сбежать террористу, известному под именем Икар. Что она почти наверняка убила Икара, после того как получила от него номера счетов и пароли к ним. Что она сама и агенты, которым она платила, ответственны за убийства семейств Уордов и Яблонски, а также моей семьи. Потому что мы задавали вопросы о том, с чего она вдруг разбогатела. Мы начали расследование, и ей пришлось остановить нас. Наши близкие оказались всего лишь невинными очевидцами.

Трое выживших детей — Клэр, Уилл и Тедди — ее гарантия в этой охоте. Жюстина собрала их как наживку, чтобы вытащить меня на поверхность. Она использует все свои ресурсы — официальные и неофициальные — и даже заставила ЦРУ поверить в то, что Икар до сих пор жив. Что объект этой охоты — он.

Но разыскивает она меня.

Если кто-то смотрит это видео, значит, Жюстина победила. Значит, что я говорю с вами из могилы. Но правда не умерла вместе со мной. И я, Николас Клок, клянусь: все, что я здесь сказал, на самом деле правда…

Джейн оглядела других детективов, сидевших за столом. Кроу сидел, сжав губы и нахмурившись, — неудивительно: публичный триумф главного детектива по делу Акерманов только что был начисто разбит, словно ударом кузнечного молота, и каждый журналист криминальной

хроники знал об этом. Поспешные выводы относительно вины Андреса Сапаты навсегда испортили репутацию Даррена Кроу. Детектив заметил, что Риццоли смотрит на него, и ответил ей так злобно, что его взгляд, казалось, способен был испарять воду.

Наверное, Джейн должна была чувствовать себя победительницей, радоваться подтверждению своих инстинктов, однако улыбаться ей не хотелось. Николас Клок лежал в коме и, вполне вероятно, никогда из нее не выйдет, а Тедди снова остался без отца. Она думала о том, сколько людей погибло — Клоки, Яблонски и Уорды. Акерма- ны, Темплы и Бакли. Погибли, все они погибли — и лишь потому, что одна женщина не смогла устоять перед соблазном очень сильно разбогатеть.

Передача кончилась. Другие детективы поднимались и выходили из зала, а Джейн все еще сидела в своем кресле, размышляя о правосудии. О том, что мертвым от него нет никакой пользы. «Для них правосудие всегда запаздывает», — подумала она.

Хорошо поработали, Риццоли, — похвалил лейтенант Маркетт.

Джейн подняла глаза и увидела своего начальника, стоявшего в дверном проеме.

Спасибо.

Почему же у вас такой вид, будто только что умер ваш лучший друг?

Просто я не чувствую удовлетворения, понимаете?

Ведь именно вы положили Жюстину Маклеллан. Разве это вас не радует?

Вероятно, я обрадовалась бы, если бы можно было оживить мертвых.

За это нам не платят. Мы всего-навсего наводим порядок. — Маркетт нахмурился — раздался звонок его телефона. — Похоже, пресса спятила. А это большая проблема, поскольку история чертовски щекотливая.

Агент, вышедший из-под контроля? Убитые американцы? — Риццоли фыркнула. — Да уж, это не шутки.

Мы плюнули в физию федералам. Так что пока отвечаем «без j комментариев», ладно? — Лейтенант поднял голову. — А теперь) убирайтесь отсюда. Идите домой и выпейте пива. Вы его заслужили.

Эта фраза была самой приятной из всех, которые Джейн когда- либо слышала от Маркетта. От пива Риццоли действительно не отказалась бы. И она в самом деле заслужила его. Джейн собрала свои папки, положила их на рабочий стол и вышла из отделения.

Но домой не пошла.

Вместо этого она поехала в Бруклайн, к человеку, которого эти новости расстраивали не меньше, чем ее. К человеку, которому больше не с кем было поговорить. Подъехав к дому, Джейн с облегчением увидела, что телевизионных фургонов там еще нет, однако пресса наверняка скоро прибудет. В Бостоне каждый журналист знает, где живет Маура Айлз.

Внутри горел свет, и до Джейн донеслись звуки классической музыки — жалобный плач скрипки. Ей пришлось дважды позвонить в дверь, прежде чем она отворилась.

Привет, — сказала Джейн. — Ты видела его по телевизору? Это видео висит повсюду в Интернете!

Маура устало кивнула.

И это только начало.

Потому я и приехала. Подумала, что тебе нужно общество.

Боюсь, в моем обществе тебе будет не особенно весело. Но я рада, что ты приехала.

Войдя вслед за Маурой в гостиную, Джейн увидела там откупоренную бутылку красного вина и почти пустой бокал на журнальном столике.

Если ты вытаскиваешь целую бутылку, значит, решила серьезно выпить.

Налить тебе бокал?

А можно мне достать пиво из твоего холодильника?

Угощайся. По-моему, там осталась бутылочка с твоего предыдущего визита.

Зайдя на кухню, Джейн увидела девственно чистые рабочие поверхности — ни одной грязной тарелки в поле зрения. Там было так чисто, что можно было оперировать, но это же Маура. Все на своих местах. Джейн вдруг подумала о том, как уныло без хаоса, без единого намека на беспорядок. Словно здесь никто не живет. Будто бы Маура так

вычистила, так стерилизовала свою жизнь, что в ней больше не осталось радости.

Джейн обнаружила бутылку пива «Адаме», купленную, наверное, несколько месяцев назад, и открыла ее. А затем вернулась в гостиную.

Скрипка все еще играла, но теперь уже приглушенно. Джейн села на диван. Маура отхлебнула вина, а Джейн глотнула пива, стараясь не пролить ни капли ни на идеально чистую обивку, ни на дорогущий персидский ковер.

Теперь ты наверняка чувствуешь себя полностью реабилитированной, — сказала Маура.

Ага. Я выгляжу настоящим гением. Приятнее всего, что мне удалось серьезно опустить Кроу. — Риццоли снова отхлебнула пива. — Но этого недостаточно, верно?

Чего недостаточно?

Того, что мы закрыли дело. Что мы все правильно поняли. Это не отменяет факта, что Николас Клок, скорее всего, никогда не очнется.

Однако дети в безопасности, — заметила Маура. — Это самое главное. Я говорила с Джулианом сегодня утром, он сказал, что у Клэр и Уилла все хорошо.

А у Тедди — нет. Сомневаюсь, что у него когда-нибудь все будет хорошо, — проговорила Джейн, глядя на бутылку с пивом. — Вчера вечером я виделась с ним у его приемных родителей. Мы отвезли его назад, в семейство Иниго, где за ним приглядывали до истории в школе. Он не сказал мне ни слова, ни единого слова. Думаю, в том, что случилось, он винит меня. — Джейн подняла глаза на Мауру. — Парнишка считает нас всех виноватыми — тебя, меня, Сансоне.

Но тем не менее Тедди с радостью примут назад в «Вечерню».

Ты говорила об этом с Сансоне?

Сегодня днем. — Маура потянулась к своему бокалу вина, будто бы ей следовало подкрепиться, прежде чем говорить на эту тему. — Он сделал мне интересное предложение, Джейн.

Что еще за предложение?

Работать консультантом по судебной медицине в Обществе Мефисто. И подвизаться в «Вечерне», где у меня будет возможность, как он выразился, «формировать умы молодежи».

Джейн приподняла одну бровь.

А не кажется ли тебе, что на самом деле он предлагает нечто более личное?

Нет, он сказал именно так. Нужно судить его по его словам.

А не по толкованию этих слов.

Боже мой. — Джейн вздохнула. — Вы танцуете друг вокруг друга так, будто оба слепы.

А если бы я не была слепа, что именно я увидела бы?

Что Сансоне куда лучше для тебя, чем Даниэл Брофи.

Маура покачала головой.

Не думаю, что мне вообще стоит сейчас выбирать мужчину. Но я размышляю над его предложением.

То есть, ты хочешь уйти из бюро судмедэкспертизы? Уехать из Бостона?

Да. В этом случае придется.

Скрипичная музыка взлетела к высокой, печальной ноте. Казалось, эта нота пронзила грудь Джейн.

Ты всерьез думаешь об этом?

Потянувшись к пульту дистанционного управления, Маура внезапно выключила музыку. Между подругами повисло молчание — тяжелое, словно бархатная портьера. Маура оглядела гостиную — белый кожаный диван, полированную мебель красного дерева.

Я не знаю, Джейн, что меня ждет.

В окне вспыхнул свет, и Джейн поднялась, чтобы выглянуть из-за шторы.

Увы, я точно знаю, что тебя ждет.

Что же?

Только что подъехал фургон телевизионщиков. Чертовы гиены не могут подождать до пресс-конференции. Им обязательно нужно возникнуть у тебя на пороге.

Мне велели не разговаривать с ними.

Нахмурившись, Джейн обернулась.

Кто это тебе велел?

Мне позвонили полчаса назад. Из администрации губернатора. На них давит Вашингтон, требует держать все это в тайне.

Поздно. Сюжеты уже идут по Си-Эн-Эн.

Я сказала им об этом.

Так значит, ты вообще не собираешься общаться с прессой?

А разве есть выбор?

Выбор есть всегда, — возразила Джейн. — Что ты сама хочешь делать?

Поднявшись с дивана, Маура подошла к Джейн и встала рядом с ней у окна. Подруги наблюдали за тем, как оператор начал вытаскивать из фургона оборудование, готовясь ступить на лужайку перед домом Мауры.

Легче всего, — заметила Маура, — просто сказать им: «Без комментариев».

Никто не сможет заставить нас говорить.

Маура поразмышляла над этим, наблюдая за тем, как подъехал второй фургон телевизионщиков.

А разве не так все это и произошло? — спросила она. — Слишком много тайн. Слишком много людей что-то скрывают. Стоит только пролить свет, как тайны теряют свою силу.

Именно так поступил Николас Клок, когда снял свое видео, подумала Джейн. Свет, пролитый на правду, стоил ему жизни. Но зато спас его сына.

Знаешь, Маура, в этом ты разбираешься лучше всех. Ты включаешь свет и заставляешь мертвецов рассказывать тайны.

Проблема только в том, что общаться мне приходится с одними лишь мертвецами. Мне нужен кто-то с температурой тела, немного превышающей температуру окружающей среды. Не думаю, что я смогу найти его в этом городе.

Мне ужасно не хочется, чтобы ты уезжала из Бостона.

У тебя здесь семья, Джейн. А у меня нет.

Захотелось семьи? Так я отдам тебе своих родителей. И пусть они сведут тебя с ума. И еще Фрэнки добавлю, чтобы ты от души порадовалась.

Маура рассмеялась.

Эта радость, Джейн, твоя и только твоя.

Я хотела сказать, что семья вовсе не всегда приносит счастье. А разве работа для тебя не важна? И… — Джейн осеклась. А потом добавила тихо: — И твои друзья?

Снаружи к дому подъехал еще один телевизионный фургон, и женщины услышали, как хлопнули его дверцы.

Маура, — снова заговорила Джейн, — я была не очень хорошим другом. И знаю это. Клянусь, в следующий раз я поступлю иначе. — Она подошла к журнальному столику за винным бокалом Мауры и за своей бутылкой пива. — Поэтому давай выпьем за то, чтобы друзья оставались друзьями.

Улыбаясь, они сдвинули бокал и бутылку и выпили.

Зазвонил мобильный телефон Джейн. Вытащив его из своей сумочки, она увидела на экране код штата Мэн.

Риццоли, — ответила она.

Детектив, это доктор Стейн из Медицинского центра Восточного Мэна. Я невролог, наблюдающий за господином Клоком.

Да, мы говорили два дня назад.

Я… э-э-э… не знаю даже, как сообщить вам об этом, но…

Он умер, — подсказала Риццоли, догадавшись о цели звонка.

— т- Нет! То есть… я так не думаю.

Как вы можете не знать наверняка?

На том конце провода послышался робкий вздох.

Мы правда не знаем, как объяснить случившееся. Но, когда сегодня днем сестра вошла в его палату, чтобы проверить жизненно важные функции, его койка была пуста, а капельница — отсоединена. Последние четыре часа мы искали его по всей территории больницы, но так и не нашли.

Четыре часа? Он пропал так давно?

А может, и раньше. Мы не знаем, когда именно он вышел из палаты.

Доктор, я вам сейчас перезвоню, — прервала она Стейна и повесила трубку.

Джейн тут же стала набирать номер семейства Иниго. Один гудок. Второй.

Что случилось, Джейн? — поинтересовалась Маура.

Пропал Николас Клок.

Что1 — Маура непонимающе уставилась на подругу. — Я думала, он в коме.

Алло? — ответила по телефону Нэнси Иниго.

Тедди дома? — осведомилась Джейн.

Детектив Риццоли, это вы?

Да. Я тревожусь за Тедди. Где он?

В своей комнате. Он вернулся из школы и сразу пошел наверх. Я как раз собиралась позвать его вниз, к ужину.

Пожалуйста, загляните к нему. Сделайте это прямо сейчас.

Шаги Нэнси Иниго заскрипели по лестнице, и она спросила

Джейн:

Не могли бы вы рассказать мне, в чем дело?

Еще не знаю. Пока не могу.

Джейн услышала, как Нэнси постучала в дверь и крикнула:

Тедди, можно войти? Тедди! — Воцарилась тишина, а затем раздался встревоженный голос Нэнси: — Его здесь нет!

Поищите его в доме, — велела Джейн.

Погодите. Погодите, здесь, на кровати, лежит записка. Почерк Тедди.

Что там написано?

В трубке раздался шелест бумаги.

Она адресована вам, детектив, — сказала Нэнси. — Здесь написано: «Спасибо. Теперь у нас все будет хорошо». Больше ничего.

Джейн представила, как Николас Клок чудесным образом очнулся, отсоединил капельницу и вышел из больницы. Вообразила, как Тедди кладет записку на свою кровать, а затем, выскользнув из дома супругов Иниго, исчезает во тьме. Оба прекрасно знали, куда идут, поскольку цель у них одна — совместное будущее, жизнь отца и сына.

Вы хоть примерно понимаете, о чем эта записка? — поинтересовалась Нэнси.

Да. Думаю, я прекрасно понимаю, что он хотел сказать, — тихо ответила Джейн и повесила трубку.

Так значит, Николас Клок жив, — догадалась Маура.

Не просто жив. Он наконец забрал сына. — Джейн поглядела в окно на фургоны телевизионщиков, на разрастающееся сборище журналистов и операторов. Она улыбалась, но огни машин все равно расплывались от ее слез. Риццоли подняла бутылку и произнесла тост, обращаясь в темноту: — За тебя, Николас Клок.

«Конец игры», — мелькнуло у нее в голове.

34

Кровь смыть легче, чем воспоминания, подумала Клэр. Она стояла в кабинете доктора Уэлливер и разглядывала новые ковер и мебель. Солнечный свет отражался от идеально чистых поверхностей; в помещении пахло свежим воздухом и лимоном. Через открытые окна до нее доносился смех студентов, катающихся в лодках по озеру. Субботние звуки. Оглядывая комнату, сложно было поверить, что в ней когда-то произошло нечто ужасное, — так старательно школа изменила ее. Но,

сколько ни оттирай, образы, запечатленные в памяти Клэр, смыть невозможно. Она глядела на бледно-зеленый ковер, — и поверх узора из ягод и лоз ей чудился мертвец, смотрящий вверх ничего не видящими глазами. Она повернулась к стене, — и на ней тут же появились пятна разбрызганной крови Николаса Клока. Девочка посмотрела на рабочий стол — и тут же вспомнила, как рядом лежало тело Жюстины, убитой из пистолета детектива Риццоли. Куда ни глянь в этом помещении — повсюду чудились покойники. Дух доктора Уэлливер тоже по-прежнему обитал здесь — улыбался, сидя за столом и потягивая бесконечный чай из чашки.

Их так много, этих духов. Неужели она хоть когда-нибудь перестанет их видеть?

— Клэр, ты идешь?

Девочка обернулась к Уиллу, стоявшему на пороге кабинета. Она больше не видела в нем прыщавого толстячка, теперь перед ней был ее Уилл — парнишка, который, думая, что они вот-вот погибнут, стремился лишь к одному: защитить ее. Клэр не была уверена, что это любовь; она и сама не понимала, что чувствует по отношению к нему. Но знала наверняка: он сделал для нее то, что не делал прежде ни один мальчишка, а это уже много. Может быть, даже все.

А еще у него красивые глаза.

Клэр в последний раз обвела взглядом комнату, молча попрощалась с духами, затем кивнула.

Иду.

Они вместе спустились по лестнице и вышли на улицу, где их однокашники, наслаждаясь ясным субботним днем, плескались в озере и валялись в траве. Стреляли из лука по мишеням, которые сегодня утром расставил господин Роман. Клэр и Уилл начали подниматься по тропе, которая теперь была им хорошо известна, по тропе, которая вела на вершину холма, петляла между деревьями, валунами, покрытыми лишайником, и кустами можжевельника. Они добрались до каменных ступеней и взошли на террасу, к кругу из тринадцати камней.

Остальные уже ждали их. Клэр увидела хорошо знакомые лица: Джулиан и Бруно, Артур и Лестер. В это прекрасное утро на деревьях пел целый хор птиц, а пес по имени Волк дремал на камне, согретом солнечными лучами. Клэр подошла к краю террасы и поглядела вниз, на зубчатую крышу замка. Казалось, он возвышается над долиной, словно древний горный хребет. «Вечерня». «Мой дом», — подумала девочка.

Итак, я объявляю собрание «Шакалов» открытым, — сказал Джулиан.

Клэр повернулась и тоже подсела к кругу.

Примечания

1

бабушка. (Здесь и далее, если не отмечено особо, — прим. пер.)

2

Книжные группы (book groups) (также: группы чтения, reading groups, и книжные дискуссионные клубы, book discussion clubs) — группы людей, собирающиеся чаще всего в библиотеках или книжных магазинах и обсуждающие прочитанные книги. Такой тип общения очень распространен в США.

3

Стэй Пафт — персонаж комиксов и мультсериала «Охотники за привидениями», огромный злодей-морячок, сделанный из зефира.

4

«Бостонские мишки» («Бостон бруинз») — профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальный хоккейной лиге.

5

«Патриоты Новой Англии» («Нью-ингленд пэтриотс») — профессиональный футбольный клуб штата Массачусетс.

6

Amanita bisporigera — гриб рода мухомор. Смертельно ядовит. Растёт преимущественно в смешанных лесах на востоке США, также в Канаде.

7

НКБП (NTSB — National Transportation Safety Board) — Национальный комитет безопасности перевозок.

8

ПЗНП (VICAP — Violent Criminal Apprehension Program) — Программа задержания насильственных преступников, база данных ФБР.

9

Макартур, Дуглас (1880–1964), американский военачальник, командовал союзными войсками на Тихоокеанском театре военных действий в годы Второй мировой войны.

10

У. Шекспир. «Макбет». Акт I, сцена 5. Пер. А. Радловой.

11

Здесь: МТИ (MIT, Massachusetts Institute of Technology) — Массачусетский технологический институт.

12

Незнакомец называет вымышленное имя. Дензел Хэйс Вашингтон-мл. (р. 1954) — известнейший американский актёр, кинорежиссёр и кинопродюсер. Лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль и за лучшую мужскую роль второго плана.